АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРЕЛИИ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1972

Редакционная коллегия:

Г. А. ПАНКРУШЕВ (ответственный редактор),
С. И. КОЧКУРКИНА, Ю. А. САВВАТЕЕВ,

1-6-2
105—72

А. В. Анпилогов

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА р. КЕМИ

Археологические исследования на берегах Кеми впервые были начаты Г. И. Горецким,[1] а в 1940 и 1951 гг. продолжены Н. Н. Гуриной.[2] Ими в нижнем течении реки открыто несколько разновременных памятников, на которых заложены разведочные раскопы.

Обширные археологические раскопки производились здесь в 1965—1967 гг. в связи со строительством каскада гидростанций.

В 1965 г. в район строительства Путкинской ГЭС прибыл отряд под руководством автора с целью спасения древних памятников от затопления и разрушения.

В районе строительства гидростанции были известны три стоянки. Отрядом найдено еще пять. Две из них — Путкинская V и Va — эпохи мезолита, остальные неолитические.

Из всех стоянок три оказались разрушенными в ходе строительных работ, другие сильно повреждены.

Отрядом раскопаны уцелевшие площади стоянок, а на разрушенных собран подъемный материал.

В 1966 г. автором проведена археологическая разведка в среднем течении реки на участке длиной 54 км. Открыто 23 стоянки эпохи мезолита.

Все мезолитические стоянки, открытые и раскопанные в 1965—1967 гг., располагаются четырьмя компактными группами.

Первая из них, путкинская, включает две стоянки: Путкинская V и Va. Они расположены на левом берегу реки, в 7 км от г. Кеми.

Следующие две группы стоянок находятся в районе д. Подужемье. Одна из них, подужемская, состоит из пяти стоянок: Подужемская I, Ia, II, IIa и III. Они находятся по правую сторону шоссе Кемь—Ухта, в 29 км от первой группы. Другая группа, из четырех стоянок (Вочаж I—IV), расположена на противоположном, правом берегу Кеми, выше водопада Вочаж, в 70—200 м от берега реки. Четвертая группа, авнепорожская, состоит из 12 стоянок: Авнепорожская I—XII; стоянки расположены в районе пос. Авнепорог, между 45—47 км от г. Кеми.

Одиночные стоянки (Кривопорожская I и II) удалены от этих групп. Они находятся на 36-м и 54-м км по правую сторону шоссейной дороги Кемь—Ухта.

Мезолитические стоянки на р. Кеми, как правило, расположены на высоких береговых террасах и удалены от современного берега реки на 70—250 м. Высота их над уровнем моря от 29 до 70 м (см. таблицу). Площади стоянок небольшие — 150—500 м^2. Культурный слой, толщиной

---

[1] Г. И. Горецкий. Неолитические стоянки в районе г. Кеми. КСИИМК, в. 9, 1941.

[2] Н. Н. Гурина. Археологические исследования в Карелии и Ленинградской области. КСИИМК, в. 51, 1953.

Орудия кемских мезолитических стоянок

Стоянки	Высота над уровнем моря (в м)	Площадь раскопа (в м²)	Кварц													Кремень		Кварцит	Шифер	Сланец		Всего орудий
			топоры	тесла	долота	стамески	заготовки и обломки рубящих орудий	отбойники	скребла	скребки	резцы	ножевидные пластины и их обломки	прочие орудия: пробойники, наконечники копий, грузики, нуклевидные орудия, ножи	нуклеусы	осколки с обработкой	скребки	ножевидные пластины и их обломки	точильные бруски	пилы	обломки шлифованных сланцевых орудий	грузики	
Авнепорожская X	70.68	260	—	—	1	—	—	4	1	18	6	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	31
Авнепорожская VIII	65.90	104	1	—	2	—	1	—	1	2	3	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	13
Авнепорожская IX	65.18	72	—	—	1	—	1	1	—	9	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	13
Авнепорожская XI	63.1	200	1	1	—	—	—	7	—	11	5	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	27
Авнепорожская VI	58.2	332	—	—	1	—	—	12	—	16	9	2	3	1	3	—	—	—	—	—	—	47
Авнепорожская IV	50.69	384	—	1	—	—	—	3	1	31	20	3	3	2	3	—	—	—	—	—	—	67
Вочаж IV	44	120	—	—	1	—	—	2	1	—	7	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	12
Вочаж I	43.86	216	—	—	2	—	1	4	1	13	14	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	36
Вочаж II	43.81	120	—	—	—	—	1	3	—	1	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Подужемская III	43.33	160	1	—	—	—	1	2	—	7	6	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	20
Подужемская IIа	40.41	144	—	—	—	—	—	—	1	5	7	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	18
Вочаж III	40	52	—	—	1	—	—	1	—	1	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	7
Подужемская I	38.9	152	—	—	—	—	1	4	1	6	8	2	—	4	3	—	—	—	—	—	—	29
Подужемская Ia	38.9	396	—	—	4	—	—	14	1	16	6	1	—	2	3	—	—	—	—	—	—	47
Кривопорожская II	50.69	104	—	—	—	—	—	2	1	4	11	5	1	2	—	—	—	—	—	—	—	26
Кривопорожская I	50.13	80	—	—	—	—	—	1	1	1	9	1	1	—	—	—	—	1	—	—	1	16
Подужемская II	37.00	432	2	—	2	—	—	10	2	83	10	16	—	6	3	—	—	—	—	1	—	135
Путкинская V	29	368	2	—	1	2	—	—	4	36	6	6	—	2	—	—	—	—	—	1	—	60
Путкинская Va	29	472	—	—	—	—	—	—	—	15	1	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	20
Итого		4168	7	2	16	2	6	70	16	275	137	41	9	31	18	1	—	1	1	2	1	636

5—15 см, представлен песком оранжевого цвета, который распространен не равномерно, а отдельными пятнами и всегда перекрыт 3—5 см серого подзола. Подстилающим слоем везде является желтый песок.

На стоянках не найдено жилищ и хозяйственных ям. На многих из них обнаружены кострища различной величины с углистой линзой (3—10 см).

Несмотря на большие площади раскопок, обнаруженный на стоянках инвентарь очень беден, имеет архаический облик. Найдено всего 636 предметов материальной культуры (см. таблицу).

Все орудия, за некоторым исключением, изготовлены из кварца. Среди них впервые найдены крупные рубящие орудия — топоры, тесла, стамески, долота, а также нуклевидные орудия, нуклеусы, отбойники, ретушеры, скребла, скребки, резцы и т. п. Активное применение кварца на кемских стоянках объясняется местными условиями: кремня в Карелии нет, население вынуждено было для изготовления орудий использовать другие породы камня. Наиболее подходящей являлся кварц, который широко распространен в данном районе, а в отдельных местах в виде жил выходит на поверхность.

По высотному расположению, а также материалу, применяемому для изготовления орудий, и технике их обработки мезолитические стоянки на р. Кеми можно разделить на две разновременные группы.

К ранним стоянкам относятся Авнепорожская X, Авнепорожская VIII, Авнепорожская IX, Авнепорожская XI, Авнепорожская VI, Авнепорожская IV, Вочаж IV, Вочаж I, Вочаж II, Подужемская III, Подужемская IIа, Вочаж III, Подужемская I, Подужемская Iа (см. таблицу).

Характерным признаком этой группы стоянок является господство кварцевых орудий, обработанных сколами и грубой оббивкой. Ретушь совершенно отсутствует. Из крупных рубящих орудий найдены топоры, тесла, долота.

Топор (рис. 1, *2*), найденный на стоянке Авнепорожская VIII, имеет подтреугольную форму, округлое лезвие и острый обух. Рабочая часть и грани его обработаны сколами. Размеры топора 9×6.2×2.5 см. У тесла (рис. 1, *1*) со стоянки Авнепорожская XI форма неправильно четырехугольная, подовальное, поперечное сечение, асимметричное лезвие; размеры его 8×5×2.5 см. Тесло (рис. 1, *3*), найденное на стоянке Авнепорожская IV, треугольной формы, с асимметричным лезвием, острым обухом; размеры 7.5×4×2 см. Долото (рис. 1, 4) со стоянки Авнепорожская IX массивное, короткое, с четким треугольным поперечным сечением, округлым лезвием; размеры 4.8×3.8×2.5 см. Долото (рис. 1, *5*), найденное на стоянке Авнепорожская VI, подтреугольной формы, с овальным поперечным сечением; лезвие его обработано односторонними сколами, размеры 5.6×3.5×2 см. Долото (рис. 1, *6*) со стоянки Авнепорожская X похоже на предыдущее, но с подпрямоугольным поперечным сечением; размеры 4.3×2.5×2.3 см.

Помимо указанных орудий на стоянках найдены нуклеусы призматической и пирамидальной формы, округлые отбойники разной величины с выбоинами по поверхности, нуклевидные орудия неизвестного назначения, ножевидные пластины и т. п.

На стоянке Авнепорожская VI обнаружено единственное для кемских стоянок орудие охоты — обломок наконечника копья. Он сделан из удлиненного отщепа кварца, имеет листовидную форму, прямое основание. Спинка обработана мелкими сколами (рис. 1, *15*). На этой же стоянке найден кварцевый нож. Лезвие слегка округлое, обработано мелкими сколами. Изготовлен из ножевидной пластины (рис. 1, *12*); размеры 5×2×0.8 см.

Интерес представляет пила со стоянки Авнепорожская XI. Она сделана из плоской шиферной гальки с заточкой по одному краю. На одной из сторон заметно искусственное углубление (рис. 1, 7). Размеры пилы

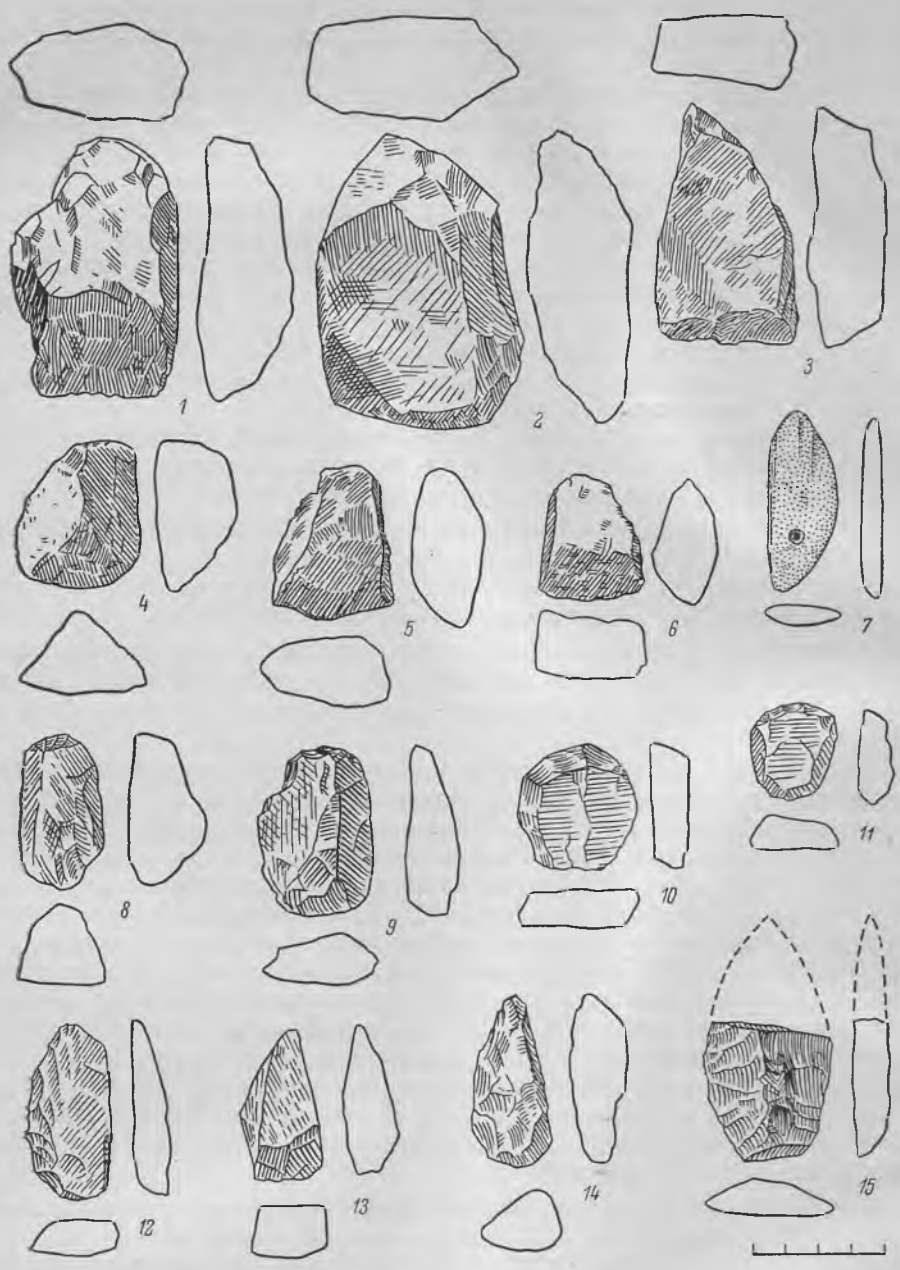

Рис. 1. Орудия первой группы мезолитических стоянок (*1—15*).

5×2×0.4 см. Эти малые размеры свидетельствуют о том, что пила использовалась скорее всего для работы по кости.

Большую часть орудий составляют скребки 275 экз. Они сделаны из массивных отщепов. По форме их можно разделить на две группы: концевые и округлые. Лезвия скребков обработаны сколами.

Второе место по количеству орудий после скребков занимают резцы. Они изготовлены из удлиненных отщепов. Концы резцов с одной или двух сторон подправлены резцовыми сколами (рис. 2, *13*, *14*).

Ко второй группе стоянок относятся Кривопорожская II, Кривопорожская I, Подужемская II, Путкинская V и Путкинская Va (см. таблицу).

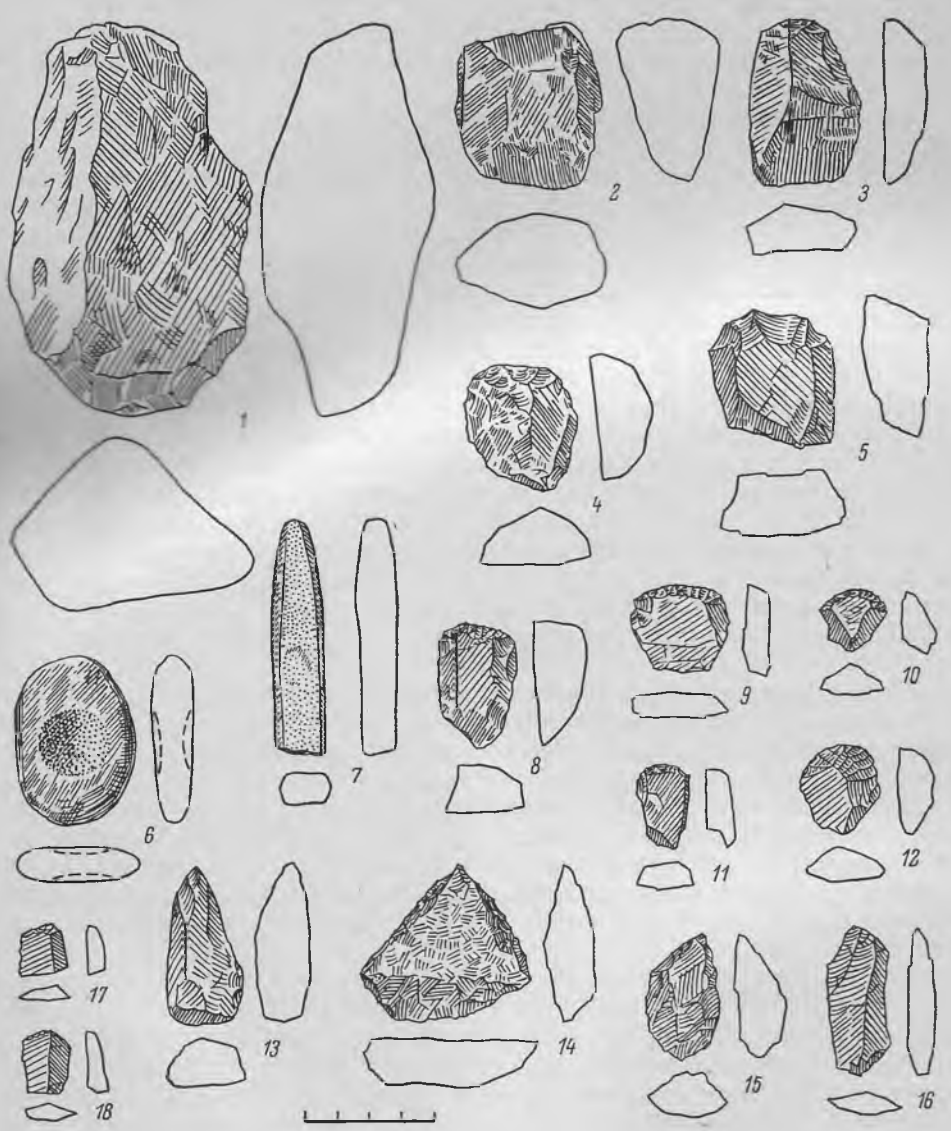

Рис. 2. Орудия второй группы мезолитических стоянок (*1—18*).

Для этих стоянок также характерен кварцевый инвентарь. Имеются орудия, аналогичные орудиям со стоянок первой группы. К ним относятся рубящие кварцевые орудия (рис. 2, *1—3*) и некоторая часть скребков, обработанных сколами (рис. 2, *4*, *5*).

В основном изделия данных стоянок отличаются от орудий ранних памятников. Здесь наряду с кварцевыми имеются изделия из других пород камня: сланца, песчаника, шифера, кремня. Вместе с тем совершенствуются техника обработки орудий и их форма. Так, скребки ста-

новятся более разнообразными. Среди них встречаются округлые, подтреугольные, подчетырехугольные, микролитические, изготовленные из случайных отщепов, а также из обломков ножевидных пластин (рис. 2, *8—12*). Размеры скребков уменьшились. Рабочая часть скребков этой группы вместо сколов обработана тщательной отжимной ретушью. Ретушь на скребках преобладает крутая, но имеется также плоская и мелкая. На большинстве скребков ретушью обработан один край, но на некоторой части орудий обработано несколько сторон. Отдельные скребки имеют круговую ретушь.

Типичными скребками являются скребки подтреугольной и подчетырехугольной формы, обработанные ретушью по одному краю (рис. 2, *8, 10, 11*). Небольшое число скребков сделано из отщепов горного хрусталя.

Более усовершенствованы по сравнению с орудиями первой группы также резцы. Среди них встречаются срединные и угловые. Все они сделаны из отщепов кварца и горного хрусталя. Форма их удлиненная и подтреугольная, рабочий конец оформлен резцовым сколом. На некоторых орудиях рабочая часть обработана ретушью. Возможно, что такие резцы употреблялись и в качестве проколок (рис. 2, *13—15*).

Отбойники и нуклеусы с этих стоянок аналогичны подобным орудиям со стоянок первой группы.

Помимо кварцевых орудий здесь найдены орудия из других пород камня. Так, на стоянке Кривопорожская II обнаружен грузик из окатанной сланцевой гальки с двусторонними выемами. Размеры его 5×3.2×0.7 см. Вполне вероятно, что такие грузики привязывались к леске при ловле рыбы. На этой же стоянке найден брусок. Он сделан из песчаниковой плитки, имеет четырехугольную форму. Все грани его сильно сточены, а один конец заострен (рис. 2, 7). Размеры бруска 7×1.2×1 см. Очевидно, он использовался для обработки костяных изделий.

На стоянках второй группы найдено также несколько небольших орудий, округлых или овальных в разрезе, обработанных сколами по всей поверхности, с выщербинами и со следами заглаженности на гранях. Такие орудия, вероятно, использовались в качестве ретушеров.

На всех кемских мезолитических стоянках почти отсутствуют орудия охоты и рыбной ловли. По нашему мнению, это можно объяснить тем обстоятельством, что для данной цели применялись костяные орудия, которые в почвенных условиях Карелии не сохранились. Отсутствие грузил от рыболовных сетей связано, видимо, с применением каких-то других способов ловли рыбы.

В начале статьи отмечалось, что стоянки располагались на древних береговых террасах, что культурный слой их слабый, находки в раскопах скудные, следы жилищ отсутствуют. Эти признаки говорят о том, что данные памятники представляют собой временные, сезонные стойбища древних рыболовов-охотников. По всей вероятности, здесь проживали небольшие группы людей, ведущие бродячий образ жизни, кочующие с места на место вдоль побережья р. Кеми и близлежащих водоемов. Возможно, люди на этих стойбищах обитали в жилищах типа северных чумов, следы которых проследить не удается.

По материалу, применяемому для изготовления орудий, по методу их обработки и высотному расположению на местности кемские стоянки сходны с мезолитическими стоянками Финляндии. Причем инвентарь первой группы кемских стоянок имеет аналогии с инвентарем ранних стоянок культуры Аскола в Финляндии.

Как для финских, так и для кемских памятников характерно использование крупных рубящих орудий из кварца, а также кварцевых скребков и других орудий из кварца, обработанных сколами. Значительное сход-

ство, а в большинстве случаев и полная аналогия заметны в типах орудий на тех и других стоянках.

Финский археолог В. Лухо датирует ранние стоянки культуры Аскола VIII—VII тыс. до н. э.[3] Видимо, к этому времени следует отнести и кемские стоянки первой группы.

Большое сходство в материальной культуре населения двух указанных районов дает нам основание утверждать, что Карелия и Финляндия в раннем мезолите были заселены родственными племенами с единой материальной культурой. Вполне вероятно при этом, что сначала люди проникали на территорию Карелии, а отсюда в Финляндию. Данное предположение косвенно подтверждается последними геологическими данными,[4] по которым Карелия раньше, чем Финляндия, освободилась от ледника.

В позднем мезолите развитие материальной культуры вышеописанных районов пошло в разных направлениях. В Финляндии, как считает В. Лухо, на основе ранних мезолитических стоянок культуры Аскола получила развитие культура Суомусъярви (6500—3500 тыс. лет до н. э.).[5] В ней наряду с кварцевыми орудиями широко используются орудия из сланца и шифера (небольшие сланцевые топоры с зашлифовкой по лезвию, шиферные кинжалы и т. п.), кварцевые скребки в большинстве обработаны отжимной ретушью.

На кемских стоянках второй группы в это время продолжает развиваться и усовершенствоваться кварцевая материальная культура на базе ранних стоянок. Орудия из других пород камня здесь не получили широкого применения.

Изложенные в статье данные свидетельствуют о единстве материальной культуры населения, обитавшего на берегах р. Кеми на протяжении всей мезолитической эпохи (VIII—IV тыс. до н. э.). Видимо, за это время в данном районе не произошло никаких изменений и в этническом составе населения.

---

[3] V. Luho. Die Askola-Kultur. SMYA, 57, Helsinki, 1956, S. 152—153, Tf. II, III, XXIX.

[4] Последний европейский ледниковый покров. М., 1965, стр. 161, 172—174.

[5] V. Luho, Die Askola-Kultur, S. 152—153.

В. Ф. Филатова

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ПАМЯТНИКОВ С ЧИСТЫМ КОМПЛЕКСОМ КЕРАМИКИ СПЕРРИНГС И ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ

В результате археологического исследования Карелии в течение последнего десятилетия открыто большое число памятников всех археологических эпох, известных на этой территории.[1] Новые данные позволили глубже осветить многие аспекты древнейшей истории края. Некоторые из прежних положений получили уточнения и дополнения.

Выяснилось, что наиболее ранняя археологическая эпоха Карелии — мезолит имеет два этапа, которые охватывают IX—первую половину IV тыс. до н. э.[2] Каждый из этапов представлен большим количеством памятников с богатым и своеобразным каменным инвентарем.

Материал открытых памятников внес существенные изменения также в хронологическую схему эпохи неолита, особенно в ранний этап ее. Прежде отмечалась лишь неоднородность керамических комплексов, характеризующих этот период.[3] Новые данные свидетельствуют о их неодновременности. Наиболее ранний из керамических комплексов представлен керамикой Сперрингс, время появления которой в Карелии определяется ныне серединой IV тыс. до н. э.[4] Позднее, с начала III тыс. до н. э., стала известна ямочная керамика.[5] Оба комплекса представлены значительным числом памятников, содержащих один какой-либо тип керамики — Сперрингс или ямочную.[6] Такие памятники известны во всех исследованных районах Карелии. Параллельное существование поселений с подобным содержанием керамики наблюдается вплоть до конца III тыс. до н. э.[7]

Как известно, оба типа карельской ранненеолитической керамики имеют различное происхождение: ямочная является пришлой, тогда как керамика Сперрингс, по мнению исследователей, появилась в среде местных племен.[8]

---

[1] Г. А. Панкрушев. Археологическое изучение Карелии. В кн.: Научная конференция Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Сокращенные тезисы докладов. Петрозаводск, 1968, стр. 28—45.

[2] Г. А. Панкрушев. Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. Скандинавский сборник, VII, Таллин, 1963.

[3] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 60.

[4] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966, стр. 40.

[5] Там же, стр. 40—41.

[6] Памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс 26; таких же с ямочной 125. Подсчет сделан по данным отчетов Карельской археологической экспедиции за 1955—1967 гг. (Архив Карельск. филиала АН СССР, ф. 1).

[7] Стоянки Пески II, Деревянное I, Войнаволок XXIX, Черная Губа IV, X и др. (Архив Карельск. филиала АН СССР, 1957, ф. 1, оп. 20, № 83, стр. 6—8; 1958, ф. 1, оп. 29, № 14, стр. 16—18; 1962, ф. 1, оп. 29, № 116, стр. 65—67; 1966, ф. 1, оп. 29, № 179, стр. 85—86, 88).

[8] Г. А. Панкрушев. Неолитические стоянки с керамикой Сперрингс в Карелии и Финляндии. Скандинавский сборник, XII, Таллин, 1967.

Если появление ямочной керамики с Волго-Окского междуречья никем из исследователей не отрицается, то вывод о местном происхождении керамики Сперрингс не является общепризнанным. По поводу места ее возникновения существуют самые разноречивые мнения. Однако генетические отличия керамики Сперрингс от ямочной, равно как и разные области их зарождения, ни у кого сомнения не вызывают.

Генетические и, как оказалось, временны́е различия между двумя типами ранненеолитической керамики заставляют несколько по-иному подходить к решению проблем неолита Карелии второй половины IV—конца III тыс. до н. э. Изучение многих вопросов рассматриваемой эпохи возможно лишь при строгом разграничении данных в зависимости от их отношения к каждому из керамических комплексов. Без соблюдения этого условия затруднительно выяснение процессов сложения более позднего неолитического образования — карельской культуры, сформировавшейся к началу II тыс. до н. э. на основе указанных ранненеолитических общностей.[9]

Различия между двумя ранненеолитическими общностями, проявившиеся в своеобразии типов керамики, предполагают особенности и в других сторонах материальной жизни. Тем более что одна из общностей возникла раньше другой. К тому же по времени появления она следует непосредственно за общностью племен позднемезолитического времени на этой же территории. Население с ямочной керамикой появляется, таким образом, на давно освоенной территории.

Мысль о существовании материальной культуры в Карелии до прихода сюда племен с ямочной керамикой высказывалась давно и неоднократно.[10] Широко аргументировать и обосновать ее можно лишь теперь, благодаря наличию большого количества памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс и позднемезолитических.

Основной источник решения рассматриваемой проблемы — это безусловно керамика Сперрингс и данные сравнительного анализа ее с близкими или одновременными типами из других областей.

Важнейшая роль в разрешении данного вопроса принадлежит каменному инвентарю.

Основой для выводов должен послужить сравнительный анализ каменной индустрии позднемезолитического и ранненеолитического времени. Поскольку две группы населения этих эпох существовали на одной территории в одинаковых природных условиях, во времени следуя одна за другой, то в каменном инвентаре каждой из них должны наблюдаться черты сходства и различия. Сходство позволит говорить о какой-то связи населения этих групп. Если сходство будет носить преемственный характер, то можно говорить о происхождении племен позднего времени от ранних.

Наличие сходных черт в каменной индустрии двух общностей может быть, однако, обусловлено чисто внешними факторами. Известно, что роль каменного инвентаря как исторического источника некоторыми исследователями не признается именно в силу зависимости его от этих факторов.[11] Тем не менее преемственный характер сходства, если к тому же речь идет о мезолитической общности населения, с очевидностью свидетельствует о генетическом родстве ранненеолитического населения с более

---

[9] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 76—78.

[10] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 150; Г. А. Панкрушев. 1) Племена Карелии..., стр. 40—41, 54—55; 2) Применение данных неотектоники..., стр. 39; 3) Неолитические стоянки...

[11] М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. КСИА, в. 75, 1959, стр. 38.

ранним образованием.[12] Что же касается различий, обнаруженных в инвентаре этих групп населения, то здесь следует в первую очередь выяснить, не являются ли они хронологическими.

Выявленная преемственность развития каменного инвентаря неолитической общности от позднемезолитической позволит рассмотреть вопрос о существовании единой культуры на данной территории в определенный отрезок времени. Кроме того, в какой-то степени будет решена проблема происхождения ранненеолитической керамики Сперрингс.

В данной работе сделана попытка выяснить происхождение ранненеолитической общности с керамикой Сперрингс и существование местной культуры в Карелии до прихода туда племен — носителей ямочной керамики. Основой для выводов послужили данные сопоставления каменного инвентаря группы позднемезолитических памятников и поселений с чистым комплексом керамики Сперрингс. Этому сопоставлению предшествовал анализ каменного инвентаря каждой группы в отдельности, сделанный по единому принципу для обеих групп.[13] В результате для каждого общего комплекса орудий были выделены наиболее специфичные категории и группы орудий, технические приемы обработки и ассортимент используемых пород камня. Крупные категории орудий дали возможность составить типологические ряды и проследить ступени развития отдельных орудий каждого комплекса.

Этапы развития некоторых орудий по пути становления и совершенствования техники и формы позволили наметить относительную шкалу времени возникновения отдельных типов орудий. При сравнительном анализе типологических рядов категорий орудий за основу были взяты именно эти даты, установленные для каждого комплекса в отдельности.

На основе сделанной автором относительной датировки типов орудий составлена схема периодизации памятников, которая сравнивалась с датами, установленными другими методами (табл. 1).

Хронологические рамки комплексов определены на основе дат наиболее ранних позднемезолитических и ранненеолитических памятников.

Время существования рассмотренной позднемезолитической группы поселений — первая половина VI до середины IV тыс. до н. э. Самая ранняя стоянка этой группы, датированная по высотным данным, расположена на одной из самых высоких террас северного побережья Онежского озера.[14] Верхняя граница существования данной группы памятников определяется датой наиболее древней стоянки с керамикой Сперрингс.[15] Эта дата служит нижней границей керамического комплекса; верхняя граница его установлена временем существования поселений Пески II и Деревяннное I, прочно датированных различными методами.

Период существования рассмотренных комплексов, таким образом, — первая половина VI—конец III тыс. до н. э.

Рассмотренные группы представлены почти равным числом памятников[16] (позднемезолитическая — 13, с керамикой Сперрингс — 10), расположенных по берегам Онежского озера и Сямозера. Они имеют примерно

---

[12] А. Я. Брюсов. 1) История древней Карелии. М., 1940, стр. 6; 2) Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956; А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, № 4.

[13] Анализ орудий группы памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс см.: В. Ф. Филатова. Каменные орудия неолитических поселений с керамикой Сперрингс. СА, 1970, № 4.

[14] Архив Карельск. филиала АН СССР, 1963, ф. 1, оп. 29, № 130, стр. 10—18.

[15] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники...

[16] Число памятников с таким содержанием инвентаря в действительности больше, однако все прочие исследованы только шурфовкой или содержат неопределимые обломки орудий.

одинаковую площадь раскопа (первая — 1209 м², вторая — 1060 м²) и характеризуются небольшой мощностью культурного слоя (до 30 см). Все памятники представляют собой долговременные поселения. Наибольшая площадь не превышает 5 тыс. м². Все поселения сосредоточены на древних береговых валах, по склонам озов и камовых холмов.

Инвентарь памятников, составивший общие комплексы орудий каждой группы, представлен изделиями из камня и чистым комплексом керамики Сперрингс на разных стадиях ее развития: от ранней до периода расцвета. В данном обзоре анализу подвергнут только каменный инвентарь.

В свою очередь каменный инвентарь памятников подразделяется на изделия из камня и отходы производства (табл. 2). Последние состоят из обломков сланцевых орудий, нуклеусов, камней с надпилом и осколков с отщепами, непригодных к употреблению. Все виды отходов одинаковы для обоих комплексов; различия наблюдаются в количественном распределении каждого вида: в комплексе орудий группы памятников с керамикой значительно больше обломков орудий, тогда как в другом велико число камней с надпилом и несколько больше осколков и отщепов.

Все изделия в зависимости от функции подразделяются на определенное число категорий орудий. Количество орудий по комплексам неодинаково: в керамическом их больше. В этом комплексе встречаются все орудия, которые известны в позднемезолитическом и появляются новые — киркообразные орудия.

Наиболее существенные количественные различия наблюдаются в распределении категорий орудий по комплексам (табл. 3).

В комплексе орудий памятников с керамикой Сперрингс господствующее место принадлежит шлифовальным плитам, в позднемезолитическом — скребкам. Кроме того, в первом комплексе больше орудий со специализированными функциями (стамесок, точильных брусков, скребел, долот прямых, ножей, тесел и пр.), тогда как во втором преобладают мелкие орудия и орудия с первоначальными и универсальными (для многих видов сырья) функциями: резцы, пилы, ножевидные пластинки, топоры и т. д.

Все категории орудий, обнаруженные в обоих комплексах, объединены в группы в зависимости от вида обрабатываемого сырья и отрасли хозяйственных занятий. Таких групп намечается пять; в каждом комплексе представлены все группы (табл. 3). I группа состоит из орудий, применяемых для обработки камня; II — орудия для обработки дерева; III — орудия охоты; IV — орудия рыбной ловли; V группа состоит из мелких орудий со скребущими и режущими функциями, которыми обрабатывались многие виды сырья: кость, дерево, рог и т. д. Орудия, неизвестные или неясные по функции, отнесены к числу прочих (кирки, пешни, киркообразные орудия).

Количественное сравнение групп орудий по комплексам показало, что господствующая в раннем комплексе V группа в позднем уступает место II.[17] Более развитыми в последнем являются также I и III группы, зато слабее развита VI и почти в 2 раза меньше — V группа.

Довольно резкие различия наблюдаются в распределении категорий орудий внутри групп (табл. 3). В I группе обоих комплексов господствуют шлифовальные плиты, но в раннем значительно число пил, брусков и отбойников, тогда как в другом комплексе этих орудий меньше; особенно резко падает число пил и отбойников. Топоры, господствующие во II группе первого (позднемезолитического) комплекса, во втором (ранненеолитическом) встречаются реже, зато возрастает число всех прочих,

[17] Вывод сделан с учетом количества обломков сланцевых орудий, неопределимых по назначению (см. табл. 2).

Этапы	Памятники	Даты (в тыс. до н. э.)		
		по керамике	по высотным данным	по выделенным типам орудий
Позднемезолитический — с керамикой Сперрингс ранний — поздний — ранний — средний — поздний	Деревянное I	Конец III	Конец III	Конец III
	Пески II	Конец III	2-я пол. III	Конец III
	Малая Суна XIII	2-я пол. III	—	—
	Сулгу XI	—	—	2-я пол. III
	Сулгу IIIг	2-я пол. III	Сер. III	2-я пол. III
	Кочнаволок I	2-я пол. III	Сер. III	Сер. III
	Войнаволок XXVIII	2-я пол. III	Сер. III	Сер. III
	Сулгу II	1-я пол. III	—	Нач. III
	Ялгуба I	—	Сер. IV	2-я пол. IV
	Пески III	2-я пол. IV	Сер. IV	2-я пол. IV
	Кудома I	—	—	1-я пол. IV
	Малая Суна V	—	—	1-я пол. IV
	Сулгу IX	—	—	1-я пол. IV
	Мог. Черная Губа	—	Сер. IV	1-я пол. IV
	Войнаволок XVI	—	1-я пол. IV	1-я пол. IV
	Сандермоха XVII	—	1-я пол. IV	Конец V
	Сулгу IV	—	—	Конец V
	Оленеостровская	—	Сер. VI	2-я пол. V
	Пиндуши IX	—	Конец V	?
	Повенецкая I	—	Нач. V	?
	Пиндуши IV	—	Конец VI	?
	Повенецкая II	—	1-я пол. VI	?
	Повенецкая III	—	1-я пол. VI	1-я пол. VI

Этапы	Памятники	Даты (в тыс. до н. э.)		
		по керамике	по высотным данным	по выделенным типам орудий
Позднемезолитический — с керамикой Сперрингс ранний — поздний — ранний — средний — поздний	Деревянное I	Конец III	Конец III	Конец III
	Пески II	Конец III	2-я пол. III	Конец III
	Малая Суна XIII	2-я пол. III	—	—
	Сулгу XI	—	—	2-я пол. III
	Сулгу IIIг	2-я пол. III	Сер. III	2-я пол. III
	Кочнаволок I	2-я пол. III	Сер. III	Сер. III
	Войнаволок XXVIII	2-я пол. III	Сер. III	Сер. III
	Сулгу II	1-я пол. III	—	Нач. III
	Ялгуба I	—	Сер. IV	2-я пол. IV
	Пески III	2-я пол. IV	Сер. IV	2-я пол. IV
	Кудома I	—	—	1-я пол. IV
	Малая Суна V	—	—	1-я пол. IV
	Сулгу IX	—	—	1-я пол. IV
	Мог. Черная Губа	—	Сер. IV	1-я пол. IV
	Войнаволок XVI	—	1-я пол. IV	1-я пол. IV
	Сандермоха XVII	—	1-я пол. IV	Конец V
	Сулгу IV	—	—	Конец V
	Оленеостровская	—	Сер. VI	2-я пол. V
	Пиндуши IX	—	Конец V	?
	Повенецкая I	—	Нач. V	?
	Пиндуши IV	—	Конец VI	?
	Повенецкая II	—	1-я пол. VI	?
	Повенецкая III	—	1-я пол. VI	1-я пол. VI

ТАБЛИЦА 1 (продолжение)

| | | |

ТАБЛИЦА 1

| | | |

ТАБЛИЦА 2

Группы	Категории орудий	Каменный инвентарь позднемезолитической группы памятников									Каменный инвентарь группы памятников с керамикой Сперрингс								
		из сланца	из кварца	из кремня	из роговика	из песчаника	из кварцита	из шифера	прочие	всего	из сланца	из кварца	из кремня	из роговика	из песчаника	из кварцита	из шифера	прочие	всего
I	Пилы	3	—	—	—	39	4	2	—	48	6	—	—	—	36	7	1	—	50
	Шлифовальные плиты	5	—	—	—	49	4	—	—	58	82	—	—	—	179	3	—	5	269
	Точильные бруски	1	—	—	—	7	3	3	—	14	7	—	—	—	15	2	6	—	30
	Отбойники	6	3	—	—	—	—	—	1	10	3	4	1	1	—	—	—	—	9
	Итого	15	3	—	—	95	11	5	1	130	98	4	1	1	230	12	7	5	358
II	Топоры	25	—	—	—	—	—	—	—	25	22	—	—	—	—	—	—	—	22
	Тесла	5	—	—	—	—	—	—	—	5	8	—	—	—	—	—	—	—	8
	Долота прямые	8	—	—	—	—	—	—	—	8	12	—	—	—	—	—	—	—	12
	Долота желобчатые	6	—	—	—	—	—	—	—	6	1	—	—	—	—	—	—	—	1
	Стамески	9	—	—	—	—	—	—	—	9	22	—	—	—	—	—	—	—	22
	Итого	53	—	—	—	—	—	—	—	53	65	—	—	—	—	—	—	—	65
III	Наконечники стрел	2	—	2	1	—	—	—	—	5	1	—	3	3	—	—	—	—	7
	Наконечники копий, дротиков	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	2
	Итого	3	—	2	1	—	—	—	—	6	1	—	3	3	—	2	—	—	9
IV	Грузила для сетей	8	—	—	—	6	6	—	—	20	8	—	—	—	1	—	—	1	10
	Грузики для лесок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	3
	Итого	8	—	—	—	6	6	—	—	20	10	—	—	—	1	—	1	1	13

ТАБЛИЦА 2 (продолжение)

Группы	Категории орудий	Каменный инвентарь позднемезолитической группы памятников									Каменный инвентарь группы памятников с керамикой Сперрингс								
		из сланца	из кварца	из кремня	из роговика	из песчаника	из кварцита	из шифера	прочие	всего	из сланца	из кварца	из кремня	из роговика	из песчаника	из кварцита	из шифера	прочие	всего
V	Скребки	6	188	40	15	—	—	—	3	252	14	104	36	7	—	—	—	1	162
	Скребла	1	2	—	—	—	—	—	—	3	4	5	—	1	—	—	—	—	10
	Скобели	—	—	1	2	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	1	2
	Резцы	—	70	5	—	—	—	—	2	77	—	17	3	4	—	—	—	—	24
	Ножи	—	1	1	—	—	—	—	—	2	3	—	6	—	—	—	—	—	9
	Ножевидные пластинки	3	14	27	9	—	—	—	—	53	5	9	20	4	—	—	—	1	39
	Итого	10	275	74	26	—	—	—	5	390	26	135	65	17	—	—	—	3	246
Прочие	Кирки	4	—	—	—	—	—	—	—	4	12	—	—	—	—	—	—	—	12
	Киркообразные орудия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	4
	Пешни	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
	Итого орудий	93	278	76	27	101	17	5	6	603	216	139	69	21	231	14	8	9	709
Отходы производства	Обломки орудий	132	—	—	—	—	—	1	—	133	434	—	—	7	—	—	—	—	441
	Нуклеусы	2	12	1	3	—	—	—	1	19	1	3	2	4	—	—	—	1	11
	Кампи с надпилом	162	—	—	—	—	—	—	—	162	11	—	—	—	—	—	—	—	11
	Осколки и отщепы	788	4489	362	186	—	3	1	6	5835	1068	2556	159	81	—	—	—	—	3864
	Итого каменного инвентаря	1177	4779	439	216	101	20	7	13	6752	1732	2698	230	113	231	14	8	10	5036

ТАБЛИЦА 3

Группы	Категории орудий	Процент от общего числа орудий		Процент от общего числа орудий в группе	
		позднемезолитический комплекс	комплекс с керамикой Сперрингс	позднемезолитический комплекс	комплекс с керамикой Сперрингс
I	Пилы	8.0	7.2	36.9	13.9
	Шлифовальные плиты	9.6	38.2	44.6	75.1
	Точильные бруски	2.3	4.2	10.7	8.3
	Отбойники	1.6	1.4	7.6	2.5
	Итого	21.5	50.8	100.0	100.0
II	Топоры	4.1	2.9	47.1	34.3
	Тесла	0.8	0.9	9.4	10.9
	Долота прямые	1.3	1.7	15.0	18.8
	Долота желобчатые	1.0	0.2	11.3	1.5
	Стамески	1.4	3.2	17.0	34.3
	Итого	8.6	8.9	100.0	100.0
III	Наконечники стрел	0.8	0.9	83.3	77.7
	Наконечники копий	0.1	0.2	17.7	22.3
	Итого	0.9	1.1	100.0	100.0
IV	Грузила для сетей	3.3	1.4	100.0	76.9
	Грузики для лесок	—	0.4	—	23.1
	Итого	3.3	1.8	100.0	100.0
V	Скребки	41.8	23.0	64.6	65.8
	Скребла	0.6	1.4	0.8	4.0
	Резцы	12.7	3.4	19.7	9.7
	Скобели	0.6	0.2	0.8	0.8
	Ножи	0.3	1.2	0.5	3.6
	Ножевидные пластинки	8.9	5.6	13.5	15.8
	Итого	64.9	34.8	100.0	100.0
Прочие	Кирки	0.6	1.4	—	—
	Киркообразные орудия	—	0.8	—	—
	Пешни	—	0.2	—	—
	Итого	0.6	2.4	—	—

за исключением желобчатых долот. Распределение орудий III группы по комплексам одинаково: в том и другом преобладают стрелы. В IV группе керамического комплекса появляется новая категория — грузила, и хотя число грузил остается большим, сама группа этого комплекса меньше по объему. В V группе обоих комплексов господствуют скребки. Однако во втором комплексе все другие орудия группы представлены шире. Исключение составляют резцы, которых во втором комплексе почти в 2 раза меньше.

Сравнение категорий и групп орудий показывает возрастающую со временем роль специализированных орудий, как мелких (V группа), так и крупных (II группа). В работах по камню начинает господствовать шлифование на плитах; реже применяется пиление и обработка отбойниками. В хозяйственных занятиях становится несколько меньшим объем рыбной ловли с помощью грузил, но появляется новый способ — ловля с грузиками, возрастает объем охоты.

Для выявления специфичности сопоставляемых комплексов более показательным является сравнение типов орудий каждого комплекса.

Одной из самых многообразных по типам является категория топоров. В том и другом комплексе в пей намечено пять типов. Специфичным для

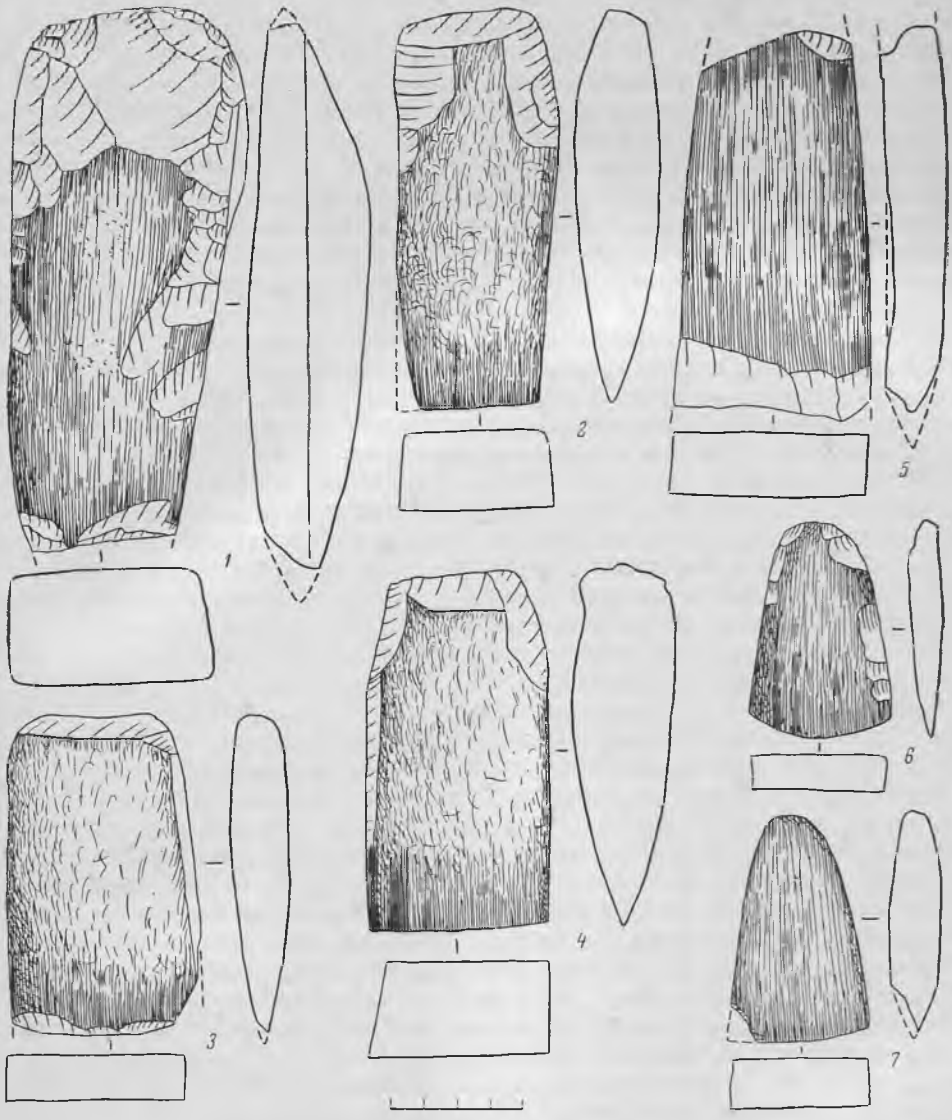

Рис. 1. Топоры. Сланец.

1 — Повенецкая III; *2* — Сулгу IX; *3, 6* — Оленеостровская стоянка; *4* — Пески III; 5 — Пески II; *7* — Войнаволок XXVIII.

одного комплекса — первого — является тип топоров-тесел (рис. 1, *1*). Это массивные орудия, подпрямоугольные в плане и поперечном сечении, несколько аморфные по очертаниям, частично зашлифованные по широким плоскостям; один конец более узкий, симметрично заточенный, другой слегка расширен, сбит и имеет асимметричную заточку. Предположительно эти орудия определены как универсальные по функции топоры-тесла. В этом комплексе они представляют собой наиболее раннюю форму

категории топоров. Все прочие типы топоров обоих комплексов имеют много общих черт.

Особенно сильное сходство наблюдается у плоских широких топоров первого комплекса (рис. 1, *3*), прямоугольных в плане и поперечном сечении, с заточкой по лезвию, с прямоугольными в плане и сечении, тоже лишь заточенными по лезвию топорами из комплекса с керамикой Сперрингс (рис. 1, *4*). Это сходство настолько явно и сильно, что заставляет говорить о безусловной идентичности указанных типов. Оба типа имеют одинаковую форму плана и поперечного сечения, прямую линию лезвия, способ обработки поверхности только по лезвию, следы пиления по боковым граням, почти одинаковые размеры и т. д. Отличия заключаются в более определенной форме прямоугольника у топоров керамического комплекса по сравнению с несколько расплывчатыми линиями топоров раннего комплекса. Близость этих топоров заставляет говорить о преемственности развития прямоугольных топоров позднего комплекса от плоских широких раннего.

В комплексе с керамикой прямоугольные топоры являются самыми ранними. Плоские широкие топоры позднемезолитического комплекса представляют собой позднейшую форму этой категории. Таким образом, по времени рассматриваемые типы следуют один за другим, характеризуя собой один тип на разных ступенях его развития.

Плоские широкие топоры первого комплекса ведут свое начало от плоских прямоугольных в плане, но более узких и еще менее четких по очертаниям топоров со слабой обработкой в виде заточки по лезвию (рис. 1, *2*). В керамическом комплексе прямоугольные топоры, являющиеся ранней формой топоров этого комплекса, развиваются в тип тоже прямоугольных в плане, но уплощенных, зашлифованных по всей поверхности и несколько более широких и длинных, что компенсировало наметившуюся уплощенность (рис. 1, *5*).

Таким образом, в категории топоров двух рассматриваемых комплексов намечается единая линия развития, характеризующаяся типом плоских топоров. Время существования этого типа охватывает период от середины V тыс. до н. э. (дата появления плоских узких топоров в первом комплексе) до конца III тыс. до н. э. (время существования уплощенных топоров в комплексе орудий памятников с керамикой Сперрингс).

Кроме типов плоских прямоугольных топоров в обоих комплексах имеется тип овальных в поперечном сечении, подтреугольных в плане, с узким обухом, частично отшлифованных по широким поверхностям. В первом комплексе эти топоры имеют разко зауженный обух и слегка расширенное прямое лезвие. Очертания таких орудий не всегда четкие, поверхности большей частью оставлены без обработки, обух и боковые грани оформлены крупными сколами (рис. 2, *1, 2*).

Овальные в сечении топоры второго комплекса (рис. 2, *3*) имеют меньшую острообушность, но большее сужение к лезвию. Обух и лезвие одинаковы по ширине. Поперечное сечение их приближается к строгому овалу. Поверхности обработаны частичным шлифованием, которое явилось, по-видимому, дальнейшим распространением на другие плоскости заточки по лезвию. Результатом такого способа обработки поверхности было сглаживание углов лезвия, что привело к несколько закругленной линии его. Обух сформирован мелкими сколами, которые сделали его более массивным, менее узким, но четким.

Несмотря на отличия, овальные в поперечном сечении топоры обоих комплексов очень близки между собой. Общность признаков позволяет сделать вывод о связи между ними. Однако к этому типу топоров из первого комплекса ближе стоят топоры из второго, полуовальные в поперечном сечении. Они подпрямоугольны в плане, но с некоторой тенден-

цией к сужению обуха и округлению лезвия, пока несколько скошенного влево или вправо. Одна плоскость их обработана грубыми сколами, близкими к оббивке. Другая представляет собой естественную поверх-

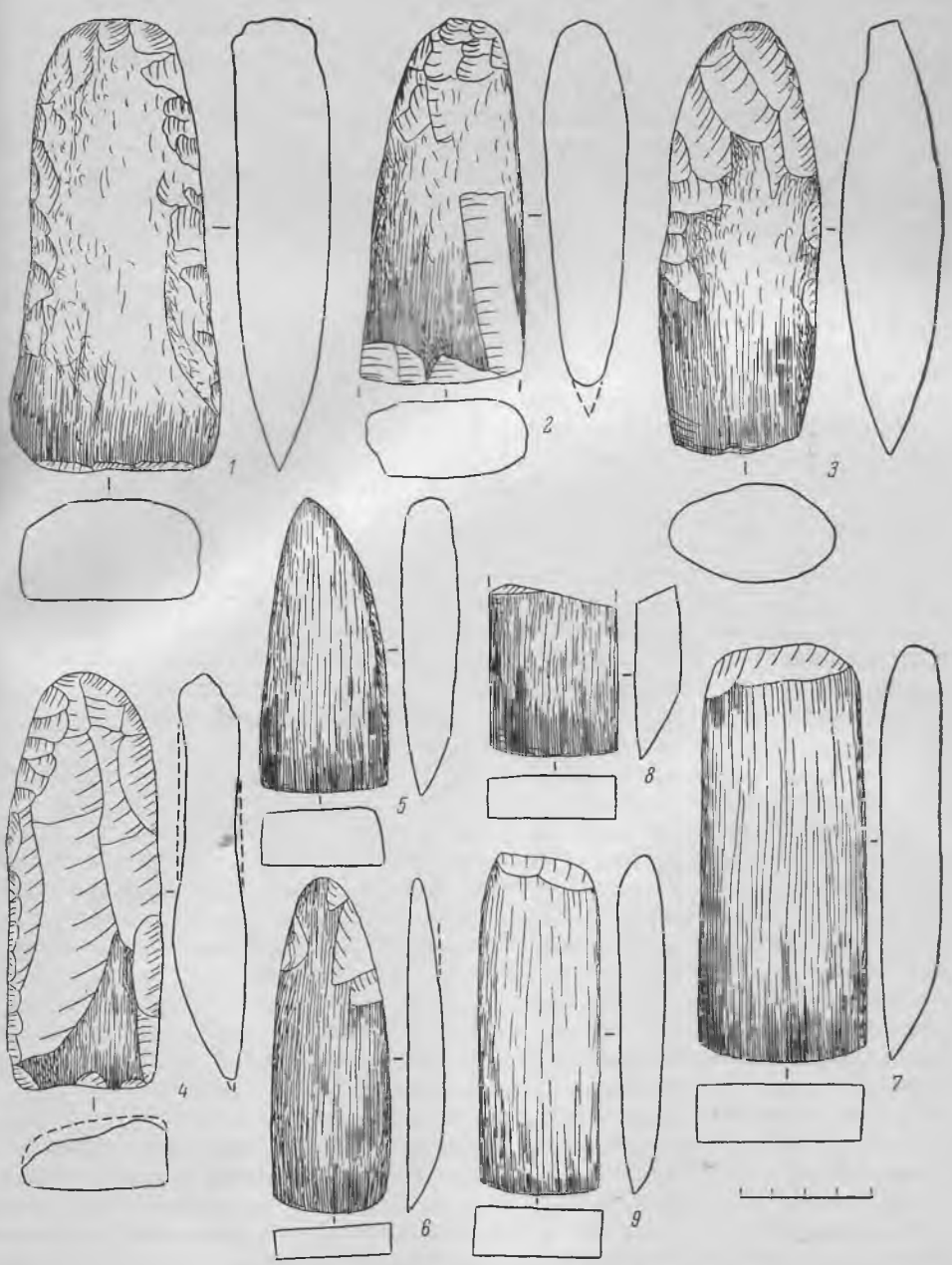

Рис. 2. Топоры (*1—3*), тесла (*4—9*). Сланец.

1 — Повенецкая III; *2, 5,7* — Оленеостровская стоянка; *3* — Пески III; *4* — Сандермоха XVII; *6* — Пески II; *8* — Сулгу II; *9* — Деревянное I.

ность камня. По своим признакам и особенно из-за примитивности техники изготовления и очертаний эти топоры сближаются с овальными в сечении топорами первого комплекса. В керамическом комплексе именно полуовальные топоры, как показал анализ, положили начало овальным.

Таким образом, в развитии категории топоров обоих комплексов наблюдается еще одна линия преемственности, представленная типом топоров, овальных в поперечном сечении. Этот тип возник в позднемезолитическое время, примерно в середине VI тыс. до н. э., как тип острообушных (первый комплекс). Постепенно острообушные топоры развиваются в тип полуовальных и овальных (второй комплекс), которые существуют вплоть до конца III тыс. до н. э.

Кроме перечисленных выше в обоих комплексах выделен тип топоров, отличающихся от других меньшими размерами (рис. 1, *6*, 7). Этот тип характеризуется острообушностью, подовально-подпрямоугольным поперечным сечением и легким расширением к лезвию. В отличие от других типов топорики обоих комплексов имеют абсолютное сходство всех признаков. Различие заключается в способе обработки поверхности (в первом комплексе у них господствует частичное, во втором — полное шлифование всей поверхности) и некотором округлении линии поперечного сечения — от подпрямоугольного к прямоугольному и овальному. Этот тип топоров возникает в позднемезолитическом комплексе примерно в начале IV тыс. до н. э. и почти без изменений существует вплоть до конца рассматриваемого периода. Факт столь длительного применения данной формы топоров свидетельствует о хорошей приспособленности их к выполнению своих функций. Вероятно, это было какое-то специализированное назначение рубящих работ.

Категория тесел, известная в обоих комплексах, характеризуется типологическим однообразием: в том и другом комплексе имеются типы острообушных (рис. 2, *4—6*) и прямообушных орудий (рис. 2, *7—9*). Сравнение острообушных тесел показало, что различия между ними заключаются в способе обработки поверхности и некоторых вариациях формы. Данному типу тесел из керамического комплекса свойственны более четкие очертания. В технике изготовления тесел этого комплекса преобладает полное шлифование. Наблюдаемые различия между типами острообушных тесел обоих комплексов не выходят за рамки обычных вариаций в процессе становления одного типа.

Тип прямообушных тесел в раннем комплексе представлен одним экземпляром плоского, прямоугольного в поперечном сечении и плане орудия с пологой заточкой лезвия. Поверхность его обработана шлифованием по одной широкой грани. Время появления этого типа отнесено к концу V тыс. до н. э. Точно такие же тесла известны и в керамическом комплексе, где они существуют до середины III тыс. до н. э. Следующей ступенью развития данного типа, как показал анализ орудий керамического комплекса, являются прямообушные тесла с крутой заточкой лезвия, отшлифованные по всей поверхности (рис. 2, *9*). Они характерны для второй половины III тыс. до н. э.

Таким образом, сравнение тесел показало параллельное существование двух типов — острообушных и прямообушных, которые появились в бескерамическое время и продолжают развиваться уже в керамическую эпоху, вплоть до конца III тыс. до н. э. Сходство признаков этих типов в комплексах свидетельствует о взаимосвязанности и единстве происхождения. Различия между ними характеризуют лишь отдельные ступени становления категорий тесел. Наиболее ранним типом следует считать острообушные тесла, которые в первом комплексе датированы VI тыс. до н. э.

Одинаковыми типами в обоих комплексах представлена категория стамесок. В зависимости от способа заточки лезвия стамески подразделяются на полого заточенные (рис. *3*, *1—5*) и круто заточенные (рис. *3*, *6*, *7*). Сравнение этих типов по комплексам показало настолько большое сходство, что позволяет говорить об идентичности форм этой ка-

тегории орудий для позднемезолитического и ранненеолитического времени. Особенно близки типы полого заточенных стамесок. В первом комплексе они имеют лишь более примитивную обработку поверхности — в них преобладает заточка по лезвию, тогда как во втором комплексе господствуют полностью зашлифованные. Больше различий наблюдается у круто заточенных стамесок, у которых со временем чаще встречается прямообушность, становится четче форма прямоугольного сечения, возрастает число тщательно шлифованных.

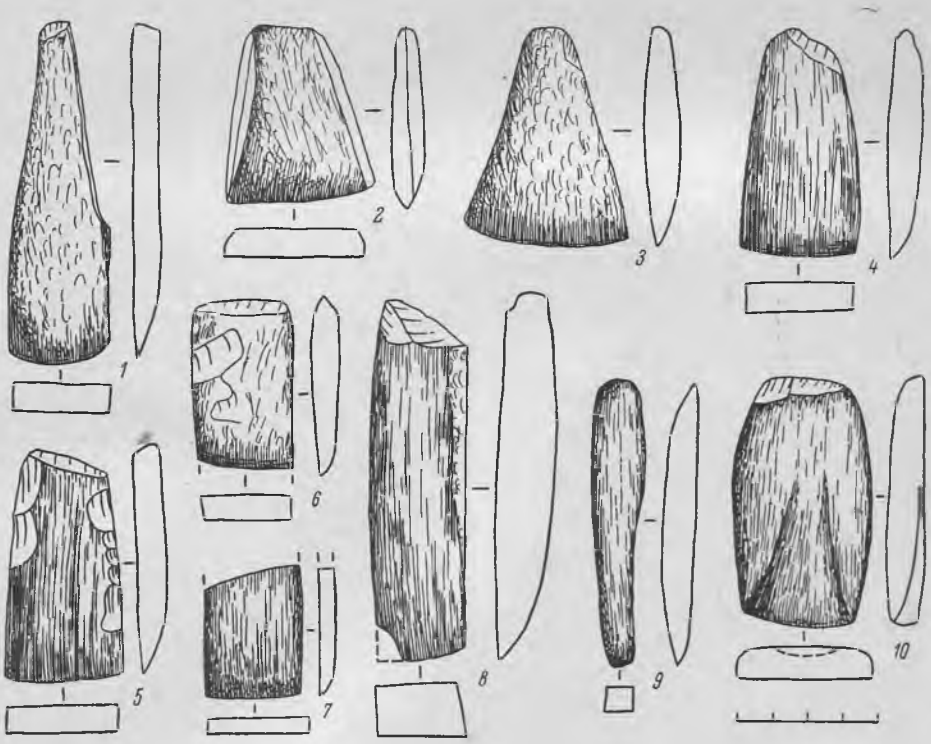

Рис. 3. Стамески (*1—7*), долота (*8—10*). Сланец.

1, 10 — Оленеостровская стоянка; *2* — Пески III; *3* — Малая Суна V; *4* — Повенецкая I; *5, 8, 9* — Пески II; 6 — Сулгу II; 7 — Сулгу IIIг.

Период существования стамесок охватывает время от начала V тыс. до конца III тыс. до н. э. Оба типа стамесок на всем протяжении существуют параллельно, хотя в конце III тыс. до н. э. количественно начинают преобладать круто заточенные, более совершенные по форме.

Категория прямых долот представлена только в керамическом комплексе. В позднемезолитическом все они обнаружены в обломках. Примитивность обработки и формы сохранившихся фрагментов заставляет предположить, что эта категория орудий только начала появляться. Окончательное оформление долот происходит, очевидно, лишь во второй половине IV тыс. до н. э. В керамическом комплексе они представлены двумя типами: узколезвийным (рис. *3, 9*) и широколезвийным (рис. *3*, 8). Последний имеет большие размеры, четкую прямоугольную форму в плане и поперечном сечении, хорошую технику шлифования и представляет собой следующую ступень развития узколезвийных долот.

Многообразием типов отличается категория кирок. В первом комплексе они представлены типом низких, полуовальных в поперечном сечении орудий (рис. 4, *2*) и одним экземпляром тоже полуовальных,

но высоких (рис. 4, *1*).[18] В позднем комплексе кроме таких же типов (рис. 4, *3*, *4*) есть еще один — высокие кирки, подтреугольные в сечении, с еле намеченным ребром (рис. 4, *6*).

Различия между полуовальными кирками обоих комплексов заключаются в способе обработки поверхности и некоторых вариациях формы. Низкие кирки первого комплекса частично зашлифованы, имеют четкую, установившуюся форму; во втором они характеризуются аморфностью

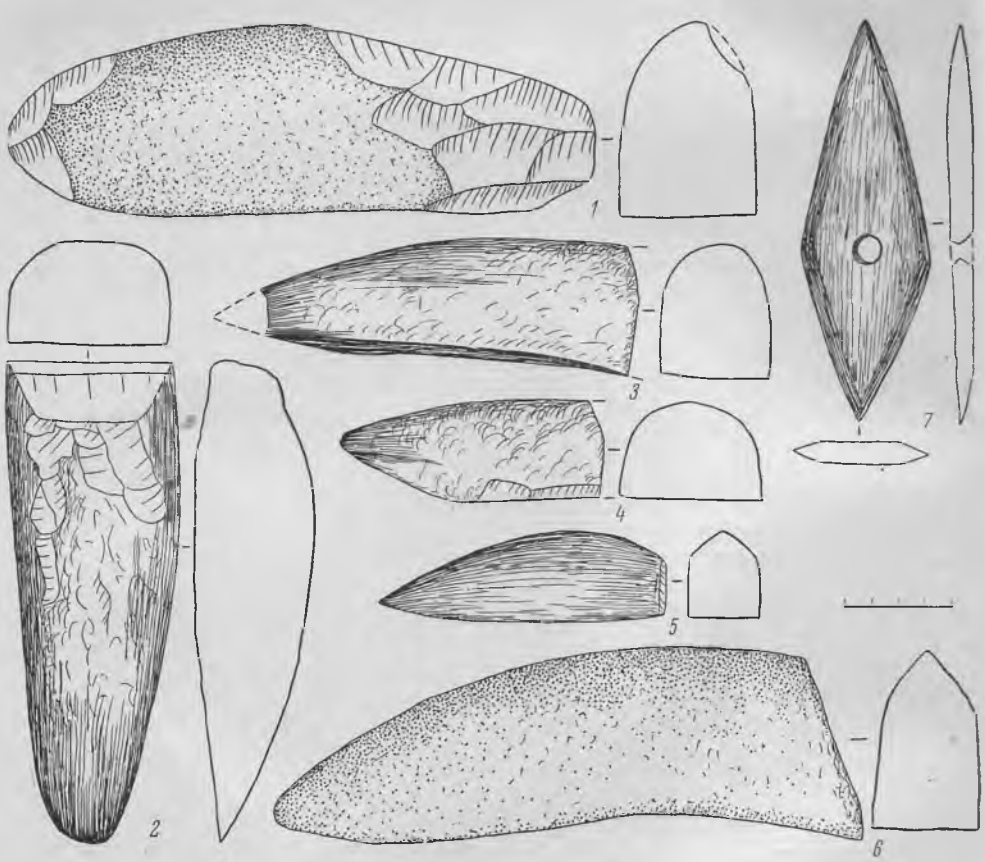

Рис. 4. Кирки (*1—4*, *6*), киркообразное орудие (*5*), наконечник копья (7). Сланец. *1* — мог. Черная Губа; *2* — Войнаволок XVI; *3*, *5*, *6* — Войнаволок XXVIII; *4* — Пески III; *7* — Пиндуши IV.

очертаний и многообразием способов обработки поверхности вплоть до полного шлифования. Очевидно, они представляют здесь пережиточное явление. Высокие полуовальные кирки обоих комплексов дают противоположную картину. В раннем комплексе экземпляр этого типа имеет нечеткие очертания, обработку поверхности грубой точечной ретушью. В позднем данный тип получает окончательное оформление, становясь четким по форме и совершенным по технике шлифования. Некоторые экземпляры его имеют более острый овал в поперечном сечении, очень близкий к углу. Очевидно, кирка, подтреугольная в сечении, является следующим этапом развития высоких полуовальных кирок, тщательная шлифовка всей поверхности которых приводит к появлению ребра и некоторой общей уплощенности.

[18] Низкими названы кирки, у которых высота равна или почти равна ширине; у высоких высота превышает ширину в 1.5 раза или больше.

Как показал анализ типов кирок керамического комплекса, развитие этой категории идет от низких полуовальных к таким же в сечении, но более высоким и тщательнее шлифованным, которые затем переходят в тип ребристых кирок. Типы кирок позднемезолитического времени находят, таким образом, преемственное развитие в раннекерамическую эпоху, где становление и совершенствование этой категории орудий идет дальше.

Зарождение кирок относится к концу V—началу IV тыс. до н. э., оформление типа высоких полуовальных кирок — ко второй половине IV тыс. до н. э. Ребристые кирки появляются в конце IV—начале III тыс. до н. э. Появление категории кирок было вызвано, вероятно, какой-то новой отраслью хозяйства, пока неизвестной нам. Предположительно кирки определены как землекопные орудия.[19]

Многообразны по типам в обоих комплексах скребки (рис. 5, *1—26*). Тот и другой комплексы содержат как общие, так и специфичные типы этой категории орудий. Общими для комплексов являются округлые (дисковидные) и прямые (подчетырехугольные) кварцевые скребки, концевые из отщепов и ножевидных пластинок и дисковидные (округлые) — кремневые. Все эти типы в обоих комплексах одинаковы по форме. По технике изготовления более совершенны кварцевые скребки раннего комплекса. В позднем лучше оретушированы кремневые. Специфичными только для раннего комплекса являются типы треугольных, килевых и с черешком кварцевых скребков (рис. 5, *3, 4, 10*). В позднем появляется тип косолезвийных (рис. 5, *13*). Новым для этого комплекса является тип микролитических скребочков, возникших, очевидно, в результате специализации функции скребков. В том же комплексе появляются новые типы кремневых — четырехугольные и микролитические (рис. 5, *22, 25*).

Таким образом, в керамическом комплексе наряду с типами скребков, существовавших раньше, появляются новые формы этих орудий, возникшие в результате развития типов или возросшей потребности в более многообразных формах лезвий. Все общие типы скребков в позднем комплексе имеют очень четкую форму; те типы, которые характерны только для этого комплекса, аморфны по очертаниям и небрежны по технике.

Разнообразнее по типам в позднем комплексе категория резцов, хотя, как уже отмечалось, число их здесь намного меньше. В этом комплексе появляются многофасеточные резцы, отличающиеся хорошей степенью обработки поверхности, но несколько размытые по очертаниям (рис. 5, 32). Прочие типы — срединные и угловые, общие для обоих комплексов как по форме, так и по технике (рис. 5, *27—31*).

Сопоставляемые комплексы наряду со специфичными типами орудий имеют ряд общих, одинаковых в обоих комплексах.

К числу таких общих категорий орудий относятся наконечники стрел. В том и другом комплексе эта категория представлена наконечниками из ножевидных кремневых и роговиковых пластинок (рис. 5, *33, 34*) и сланцевыми шлифованными (рис. 5, *35, 36*). В позднем комплексе наконечники стрел отличаются тщательной ретушировкой и более совершенной листовидной формой.

Одинаковые типы в комплексах имеют ножи. Они представлены сланцевыми и кремневыми или роговиковыми экземплярами из отщепов. Сланцевые ножи в рассмотренной группе мезолитических памятников не обнаружены, но встречены в ранее исследованных — в Оленеостровском

---

[19] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии. . ., стр. 24.

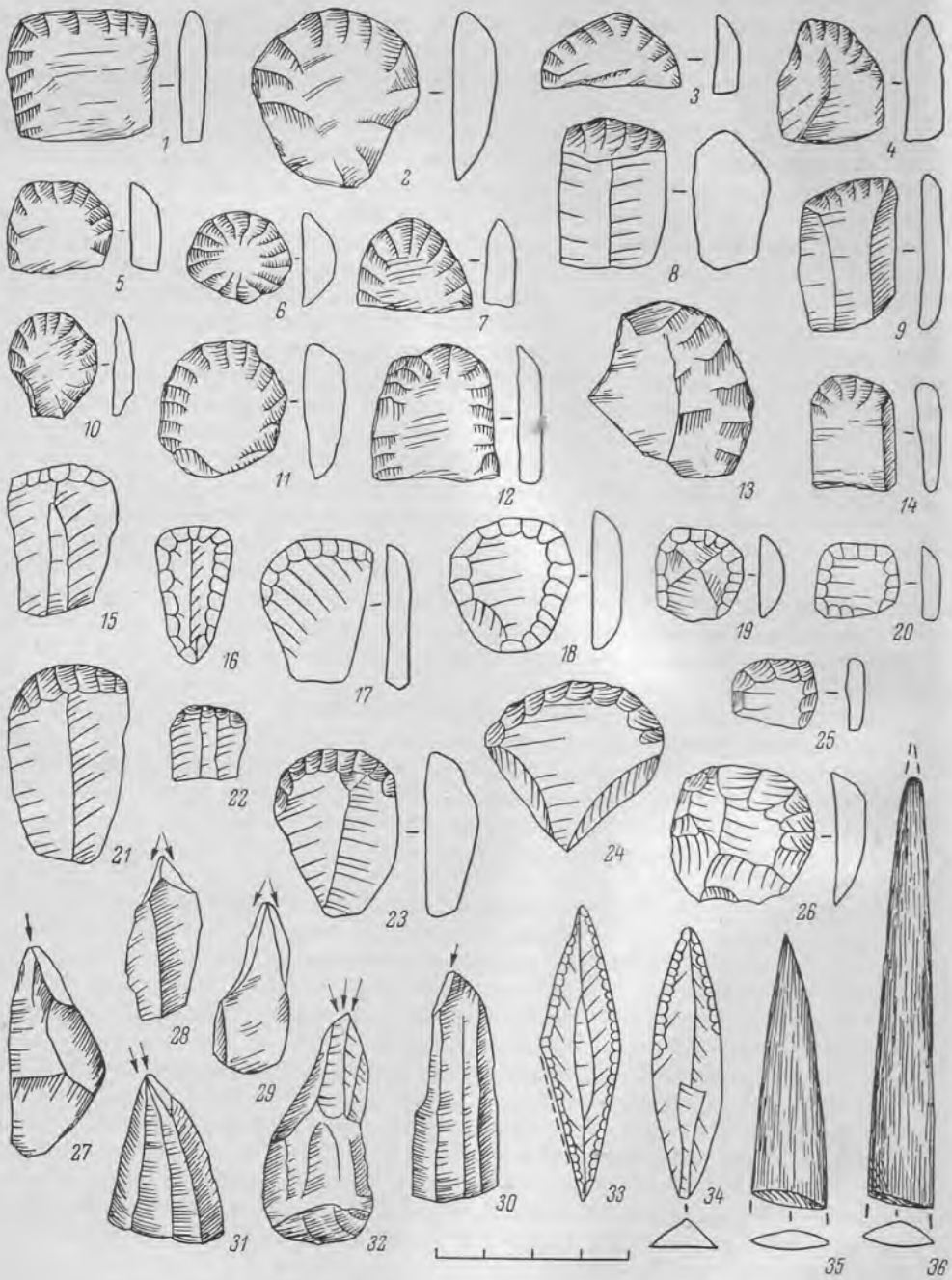

Рис. 5. Скребки (*1—26*), резцы (*27—32*), наконечники стрел (*33—36*).

1—14, 27—32 — кварц; *15—26* — кремень; *33, 34* — роговик; *35, 36* — сланец (*1* — Повенецкая I; *2* — Повенецкая III, *3, 5, 9, 20, 28* — Сулгу IV; *4, 6, 10, 15—19, 27, 35* — Оленеостровская стоянка; *7* — Малая Суна V; *8* — Сулгу IX; *11, 21—24, 25, 32, 34, 36* — Пески III; *12—14, 25, 30* — Сулгу II; *29* — Кочнаволок I; *31* — Воинаволок XXVIII; *33* — мог. Черная Губа).

могильнике[20] и на стоянке Пески I.[21] Орудия из этих памятников идентичны экземплярам из стоянки Пески III, содержащей наиболее раннюю стадию керамики Сперрингс. Как выяснилось, для комплекса орудий этой керамики сланцевые ножи, очевидно, явление пережиточное, исчезнувшее уже к середине IV тыс. до н. э. Ножи из отщепов в обоих комплексах идентичны по форме и технике.

Общими формами представлены в комплексах грузики для лесок и пешни. Как и сланцевые ножи, эти орудия неизвестны в рассмотренной группе памятников без керамики, но встречены в Оленеостровском могильнике, где грузик определен как подвеска,[22] а пешня названа так предположительно.[23]

Абсолютное сходство по комплексам наблюдается у орудий I группы, а также у грузил, скребел, скобелей и ножевидных пластинок. В позднем комплексе все они представлены бо́льшим количеством и распределены по всем стоянкам.

Все типы орудий, определенные в комплексах как неместные, ни аналогий, ни черт сходства с орудиями другого комплекса не имеют. К таким орудиям принадлежит наконечник копья в форме плоской ромбической плитки с отверстием посредине (рис. 4, 7) и предположительно желобчатое долото (рис. 3, *10*) из позднемезолитического комплекса, тесло, близкое к русско-карельскому типу, и нож-скребок из комплекса орудий керамики Сперрингс. Относить все эти орудия к числу заимствованных с других территорий заставляет своеобразие их формы и техники изготовления. По всем признакам данные орудия, каждое в своем комплексе, выпадают из общего ряда орудий, связанных между собой большим количеством общих признаков, типичных для комплекса и характеризующих его.

Специфичными только для позднего комплекса являются киркообразные орудия, неясные по функции; по своим формам они представляют собой уменьшенные копии кирок. Отсутствие их в раннем комплексе можно объяснить тем, что необходимость в орудиях такого рода еще не назрела. В позднем комплексе они появились в середине III тыс. до н. э. и по своим признакам входят в общее число орудий, типичных для этого комплекса. То же самое следует сказать о наконечниках копий позднего комплекса, представленных типом ромбовидных в плане и поперечном сечении орудий, шлифованных по всей поверхности.

Таким образом, сопоставление отдельных типов и категорий орудий двух комплексов показывает, с одной стороны, наличие большого числа общих форм, с другой — преемственность в развитии типов некоторых орудий. Все типы орудий, характерные для позднего комплекса, дополняют или продолжают становление категорий орудий более раннего времени.

Существование общих форм орудий в двух хронологически последовательных комплексах обусловлено главным образом хозяйственным и сырьевым единством в материальной культуре населения, оставившего эти комплексы. Выявленная преемственность в развитии типов орудий свидетельствует еще об одной, более тесной и существенной стороне единства — генетической.

Довольно показательным является сравнение орудий комплексов по виду используемых пород камня.

---

[20] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 123—130, рис. 74—77.
[21] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 231, рис. 54—56.
[22] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, рис. 84, *28*.
[23] Там же, рис. 79, *1*.

ТАБЛИЦА 4

Группы	Категории орудий *	Орудия позднемезолитической группы памятников								Орудия группы памятников с керамикой Сперрингс							
		из сланца	из кварца	из кремня	из роговика	из песчаника	из кварцита	из шифера	прочие	из сланца	из кварца	из кремня	из роговика	из песчаника	из кварцита	из шифера	прочие
I	Пилы	6.2	—	—	—	81.0	8.3	4.2	—	12.0	—	—	—	72.0	14.0	2.0	—
	Шлифовальные плиты	8.6	—	—	—	84.4	6.8	—	—	30.4	—	—	—	66.5	1.1	—	1.8
	Точильные бруски	7.1	—	—	—	50.0	21.4	21.4	—	23.3	—	—	—	50.0	6.6	20.0	—
	Отбойники	60.0	30.0	—	—	—	—	10.0	—	33.3	44.4	11.1	11.1	—	—	—	—
	Всего по группе **	11.5	2.3	—	—	73.0	8.2	3.8	—	27.3	1.1	0.2	0.2	64.2	3.3	1.9	1.4
II	Топоры	100.0	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—	—	—	—	—	—
	Тесла	100.0	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—	—	—	—	—	—
	Долота прямые	100.0	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—	—	—	—	—	—
	Долота желобчатые	100.0	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—	—	—	—	—	—
	Стамески	100.0	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—	—	—	—	—	—
	Всего по группе **	100.0	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—	—	—	—	—	—
III	Наконечники стрел	40.0	—	40.0	20.0	—	—	—	—	14.2	—	42.8	42.8	—	—	—	—
	Наконечники копий	100.0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100.0	—	—
	Всего по группе **	50.0	—	33.3	16.7	—	—	—	—	11.1	—	33.3	33.3	—	22.2	—	—
IV	Грузила для сетей	40.0	—	—	—	30.0	30.0	—	—	80.0	—	—	—	10.0	—	—	10.0
	Грузики для лесок	—	—	—	—	—	—	—	—	66.6	—	—	—	—	—	33.4	—
	Всего по группе **	40.0	—	—	—	30.0	30.0	—	—	76.9	—	—	—	7.6	—	7.6	7.6
V	Скребки	2.3	74.6	15.8	5.9	—	—	—	1.1	8.6	64.2	22.2	4.3	—	—	—	0.6
	Скребла	33.3	66.7	—	—	—	—	—	—	40.0	50.0	—	10.0	—	—	—	—
	Скобели	—	—	33.3	66.7	—	—	—	—	—	—	—	50.0	—	—	—	50.0
	Резцы	—	90.9	6.4	—	—	—	—	2.5	—	70.8	12.5	16.6	—	—	—	—
	Ножи	—	50.0	50.0	—	—	—	—	—	33.3	—	66.7	—	—	—	—	—
	Ножевидные пластинки	5.6	26.4	50.9	16.4	—	—	—	—	12.8	23.0	51.2	10.2	—	—	—	2.5
	Всего по группе **	2.5	70.5	18.9	6.6	—	—	—	1.2	10.5	54.5	26.4	6.8	—	—	—	1.1
	Всего материала ***	15.4	46.1	12.2	4.4	16.7	2.8	0.8	0.8	30.2	19.6	9.8	2.9	32.8	1.9	1.1	1.2

* Процент каждой категории орудий от общего числа ее в группе.
** Процент орудий по группам от общего числа их в группе.
*** Процент материала от общего числа орудий.

Ассортимент пород для обоих комплексов один и тот же, но далеко не одинаково использование их по комплексам (табл. 4). Господствующее место в позднемезолитическом комплексе принадлежит кварцу. В ранненеолитическом шире прочих применялся сланец. Господство сланца в позднем комплексе привело к возрастанию роли абразивных пород — песчаника и шифера, используемых при изготовлении сланцевых орудий. В этом же комплексе уменьшилось применение не только кварца, но и прочих изотропных пород: кремня (в 1.5 раза), роговика.

Подобное распределение сырья свидетельствует о возрастании со временем роли сланцевых орудий и всех процессов, связанных с их применением и изготовлением. В эпоху раннего неолита идет дальнейшее освоение сланца и постепенно падает значение изотропных пород, господствующих в позднем мезолите.

ТАБЛИЦА 5

Приемы	Комплексы	
	позднемезолитический	с керамикой Сперрингс
Заточка по лезвию . .	14	19
Частичное шлифование	18	21
Полное шлифование . .	7	38
Пиление	8	10
Скол длинный	12	15
Скол крутой	9	8
Пикетаж	3	3
Сверление	1	4
Количество орудий . .	42	94

Сравнение распределения пород по отдельным группам и категориям орудий (табл. 4) показывает увеличение ассортимента пород для изготовления одних и тех же орудий в керамическом комплексе. Все виды камня, применяемые в нем, использовались более умело.

Существенные различия между комплексами наблюдаются в технических приемах изготовления сланцевых орудий (табл. 5). Общим является лишь число приемов. В том и другом комплексе известны заточка по лезвию, частичное шлифование отдельных граней, полное шлифование всей поверхности, пиление, длинный, похожий на отлом скол и крутой скол, напоминающий оббивку, пикетаж, сверление. Характер же применения отдельных приемов и количественные соотношения их в комплексах далеко не одинаковы.

Количество изделий с применением заточки по лезвию, частичного шлифования, пиления, обоих видов скола и пикетажа в комплексах почти равно. Все эти приемы использовались при изготовлении как мелких (по размерам), так и крупных сланцевых орудий в том и в другом комплексе. Одинаков для комплексов также характер применения этих приемов. Заточка по лезвию и частичное шлифование имеют вторичный характер; пиление и длинный скол — первичный. Характер пикетажа неясен. Он мог быть и вторичным, и первичным. Исключение составляет крутой скол, более крупный, приближающийся к оббивке, первичный — в первом комплексе, ставший мелким, часто вторичным по характеру — во втором.

Различия в приемах, как правило, невелики, что свидетельствует о единой технике изготовления сланцевых орудий обоих комплексов. Определяющее различие — это количество и характер применения шлифования. В керамическом комплексе оно встречается в 5 раз чаще, чем в позднемезолитическом, причем не только в мелких орудиях, но и в крупных — топорах, теслах, кирках. Кроме того, наблюдаются различия в степени шлифования: орудия позднего комплекса имеют тщательную шлифовку по всей поверхности, в том числе и по обуху, не переходящую, однако, в полирование.

Техника изготовления сланцевых орудий в сравниваемых комплексах представляет собой две стадии развития одного приема — шлифования. Для позднемезолитического времени характерен этап начального овладения этим приемом. Уровень техники раннекерамического комплекса опре-

*** Процент орудий от группы от общего числа их в группе.

деляется как переходная ступень к развитой неолитической. Наличие в этом комплексе большого числа более примитивных стадий шлифования (заточки по лезвию, частичного шлифования) свидетельствует о неустановившейся технике. Помимо того, в позднем комплексе наблюдается многообразие других приемов, широко встречающихся в раннее время. Как показал анализ, полное и тщательное шлифование крупных орудий (топоров, тесел, кирок) наблюдается на последнем этапе существования памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс.

Преемственность развития техники шлифования на одной территории в двух группах памятников, сменяющих друг друга по времени, а также сходство количества и характеров других приемов свидетельствуют о местном происхождении техники обработки сланца в поздней группе памятников и о прогрессивном, непрерывном процессе ее становления.

Различий в технике обработки изотропных пород меньше. Для позднего времени характерным является более совершенное ретуширование и кремня, и кварца. Особенно совершенны методы обработки кремня.

Сравнение распределения пород камня и техники изготовления орудий показало наличие преемственности в развитии еще одной стороны каменной индустрии, характерной для группы памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс, от более раннего времени. Каменная индустрия поселений с таким содержанием керамики представляет собой новый уровень ранней индустрии. Черты этой ступени проявляются в совершенствовании техники по пути становления приема шлифования и более широкого и умелого использования местных пород камня. В типах орудий развитие идет к некоторой стандартизации и упрощению формы за счет большей определенности и четкости очертаний, приближающихся к геометрически правильным формам прямоугольника и овала. Наблюдается также некоторое увеличение размеров у рубящих орудий (длины и ширины), которое компенсировало растущую уплощенность, возникающую в процессе зашлифовки всей поверхности, и уменьшение угла заточки лезвия, очевидно, в силу этих же причин. У асимметрично заточенных орудий (тесла, долота, стамески) со временем меняется способ заточки лезвия от пологого к крутому. В мелких орудиях из кварца и кремня господствующая в раннее время форма ножевидной пластинки уступает место отщепу.

Преемственная последовательность и прогрессивность развития каменного инвентаря группы памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс от позднемезолитического на той же территории свидетельствует о местном характере происхождения ранненеолитической индустрии.

Таким образом, на территории Карелии уже в VI тыс. до н. э. существует культурно-историческая общность населения с определенным уровнем каменной индустрии. Следующий этап развития этой общности характеризуется более высокой ступенью развития производительных сил. Эта новая ступень представлена каменной индустрией памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс. Период существования единой каменной индустрии на территории Карелии — первая половина VI—конец III тыс. до н. э. Преемственность развития каменного инвентаря ранненеолитического времени от позднемезолитического свидетельствует не только о единстве индустрии этих этапов, но также о генетическом родстве общностей населения. В более поздней среде из этих общностей возникает своя, местная керамика Сперрингс, которая является следствием более высокой ступени развития единой культуры. Весь период существования этой общности можно определить как местную культуру, сложившуюся до прихода на рассматриваемую территорию племен с ямочной керамикой. Время существования чистого комплекса керамики Сперрингс является керамическим этапом в развитии местной культуры.

Период расцвета этой культуры приходится на вторую половину IV—первую половину III тыс. до н. э. Во второй половине III тыс. до н. э., когда приток чужих племен усиливается, местная культура постепенно нивелируется, а затем смешивается с пришлой. К концу III тыс. до н. э. сохранились, очевидно, небольшие очаги местной культуры, известные по отдельным памятникам.

Результаты исследований последних лет показали, что позднемезолитическая общность населения на территории Карелии является продолжением развития еще более древней общности, представленной раннемезолитическими памятниками Карелии типа Аскола.[24] Вывод о единой каменной индустрии позднемезолитического и ранненеолитического времени позволяет говорить о единстве местной материальной культуры населения Карелии времени IX—конца III тыс. до н. э.

Рассмотрение этой культуры в целом, а также отдельных этапов ее в ряду мезолитических и неолитических культур на других территориях — дело будущих исследований.

На основе вышесказанного представляется интересным выяснить взаимосвязь каменной индустрии местной культуры этапа позднего мезолита с комплексом орудий наиболее своеобразного и спорного из карельских памятников — Оленеостровского могильника.

Этот памятник благодаря сохранившимся в нем изделиям из кости для территории Карелии действительно кажется на первый взгляд своеобразным. До недавнего времени специфичность видели также в его характере — он являлся единственным культовым памятником. На сланцевый инвентарь, сопровождающий погребения, не обращали внимания и в лучшем случае сравнивали его с орудиями расположенной по соседству Оленеостровской стоянки. Накопленный к настоящему времени материал раскопок огромного числа позднемезолитических памятников заставляет сделать попытку определения места могильника в их ряду.

Оленеостровский могильник по характеру уже нельзя назвать единичным для территории Карелии. К настоящему времени исследован еще один могильник — Черная Губа,[25] в инвентаре которого не содержится керамики, а также изделий из кости. По составу каменный инвентарь этого могильника входит в комплекс орудий, характерных для рассмотренной выше группы позднемезолитических памятников. Число орудий из камня в могильнике невелико. Данный факт является общим для большинства других памятников, не отличающихся богатством инвентаря, за исключением наиболее полно исследованных (Оленеостровская стоянка). В то же время во всех рассмотренных мезолитических памятниках присутствуют орудия, косвенно свидетельствующие о применении обитателями стоянок кости: большое число скребков и резцов, точильные бруски, маленькие пилы и т. д. Все эти орудия могли применяться в обработке кости, не сохранившейся в силу неблагоприятных условий в виде изделий, но встречающейся в огромном числе в виде мелких пережженных косточек на всех стоянках.

По количеству каменного инвентаря Оленеостровский могильник не отличается от всех других памятников, но ответ на вопрос о его месте в ряду этих памятников дает лишь типологическое сравнение каменных изделий могильника с общим комплексом орудий памятников. Немногочисленность каменных изделий дает возможность сравнить каждое из них в отдельности. Обнаруженное в могильнике тесло[26] по всем призна-

---

[24] Г. А. Панкрушев. Археологическое изучение Карелии.

[25] Архив Карельск. филиала АН СССР, 1964, ф. 1, оп. 29, № 140, стр. 8—9; 1966, ф. 1, оп. 29, № 179, стр. 89—91.

[26] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, рис. 79, 2.

кам идентично острообушным теслам позднемезолитического комплекса, причем ранним формам их. Оно имеет ту же подтреугольную форму плана, поперечное сечение в виде приплюснутого овала и пологую заточку лезвия. Другое тесло,[27] прямоугольное в плане и поперечном сечении, входит в тип прямообушных тесел этого же комплекса. Два других сланцевых орудия могильника[28] по всем признакам идентичны острообушным топорам, особенно самому раннему из них со стоянки Повенецкая III (рис. 2, *1*). Одно орудие из могильника отличается от прочих,[29] но очень близко пешням из керамического комплекса. Как уже отмечалось, в этот комплекс входит грузик из могильника.

Техника изготовления сланцевых орудий из могильника та же, что и в рассмотренном выше позднемезолитическом комплексе: пиление по боковым граням, заточка по лезвию, грубая оббивка как первичный прием и т. д.[30]

Орудиями, специфичными для могильника, являются сланцевые ножи. Действительно, в рассмотренной группе бескерамических памятников их нет, но они известны на других поселениях, как бескерамических (Пески I), так и ранних с керамикой Сперрингс (Пески III). По форме и технике ножи этих памятников идентичны. Отсутствие ножей в рассмотренных позднемезолитических памятниках можно объяснить тем, что период их господства закончился до появления этих памятников (ножи поселений Пески I и III носят пережиточный характер), или тем, что в эпоху существования памятников без керамики ножи еще неизвестны. То же самое можно сказать о кварцевых наконечниках стрел. Все другие каменные орудия могильника — кремневые стрелы, ножи и ножевидные пластинки, роговиковые стрелы — встречаются и в описанном позднемезолитическом комплексе. Все кремневые стрелы и в могильнике, и на стоянках сделаны из ножевидных пластинок, но в последнем виде памятков они аморфнее по очертаниям и примитивнее по технике; роговиковая стрела из могильника[31] тождественна такой же из могильника Черная Губа и стреле из стоянки Пески III (рис. 5, *33*, *34*). Кремневые пластинки с ретушью и ножи из пластинок известны на Оленеостровской стоянке (раскопки Н. Н. Гуриной).[32]

Таким образом, типологически каменный инвентарь Оленеостровского могильника ничем не отличается от инвентаря других памятников Карелии, как позднемезолитических, так и ранненеолитических. Присутствующие в могильнике орудия входят в общий комплекс инвентаря рассмотренной выше группы позднемезолитических памятников. Особенно близкими являются сланцевые крупные орудия, типы которых из могильника идентичны формам с этих стоянок.

Объяснения требует лишь факт количественного преобладания кремневых наконечников стрел и ножей из кремня, немногочисленных на стоянках. Очевидно, ответ кроется в характере памятника и в дате его. По-видимому, погребальный обряд требовал захоронения вместе с хозяином его орудий производства; на стоянках же стрелы могли оставаться за пределами поселения, там, где они применялись. В могильнике Черная Губа отсутствие большого числа стрел объясняется датой его — первой половиной IV тыс. до н. э. К этому времени наступил уже новый этап развития индустрии и начинают господствовать сланцевые крупные ору-

---

[27] Там же, рис. 79, *3*.
[28] Там же, рис. 79, *4*, *5*.
[29] Там же, рис. 79, *1*.
[30] Там же, стр. 130 (орудия, изображенные на рис. 79, *6*, *7*, — заготовки, оббитые приемом скола).
[31] Там же, стр. 99, рис. 53, *3*.
[32] Там же, прил. V, рис. 83.

дия. Типологическое многообразие стрел и ножей свидетельствует как будто бы о позднем времени Оленеостровского могильника, когда производство их было достаточно освоено; в позднемезолитических памятниках они только появлялись. В этом случае необъяснимым будет небольшое количество резцов и скребков. Очевидно, их число в могильнике связано с характером этого памятника; утилитарные вещи, которые не имели строго выдержанной формы и которыми могли служить любые осколки и отщепы, чуть подправленные ретушью, не были так ценны, как стрелы, тем более кремневые.

Более вероятной кажется ранняя дата могильника. Стратиграфическое положение Оленеостровской стоянки свидетельствует о появлении ее после прекращения функционирования могильника.[33] Каменный инвентарь этой стоянки очень близок изделиям из могильника. Кроме того, на западном побережье Онежского озера в районе расположения могильника сосредоточено большое число памятников всех эпох, в том числе и мезолитической, в инвентаре которых прослеживается непрерывность развития единых форм вплоть до конца III тыс. до н. э. (Пески I—III, группа соломенских и ялгубских стоянок и т. д.). Разработанный для этого района график датировки по высотным данным[34] позволяет дать точную периодизацию стоянок. Сравнение каменного инвентаря могильника с орудиями более поздних стоянок показывает меньшее сходство, чем, например, с Оленеостровской. Аналогии костяного инвентаря могильника с орудиями бескерамических памятников других областей, датированных ранним временем по C^{14}, таких как Кунда,[35] Шигирский торфяник,[36] Вис I и т. д.,[37] заставляют отнести могильник к ряду очень ранних карельских памятников без керамики из числа рассмотренных выше, самым ранним из которых является стоянка Повенецкая III, датированная первой половиной VI тыс. до н. э. Наиболее вероятной датой могильника представляется рубеж VI—V тыс. до н. э. От Оленеостровской стоянки его отделяет промежуток времени примерно в 500 лет, в течение которого могильник начал и закончил свое существование. В середине V тыс. до н. э. возникла Оленеостровская стоянка, которая входит в общую схему периодизации бескерамических памятников, основанную на датировке самыми разными методами (табл. 1).

Таким образом, Оленеостровский могильник стоит в общем ряду рассмотренных выше позднемезолитических памятников Карелии.

Следовательно, Оленеостровский могильник представляет собой раннюю ступень позднемезолитического этапа местной культуры. Следующий, ранненеолитический этап этой культуры характеризуется чистым комплексом керамики Сперрингс и каменной индустрией, имеющей преемственность развития от позднемезолитической.

---

[33] Там же, стр. 429.
[34] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники..., рис. 15, 18.
[35] Л. Ю. Янитс. Новые данные по мезолиту Эстонии. МИА, № 126, 1966, стр. 123.
[36] В. М. Раушенбах. Новые находки на Шигирском торфянике. КСИИМК, в. 75, 1959.
[37] Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967, стр. 63—68.

Ю. В. Титов

О КУЛЬТУРЕ СПЕРРИНГС [1]

В археологической литературе, посвященной неолиту Карелии и Финляндии, многие исследователи выделяют керамику Сперрингс.[2] Она отличается от других типов своеобразными элементами орнамента и орнаментальными узорами. К настоящему времени известно около 150 поселений с керамикой этого типа, из них 106 открыто на территории Карельской АССР. Поселения с керамикой Сперрингс относятся к неолиту, и исследователи не отрицают раннего появления их на территории Карелии и Финляндии. За пределами этой территории фрагменты керамики Сперрингс обнаружены в небольшом количестве в смешанных комплексах на отдельных поселениях Ленинградской, Вологодской областей и на Аландских островах.

Керамика Сперрингс получила свое название от одноименного поселения Сперрингс в Финляндии. В Карелии она впервые была обнаружена А. Я. Брюсовым при раскопках поселения Суна I. Однако он не выделил ее из других типов керамики. Наиболее полно охарактеризовала эту керамику Н. Н. Гурина в кандидатской диссертации и последующих работах.

О месте появления керамики Сперрингс в Карелии и Финляндии нет единого мнения. Ряд исследователей предполагает, что она возникла в области неолитических культур Прикамья, Приуралья и Зауралья (Н. Н. Гурина, П. Н. Третьяков). Правда, если Н. Н. Гурина поставила вопрос и о возможном проникновении этой керамики в Карелию из Финляндии,[3] то, по мнению П. Н. Третьякова, «гребенчатая» (?) керамика типа Сперрингс находит ближайшие аналогии в неолитических культурах Прикамья, Приуралья и Зауралья.[4] А. Я. Брюсов, долгое время считавший Сперрингс поздним типом керамики, в последние годы изменил свою точку зрения. «Уже начавшаяся распространяться с Запада, — пишет он, — (и обозначающая движение племен из Финляндии, для

[1] Под термином «археологическая культура» мы понимаем группу одновременных памятников, объединенных общей территорией и общими характерными чертами материальной и духовной культуры их обитателей. Впервые вопрос о выделении культуры Сперрингс поставлен Н. Н. Гуриной.

[2] Н. Н. Гурина. 1) Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951; 2) Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961; 3) К вопросу об этнокультурных областях лесной и лесостепной зоны европейской территории СССР в эпоху неолита. М., 1964; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, МИА, № 29, 1952; А. Я. Брюсов. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР. СА, 1968, № 4; Г. А. Панкрушев. 1) Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964; 2) Неолитические стоянки с керамикой типа Сперрингс в Карелии и Финляндии. Скандинавский сборник, XII, Таллин, 1967; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; V. Luho. Frühe kamnkeramik. SMYA, 58, 1957; Aarne Äyräpää. Den yngre stenalderns kronologi i Finland och Sverige. Finkst Museum, LXII. Helsingfors, 1956; E. Kivikoski. Suomen Eishistoria. T. 1. Helsinki, 1961.

[3] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 62—63.

[4] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты..., стр. 25.

которых характерна такая керамика) керамика типа Сперрингс уступает место ранней северной ямочной керамике».[5] Г. А. Панкрушев считает керамику Сперрингс местного происхождения, возникшей в среде племен, с эпохи мезолита населявших Карелию и Финляндию.[6] По мнению финских исследователей, эта керамика имеет южное происхождение.[7]

Датировка поселений с керамикой Сперрингс обоснована методом вертикальной стратиграфии, высотных отметок и данных палеонтологии. Финские археологи рассматривают Сперрингс как самый ранний тип керамики (varhaiskampakeramikka) и определяют ее хронологические рамки между 3000—2300 гг. до н. э.[8]

Развитие керамики Сперрингс в этих хронологических рамках они подразделяют на две ступени: стили I : I (ранний) и I : I а, в, с, (поздний).[9] Г. А. Панкрушев относит самые ранние памятники с керамикой Сперрингс в Карелии к середине IV тыс. до н. э.,[10] т. е. эти поселения или одновременны, или несколько древнее ранненеолитических стоянок восточных культур.

Необходимо отметить, что сторонники восточного происхождения керамики Сперрингс привлекают в качестве аналогий материалы таких памятников, как Стрелка, Береговая I, II, Андреевское озеро и др.[11] Однако сами исследователи этих поселений нигде не высказывают мысли об аналогичности Сперрингс с керамикой вышеуказанных памятников. Напротив, данная ими характеристика сосудов (как будет показано ниже) имеет самое минимальное сходство со Сперрингс.

Таким образом, каждый исследователь, с той или иной полнотой знакомый с керамикой Сперрингс в Карелии и Финляндии, приводит определенные доказательства исходя из сходства или различия внешних признаков. Определяя керамику Сперрингс, исследователи выделяют следующие основные элементы орнамента: «отступающая лопаточка» (т. е. сплошные или уступчатые линии); оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку; неглубокие, часто поставленные оттиски своеобразного штампа, ряды которых создают иллюзию отпечатков плетеной тесьмы; отпечатки «плетеной тесьмы» и отпечатки штампа, похожие на римские цифры I и II; сдвоенный угловой штамп, создающий иллюзию перевитой колючей проволоки.[12]

Кроме основных элементов в орнаменте керамики Сперрингс применяются кругло-конические ямки, остро-овальные и ромбовидные вытянутые ямки, ямки, похожие на вдавления трубчатого растения, и некоторые другие элементы (рис. 1, *4—13*).

В задачу данного исследования входит рассмотрение ряда важных и пока спорных вопросов: определение основных черт керамики Сперрингс; ее происхождение и распространение; датировка поселений с керамикой Сперрингс; локальные районы и их особенности; основные черты материальной культуры племен с керамикой Сперрингс.

За основу нашего определения керамики типа Сперрингс мы взяли не отдельные признаки, а комплекс их и, используя результаты опытов

---

[5] А. Я. Брюсов. Проблема происхождения..., стр. 9.
[6] Г. А. Панкрушев. Неолитические стоянки..., стр. 211—215.
[7] Aarne Äyräpää. Den yngre..., s. 34—41, 50—51; E. Kivikoski. Suomen Eishistoria, s. 31—32.
[8] E. Kivikoski. Suomen Eishistoria, s. 9, 30—31.
[9] Aarne Äyräpää. Den yngre..., 3—48, fig. 22, 24, 25, 32.
[10] Г. А. Панкрушев. Неолитические стоянки..., стр. 211—215.
[11] М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья. КСИИМК, в. 64, 1956; В. И. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953; В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XLIII, 1952.
[12] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 25—26; Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 50.

и статистического анализа, дали полную характеристику керамики этого типа. В нее включены элементы орнамента, орнаментальные узоры, форма венчика и сосуда, характер теста, обжиг и цвет сосудов.

В качестве основных памятников мы взяли поселения с чистым комплексом керамики Сперрингс.

Проведенные нами опыты [13] позволили выяснить метод нанесения элементов орнамента, похожего на оттиск плетеной тесьмы, перевитой колючей проволоки и на римские цифры I и II.

Своеобразным штампом, с помощью которого наносился этот орнамент, оказались позвонки рыб. Одиночными позвонками рыб наносился орнамент, элементами которого были «римские цифры I и II». Орнамент, создающий иллюзию плетеной тесьмы и перевитой колючей проволоки, наносился одинарными, сдвоенными или строенными позвонками, оттиски которых ставились близко друг другу с небольшим наклоном. Кольчатые углубления, похожие на вдавления трубчатого растения, наносились торцевой стороной позвонка.

Для получения копии упомянутого орнамента нами использованы позвонки щуки, окуня, сига (современные и ископаемые), т. е. той водной фауны, которая была характерна для Карелии в эпоху неолита. Орнамент воспроизведен путем вдавления позвонков в гладкую поверхность пластилина.

Прочерченный (сплошные и уступчатые линии) и веревочный элементы орнамента наносились соответственно палочкой и штампом. Однако вряд ли веревочный штамп представлял собой палочку с намотанной на нее веревочкой. Можно предположить, что веревочный элемент орнамента наносился естественным штампом, пока нам неизвестным. Опыты, проведенные И. А. Коробковым и Л. Я. Крижевской, дали близкие к веревочному элементу отпечатки, которые были сделаны раковинами.[14]

Рис. 1. Элементы орнамента керамики Сперрингс.
I — основные; *II* — дополнительные.

[13] Ю. В. Титов. Об орнаменте керамики типа Сперрингс. СА, 1970, № 1,

[14] И. А. Кробков, Л. Я. Крижевская. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики. Вестн. ЛГУ, сер. геолог. наук, в. XVIII, 1958, стр. 53—59; Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, 1963, стр. 35, рис. 5, *10, 15, 16*; стр. 36, рис. 6, *1, 2, 8*.

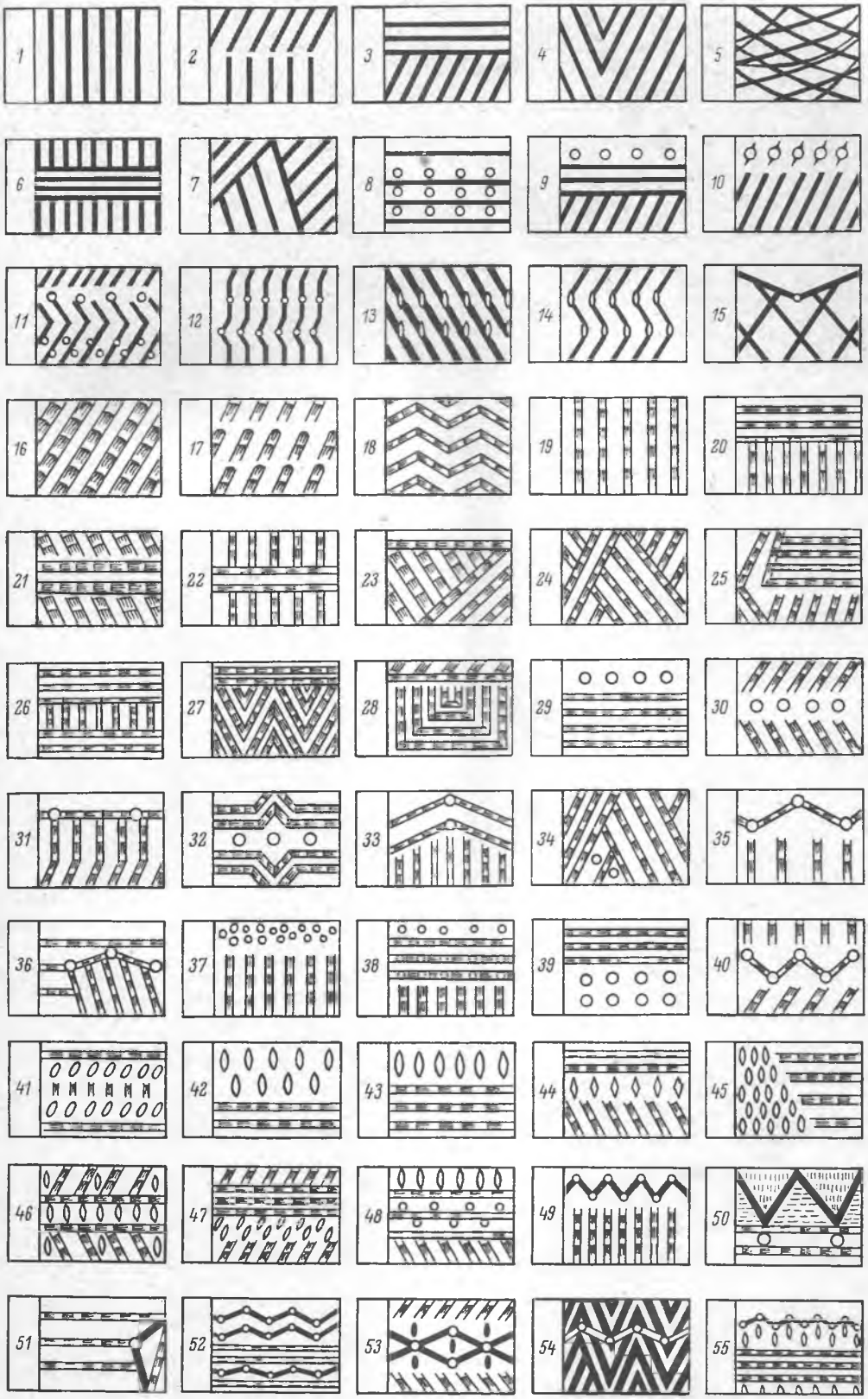

Рис. 2. Орнаментальные мотивы керамики Сперрингс.

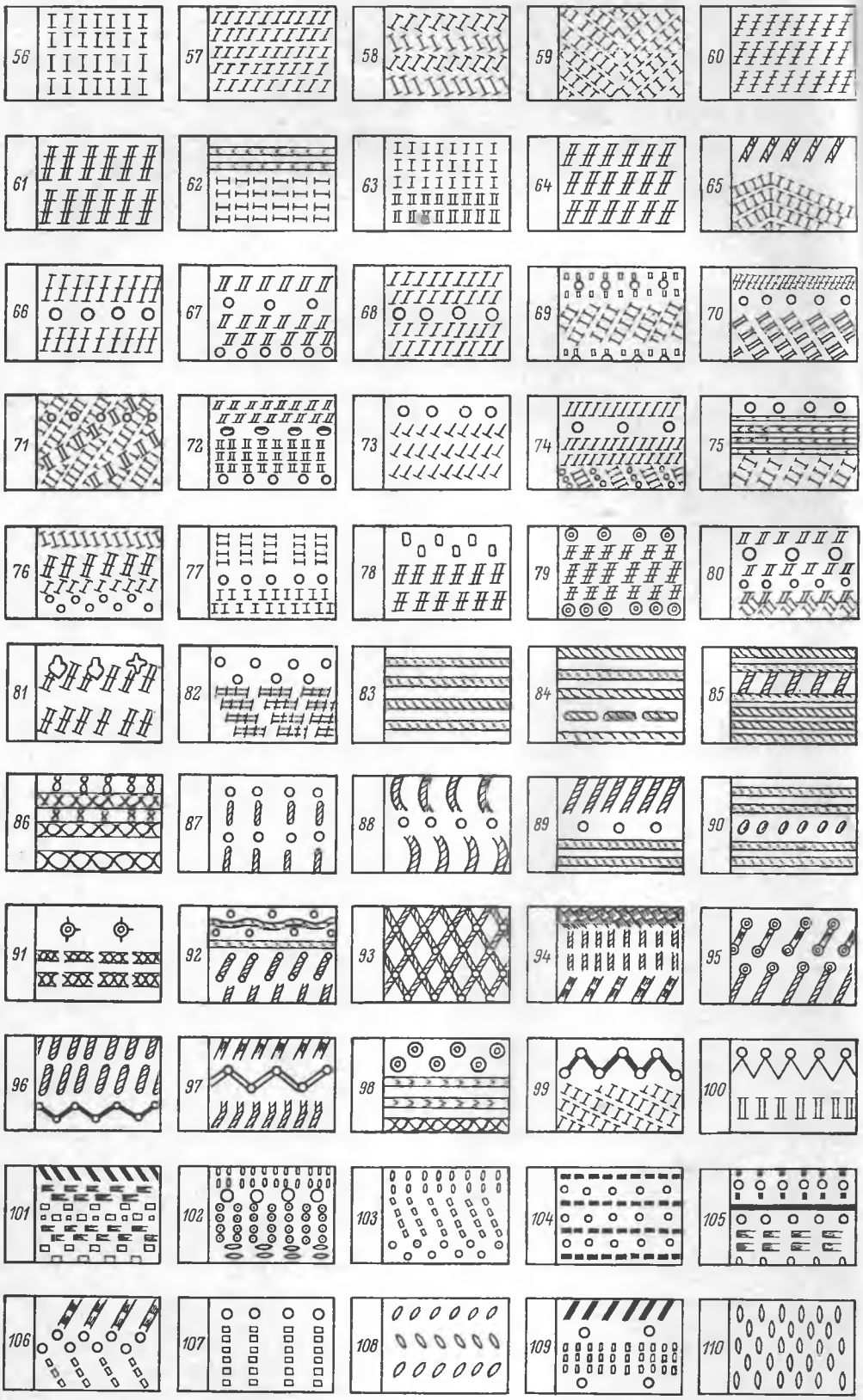
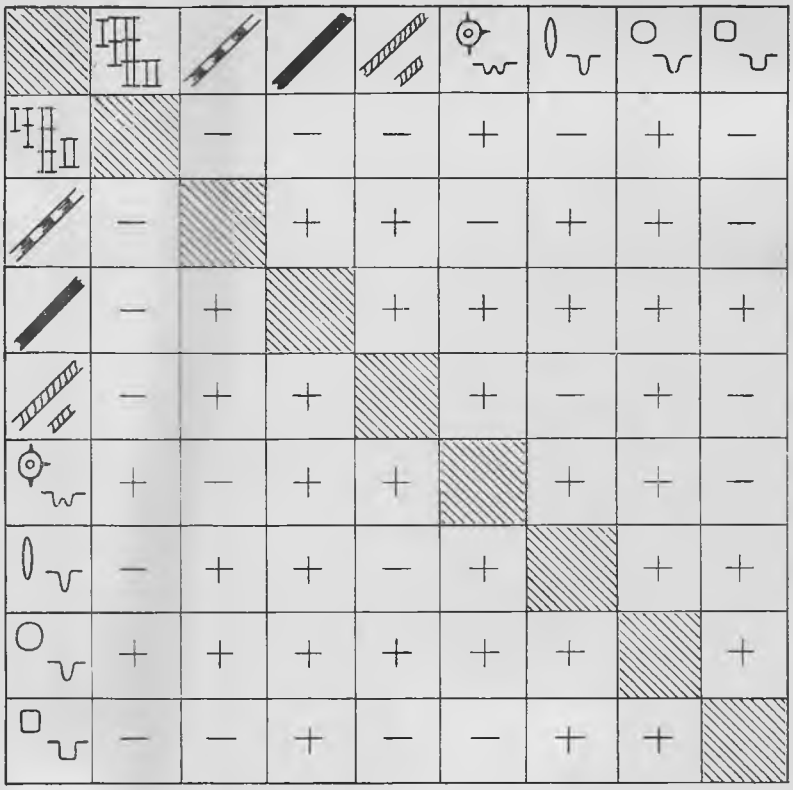

Рис. 2. (продолжение)

Таким образом, в орнаменте керамики Сперрингс мы выделяем три основных элемента: прочерченный, позвонковый и веревочный (рис. 1, *1—3*). Орнаментальные узоры керамики Сперрингс довольно просты, хотя и разнообразны (рис. 2).[15] Наиболее устойчивыми являются следующие: ряды одинарных, сдвоенных или строенных оттисков позвонков, нанесенных горизонтально (реже вертикально) по всему сосуду (рис. 2, *56—64, 66—84*); «корзиночная плетёнка», нанесенная методом «отступающей ло-

ТАБЛИЦА 1

паточки» (рис. 2, *21—28*); прямые или ломаные прочерченные линии (сплошные и уступчатые), нанесенные горизонтально (реже вертикально) с небольшим наклоном по всему сосуду (рис. 2, *1—3, 10—20, 29—30, 41—44* и др.); оттиски веревочного штампа, нанесенные горизонтально в одну линию (реже вертикально с небольшим наклоном) (рис. 2, *83—85, 88, 89*); оттиски короткого веревочного штампа (рис. 2, *87*).

Нам удалось установить, что прочерченный и веревочный элементы орнамента наносились в сочетании с кругло-коническими ямками или другими дополнительными элементами, а оттисками позвонка создавался орнамент без дополнительных элементов, причем такое сочетание было крайне редким (например, редкие ямки под венчиком). Взаимосочетаемость элементов орнамента керамики Сперрингс показана в табл. 1.

Керамику Сперрингс типологически можно разделить на раннюю и развитую. Ранняя представлена остродонными большими сосудами (но

[15] Рис. 2 составлен в основном не по отдельным фрагментам, а по сосудам.

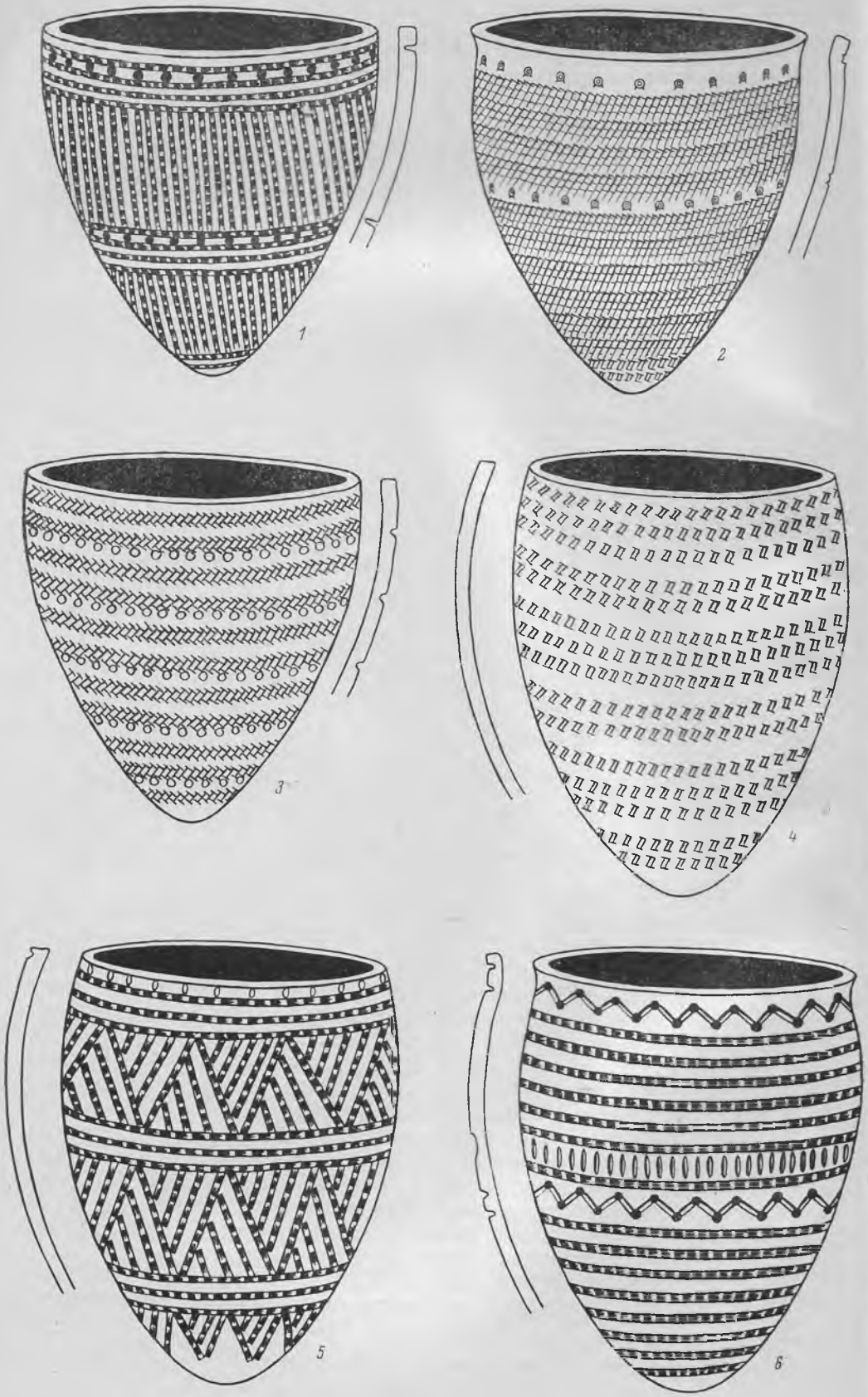

Рис. 3. Формы сосудов керамики Сперрингс (*1—6*).

не более 50 см в диаметре при высоте 40 см), толщина стенок которых достигала 1.5 см. Тесто грубое, с обильной примесью дресвы, обжиг слабый и средний. Цвет, как правило, темно-коричневый. Характерной особенностью сосудов (рис. 3) этого типа является прямой неорнаментированный венчик. Орнаментальные узоры ранней Сперрингс довольно разнообразны, несмотря на немногочисленность элементов орнамента. По основному узору иногда редко расставлены кругло-конические ямки. Чаще всего ранняя керамика Сперрингс не имеет дополнительных элементов.

Развитая керамика Сперрингс представлена остродонными и круглодонными сосудами различных размеров. Наряду с толстостенными встречаются сосуды с толщиной стенок до 0.4—0.5 см. В тесте небольшое количество мелко истолченной дресвы, обжиг значительно лучше. Форма венчика остается в основном прежней, но встречаются и другие формы — отогнутые наружу или вогнутые внутрь сосуда венчики с закругленным краем и т. д. (рис. 4, *1—12*). Орнамент на венчике по-прежнему отсутствует. В развитой керамике Сперрингс кроме узора, составленного из основных элементов, оттисками которых украшена большая часть поверхности сосуда, часто встречаются кругло-конические, остро-овальные и вытянутые ромбовидные ямки, мелкие прямоугольные вдавления и некоторые другие элементы. Одной из характерных особенностей развитой керамики Сперрингс является зональность в нанесении дополнительных элементов. Это, вероятно, признак влияния ранней ямочно-гребенчатой керамики, появившейся в Карелии в середине III тыс. до н. э. Однако такие дополнительные элементы занимают незначительное место в орнаменте и подчинены основному орнаментальному узору. Обычно они располагаются на сосудах в один-два ряда. Ниже дана суммарная характеристика сосудов керамики Сперрингс (табл. 2).

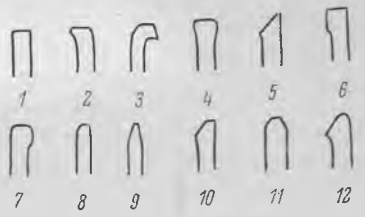

Рис. 4. Формы венчиков керамики Сперрингс.

Каменный инвентарь памятников с керамикой Сперрингс представлен близкими к позднемезолитическим орудиями из сланца, кварца, кремня и некоторых других пород камня. Костяные изделия не сохранились. Поскольку в природе Карелии кремня нет, то кремневых орудий в поселениях с керамикой Сперрингс имеется незначительное количество, за исключением стоянок восточного побережья Онежского озера. Только с приходом в Карелию волго-окских племен и с установлением связей со смежными областями процент кремневых изделий резко возрастает.

Характерной особенностью поселений с керамикой Сперрингс является почти полное отсутствие кремневых наконечников стрел, копий, дротиков (исключение составляют стоянки Пески III и Войнаволок XXVIII). С другой стороны, на абсолютном большинстве поселений с керамикой Сперрингс преобладают орудия из сланца: топоры, тесла, долота, стамески. Из кварца и кремня, дающих при расщеплении острые режущие края, изготовлялись скребущие и режущие инструменты: ножевидные пластинки, скребки, проколки и т. п. В археологических памятниках Карелии обнаружено несколько грузиков от рыболовных лесок, в том числе и на поселениях с чистым комплексом керамики Сперрингс (Пески II).[16] Среди других орудий, изготовленных из местных пород

[16] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., табл. 33, рис. 4. Более подробную характеристику каменного инвентаря поселений с керамикой Сперрингс см. в статье В. Ф. Филатовой (настоящ. изд., стр. 10—33).

камня, можно отметить шлифовальные плиты, точильные бруски, грузила для рыболовных сетей, кирки, пилы, проколки и некоторые другие орудия. Близкие по характеру применения орудия имеются в памятниках Финляндии.

Ниже мы приводим состав и назначение каменного инвентаря, встречающегося в памятниках с чистым комплексом керамики Сперрингс на территории Карелии.

I группа. Орудия для обработки камня: шлифовальные плиты — 272 экз.; пилы — 50; точильные бруски — 33; отбойники — 7; сверла — 1 экз.

II группа. Орудия для обработки дерева: топоры — 20 экз; стамески — 26; долота — 13; тесла — 11 экз.

III группа. Орудия охоты: наконечники стрел — 17 экз.; наконечники копий — 2 экз.

IV группа. Орудия рыболовства: грузила для сетей — 13 экз., грузики для лесок — 4; пешни — 1 экз.

V группа. Скребущие и режущие орудия: скребки — 184 экз; скребла — 4; скобели — 3; проколки — 4; резцы — 36; ножи — 10; ножевидные пластины — 40 экз.

VI группа. Прочие орудия: кирки — 13 экз.; киркообразные орудия — 6 экз.

Таким образом, мы определили основные черты керамики и каменного инвентаря поселений с чистым комплексом Сперрингс.

Чтобы решить вопрос о месте изготовления этой керамики, необходимо несколько подробнее рассмотреть характеристику некоторых типов, близких к ней по орнаменту.

Элементы орнамента. Из трех основных элементов орнамента керамики Сперрингс два имеются далеко за пределами Карелии и Финляндии. Ими являются прочерченный (главным образом «отступающая лопаточка») и веревочный элементы. Они имеются в керамике кельтеминарской культуры (Джанбас-Кала IV, Кават-Кала), горбуновской (Стрелка и др.) [17] и днепро-донецкой культур (Буськи, Никольский могильник),[18] не говоря уже о ряде промежуточных между ними культур. Количество керамики с этими элементами орнамента колеблется от десятков до нескольких сотен фрагментов. Так, например, прочерченный элемент орнамента в некоторых памятниках Украины представлен в следующих пропорциях: Грини — 23% из 1198 фрагментов, Вита-Литовска — 18% из 554, Каменка — 5% из 404 и т. д.[19] Рассматривая керамику поселений Стрелка, Полуденка I и II и др., В. М. Раушенбах отмечает следующие элементы орнамента: зубчатые оттиски, струйчатый орнамент и его варианты и прочерченные линии в значительно меньшем количестве.[20] М. Н. Комарова, исследуя керамику поселения близ д. Киприно, отмечает сочетание гладких линий и зубчатого штампа с ломаными линиями как основные элементы орнамента керамики этого поселения.[21] Итак, наиболее характерный для Сперрингс элемент орнамента — позвонковый — отсутствует в керамике как южных, так и восточных памятников, а прочерченный элемент нигде не преобладает и часто сочетается с зубчатым штампом, чего нет в памятниках Карелии и Финляндии с керамикой Сперрингс.

Орнаментальные узоры. Наиболее близкие к керамике Сперрингс орнаментальные узоры выполнены методом «отступающей лопа-

[17] Фонды ГИМа.
[18] Фонды ИА АН УССР.
[19] Там же (данные за 1968 г.).
[20] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры, стр. 57—58.
[21] М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья, стр. 96, рис. 40, 13—17.

ТАБЛИЦА 2

Подтипы керамики	Орнамент по тулову (в %)			Форма сосуда	Количество сосудов	Форма венчика (рис. 4)	Диаметр (в см)	Емкость (в л)	Толщина стенок (в см)	Состав теста	Обжиг	Цвет
	позвонковый	прочерченный	веревочный									
Ранняя Сперрингс	48.2	44.6	7.2	Остродонная	348	1, 4, 6, 8	От 10 до 50	В среднем 1—4	0.8—1.5	Примесь песка и дресвы	Плохой и средний	Темно-коричневый
Развитая Сперрингс . . .	43.9	47.3	8.8	Остродонная, круглодонная	822	1—12	От 10 до 40	В среднем 0.5—6	0.8—0.4	Мелкий песок	Хороший и средний	Светло-коричневый и кирпичный

ТАБЛИЦА 3

Районы	Основные признаки													
	«отступающая лопаточка»	прочерченная линия	оттиски веревочного штампа	оттиски позвонка	венчик прямой	венчик неорнаментированный	венчик орнаментированный	остродонные сосуды	круглодонные сосуды	плоскодонные сосуды	примесь песка и дресвы	примесь талька и раковины	растительная примесь	сочетание основных элементов («отступающая лопаточка», прочерченные линии и оттиски веревочного штампа)
Карелия и Финляндия	+	+	+	×	×	×	+	×	×	—	×	—	—	—
Урал и Зауралье	+	+	+	—	+	+	×	+	+	+	+	×	—	+
Поднепровье	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	—	×	+

Примечание. Знак + (плюс) означает присутствие признаков; знак — (минус) — отсутствие их; знак × — преобладание.

точки». Они характерны для сосудов некоторых южных поселений (Буськи, Никольский могильник, Скуносово, Волынцево, Волчанские хутора и др.) и особенно для сосудов восточных поселений (Береговая I и II, Стрелка, Языковская, Усть-Айское, Усть-Юрюзанское и др.). Здесь имеется и «корзиночная плетёнка», и орнамент из смежных треугольников и прямоугольников, заполненных сплошными или уступчатыми линиями, и некоторые другие орнаментальные мотивы, близкие к сосудам Сперрингс.[22] Однако орнаментальные узоры, характерные для керамики Сперрингс Финляндии и Карелии, совершенно отсутствуют на сосудах вышеуказанных памятников, а прочерченные линии напоминают больше струйчатый орнамент, чем «отступающую лопаточку».

Из остальных различий можно отметить плоскодонность сосудов и растительную примесь в тесте — характерные признаки керамики южных поселений, близкой по орнаменту к сосудам Сперрингс. Абсолютное отсутствие этих признаков в керамике Сперрингс Карелии и Финляндии заставляет нас не согласиться с гипотезой финских археологов о южном происхождении данной керамики. Кроме того, у нас нет обоснованных сведений, которые бы подтверждали связи между Карелией и Финляндией, с одной стороны, и Поднепровьем — с другой, со второй половины IV тыс. до н. э.

Керамика Урала и Зауралья, близкая сосудам Сперрингс Карелии и Финляндии по прочерченному орнаменту, по характеру теста, обжигу, форме венчика и сосуда резко от них отличается. Исследователи отмечают примесь талька, раковины, параболические формы с выпуклым дном, небольшие плоскодонные баночки, орнаментированные венчики различных форм, прекрасный обжиг и тонкостенность сосудов и т. д. Все эти признаки отсутствуют в керамике Сперрингс Карелии и Финляндии. Признаки, отличающие керамику Сперрингс от керамики южных и восточных памятников, указаны в табл. 3 и на рис. *3, 1—6*.

Таким образом, керамику Сперрингс Карелии и Финляндии отличает от других близких ей типов пять основных признаков: 1 — наличие позвонкового элемента и орнаментальных узоров, выполненных позвонком; 2 — отсутствие композиций из сочетаний трех основных элементов, сочетание позвонкового элемента только с прочерченным и крайне редкое сочетание веревочного и прочерченного элементов; 3 — наличие только двух форм сосудов — остродонных и круглодонных; 4 — абсолютное преобладание прямых венчиков без орнамента; 5 — отсутствие других примесей в тесте, кроме песка, кварца и мелко истолченной дресвы.

Итак, сосуды Сперрингс характерны только для карельских и финских поселений. Они возникли в среде автохтонных племен, с эпохи позднего мезолита населявших Карелию и Финляндию. Эта территория и является центром распространения памятников подобного типа.

Расположены памятники с керамикой Сперрингс на территории современной Карелии далеко не равномерно. В настоящее время можно выделить 6 основных районов, где они наиболее распространены. Необходимо учесть, что среди 26 памятников с чистым комплексом Сперрингс имеются поселения, содержащие керамику, украшенную только позвонковым орнаментом, прочерченными линиями («отступающая лопаточка»), и совершенно отсутствуют поселения, сосуды которых украшены оттисками веревочного штампа.

В табл. 4 указаны основные районы Карелии, где обнаружены памятники, содержащие керамику Сперрингс.

---

[22] Фонды ГИМа, ЛОИА АН СССР. См. также: Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. Л., 1968, стр. 171—181, табл. 36—37, 44—45.

ТАБЛИЦА 4

Районы	Количество памятников*				Всего фрагментов	Орнамент (в %)		
	с чистым комплексом	с двумя типами керамики	с тремя типами керамики	всего		позвонковый	прочерченный	веревочный
Восточный берег Онежского озера (Водлозеро—Семеново)	4	6	4	14	160	48.1	46.3	5.6
Северный берег Онежского озера (Медгора—Повенец)	8	2	3	13	7726	47.8	43.6	8.6
Юго-западное побережье Онежского озера (Соломенное—Пески)	3	5	4	12	1126	9.7	81.8	8.5
Западная Карелия (верховье Суны, Чудозеро)	—	2	5	7	46	52.2	47.8	—
Центральная Карелия (Сямозеро)	5	8	7	20	1925	49.4	45.1	5.5
Северная Карелия (Кемь, Выг, Коргуба, Йова)	6	3	2	11	296	47.4	41.8	10.8

* В таблицу вошли памятники, площадь раскопов которых не менее 24 м².

Мы видим, что в западной Карелии (верховье р. Суны и Чудозеро) не имеется в настоящее время памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс. Здесь открыто свыше 30 древних поселений, и только 7 из них содержит единичные фрагменты этой керамики в смешанных комплексах. Сосуды с поселений Чудозеро V, XII, Юдъярви III и др. не имеют орнамента, выполненного веревочным штампом. Следует заметить, что орнамент в виде оттисков веревочного штампа нехарактерен для керамики Сперрингс всех памятников Карелии.

Рассматривая распространение основных подтипов керамики Сперрингс, можно с уверенностью сказать, что позвонковый орнамент преобладает на большинстве сосудов, исключая юго-западное побережье Онежского озера (Пески II, III, соломенские поселения).

По степени изученности памятников с сосудами Сперрингс, их географическому расположению на территории современной Карелии и особенностям керамики и каменного инвентаря можно выделить ряд районов, которые, видимо, занимали родственные племенные объединения в эпоху раннего неолита.

В данной статье рассмотрены некоторые наиболее полно изученные в настоящее время локальные районы.

Сямозерский локальный район (центральная Карелия) является одним из самых изученных. Первые поселения на берегах Сямозера относятся еще к мезолитической эпохе. Наиболее многочисленные стоянки древних людей расположены на северном и северо-западном берегу озера, на южных и юго-западных склонах озов или на песчаных участках у их подножия. Они укрыты от северных ветров и согреваются солнцем с юга.

Поселения с керамикой Сперрингс Сямозерского локального района составляют почти $^1/_3$ всех известных памятников этого типа. С другой стороны, 15 поселений (из 20), содержащих Сперрингс, имеют смешанные комплексы с двумя и тремя типами керамики. На сямозерских поселениях обнаружено 1925 крупных фрагментов данного типа керамики, что со-

ставляет 6.8% от общего числа фрагментов всей керамики рассматриваемого района. Процентное соотношение подтипов керамики Сперрингс представлено в следующей пропорции: позвонковый орнамент — 49.4%, прочерченный — 45.1, оттиски веревочного штампа — 5.5%. Памятники Сямозерского локального района, содержащие керамику Сперрингс, можно разделить на ранние и развитые благодаря близкому расположению поселений мезолитического характера, поселений с чистым комплексом Сперрингс и поселений со смешанными комплексами.

Методами горизонтальной стратиграфии и типологического сравнения удалось выявить не только ранние и развитые типы керамики Сперрингс, но и характер орудий, сопутствующих данному типу керамики. Ранние сосуды Сперрингс довольно однородны как по толщине стенок, так и по обжигу, цвету и примесям к глиняному тесту. Они грубые и толстостенные (до 1.2 см), со слабым обжигом и обильной примесью дресвы в тесте, темно-коричневого цвета. Сосуды остродонные (остро-овальные), с прямыми неорнаментированными венчиками. Днище их без орнамента. Тулово сосудов орнаментировано позвонками, прочерченными (сплошными и уступчатыми) линиями и оттисками веревочного штампа.

Позвонковый орнамент нанесен одинарными, сдвоенными и строенными позвонками по всему сосуду без дополнительных элементов (рис. 2, *57*, *59—61*) или в сочетании с ямками, нанесенными торцевой стороной позвонка (рис. 2, *79*). Исключение составляют фрагменты керамики, где позвонковый орнамент сочетается с кругло-коническими ямками, нанесенными под венчиком в одну линию (рис. 2, *66*, *68*). Наиболее характерным орнаментальным узором ранних типов керамики Сперрингс являются композиции из сплошных горизонтальных или вертикальных прочерченных линий и линий, выполненных методом «отступающей лопаточки» (рис. 2, *2*, *5*, *10*). Эти узоры довольно часто сочетаются с кругло-коническими ямками, расположенными под венчиком в одну линию (рис. 2, *29*). Веревочный орнамент ранних форм керамики Сперрингс представлен сплошными горизонтальными оттисками веревочного штампа или наклонными оттисками короткого веревочного штампа. Чаще всего веревочный орнамент сочетается с кругло-коническими (рис. 2, *83*, *90*) или овальными ямками.

Развитая керамика Сперрингс выделена в основном из смешанных комплексов. Наряду с ранними формами в смешанных комплексах встречается тонкостенная керамика (0.7—0.4 см) прекрасного обжига, с хорошо отмученным тестом. Вместе с остродонными (остроовальными) сосудами попадаются и круглодонные с разнообразными формами неорнаментированных венчиков (11 форм из 12). Характерные черты Сперрингс сохранились, но уже появились элементы орнамента, несвойственные этому типу керамики (подчетырехугольные мелкие вдавления, мелкие ямки, ромбовидные вдавления и т. п.), сложные орнаментальные узоры.

В керамике Сперрингс Сямозерского локального района прослежено 50% орнаментальных узоров от всей керамики этого типа, обнаруженной на территории Карелии. Орнаментальные узоры, выполненные позвонком, по-прежнему просты и представляют собой ряды оттисков, похожих на римские цифры I и II, поставленные горизонтально (реже вертикально) с небольшим наклоном. В отличие от ранних узоров теперь зоны оттисков позвонков отделяются зонами кругло-конических ямок (рис. 2, *67*, *74*).

Веревочный орнамент сосудов Сперрингс представлен оттисками короткого веревочного штампа, поставленного вертикально несколькими рядами, отделенными друг от друга зоной кругло-конических ямок (рис. 2, *87*). Менее распространенным орнаментальным узором является

сочетание вертикальных и горизонтальных рядов оттисков веревочного штампа, которые отделены друг от друга зонами кругло-конических ямок (рис. 2, *89*).

Встречаются также орнаментальные узоры в виде различных сочетаний прочерченного элемента орнамента с круглоконическими и ромбовидными ямками (рис. 2, *11—14*, *46—49*). Несколько сосудов Сперрингс сямозерских памятников имеет оригинальный орнамент, характерный только для данного района. На одном из сосудов стоянки Сулгу I нанесен сложный узор из перекрещивающихся сплошных прочерченных линий, образующих небольшие ромбы. В углах ромбов видны кругло-конические ямки, а в середине их неглубокие овальные вдавления. Такой узор расположен не только под венчиком, но и идет тремя зонами по всему сосуду. Каждая полоса ромбов отделена от другой наклонными линиями, нанесенными методом «отступающей лопаточки» (рис. 2, *53*). На этой же стоянке обнаружен сосуд, украшенный оттисками веревочного штампа от венчика до днища. Орнаментальный узор сосуда представляет собой сетку из правильных ромбов, в углах которых имеются кругло-конические ямки (рис. 2, *93*).

Своеобразным орнаментом отличается керамика стоянки Сулгу Va; он существует наряду с характерными для Сперрингс узорами. На одном из сосудов рисунок нанесен оттисками короткого веревочного штампа в сочетании с ломаными прочерченными линиями, наклонными отступающими линиями и кругло-коническими ямками (рис. 2, *97*). Другой сосуд орнаментирован подчетырехугольными вдавлениями в сочетании со сплошными прочерченными линиями и кругло-коническими ямками (рис. 2, *109*).

Наши исследования керамики Сперрингс не подтвердили существующего мнения, что характерным орнаментом керамики Сперрингс является так называемая корзиночная плетёнка.[23] Из 20 поселений, расположенных в районе Сямозера, керамика Сперрингс с узором типа «корзиночная плетёнка» имеет место только на четырех памятниках (Сулгу Va, Малая Суна I, IX и Курмойла I; рис. 2, *23*, *27*). Для остальных ранненеолитических памятников характерна керамика, украшенная оттисками позвонка.

Каменный инвентарь Сямозерского локального района довольно разнообразен. Имеется 111 орудий, из которых абсолютное большинство изготовлено из местных пород камня: из сланца — 19 экз., из песчаника — 27, из кварца — 51, из кремня — 2, из других пород камня — 12 экз. Кварцево-сланцевый инвентарь близок к позднемезолитическому инвентарю стоянки Сулгу IV. На поселениях с чистым комплексом керамики Сперрингс каменный инвентарь распределился по группам следующим образом: I группа — 34%, II — 0.6, III — 0.18, IV — 0.08, V — 51, VI группа — 0.16%.

Одним из самых ранних памятников этого района является поселение Сулгу II, содержащее 90% керамики с позвонковым орнаментом и 71% кварцевого и сланцевого инвентаря, близкого по формам к позднемезолитическим орудиям. Это поселение считается опорным памятником Сямозерского локального района.

Медвежьегорский локальный район (северное побережье Онежского озера) изучен достаточно полно. Здесь открыты памятники от эпохи раннего мезолита до средневековья. Кроме того, для поселений северного побережья Онежского озера Г. А. Панкрушевым составлен график абсолютных датировок по высотным данным.

В этом районе открыто и исследовано 13 памятников, содержащих керамику Сперрингс, из которых 8 с чистым комплексом ее. Рассматривая

[23] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 83.

распространение основных подтипов керамики Медвежьегорского локального района, можно заметить, что процентное соотношение позвонкового элемента несколько выше, чем остальных подтипов. Следует отметить, что орнамент, нанесенный оттисками веревочного штампа, имеется на сосудах Сперрингс в основном на памятниках с чистым комплексом. Керамику поселений северного побережья Онежского озера типологически и по высотным данным стоянок можно подразделить на раннюю и развитую, причем последняя преобладает в памятниках этого района.

Ранняя керамика Сперрингс (Пушсовхоз II, Кочнаволок I) представлена исключительно толстостенными остродонными сосудами; по технике изготовления они довольно примитивны, отличаются грубыми примесями в тесте и слабым обжигом. Основные элементы орнамента редко сочетаются с кругло-коническими ямками и другими дополнительными элементами. Чаще всего дополнительные элементы нанесены по основному узору. Ведущими орнаментальными узорами являются оттиски позвонков (одинарных, сдвоенных или строенных), похожие на римские цифры I и II (рис. 2, *57, 60, 61, 64*), вертикальные и горизонтальные сплошные и уступчатые линии (рис. 2, *1, 2, 9, 19, 38*), вертикальный зигзаг и косая сетка из прочерченных линий (рис. 2, *14, 15, 35, 40*), оттиски веревочного штампа (рис. 2, *83*). Венчики прямые, неорнаментированные.

Развитая керамика Сперрингс (Войнаволок XXVIII, Чёлмужская I и др.) представлена остродонными (остро-овальными) и круглодонными сосудами с разнообразной формой венчиков, с примесью дресвы и мелкого песка в тесте. Основные элементы орнамента довольно часто сочетаются с кругло-коническими и ромбовидными ямками, подчетырехугольными вдавлениями и некоторыми другими элементами. Единичные сосуды орнаментированы сочетанием основных элементов орнамента (прочерченного и веревочного, веревочного с позвонковым).

Позвонковый орнаментальный узор развитой керамики Сперрингс весьма разнообразен. Наряду с простыми оттисками позвонка, расположенными горизонтально вокруг сосуда с небольшим наклоном, часто встречается узор, где представлены горизонтальные и вертикальные оттиски (рис. 2, *77*) в сочетании с зоной кругло-конических ямок. Орнаментальные узоры, характерные для данного локального района (Сандермоха IV, Войнаволок XXVIII), выполнены сочетанием широких и узких оттисков одинарных позвонков (рис. 2, *63*), часто разделенных зонами кругло-конических ямок (рис. 2, *80*).

Узор, выполненный прочерченным элементом орнамента (сплошным и уступчатым) в сочетании с кругло-коническими и ромбовидными ямками, представлен небольшим количеством сосудов (Чёлмужская I, Войнаволок XXVIII, Сандермоха IV и др). Наряду с простыми линиями (рис. 2, *16, 19*) широко представлены горизонтальные и вертикальные оттиски «отступающей лопаточки» в сочетании с зонами кругло-конических ямок (рис. 2, *29, 30*). Распространенным орнаментальным узором является сочетание ромбовидных ямок (одного или двух рядов, поставленных в шахматном порядке) и горизонтальных линий, выполненных методом «отступающей лопаточки» (рис. 2, *42, 43*), а также «корзиночная плетёнка» (рис. 2, *23, 24*).

Веревочный узор представлен в основном короткими оттисками веревочного штампа, отделенными зоной кругло-конических ямок (рис. 2, *87*) или сплошными горизонтальными линиями (рис. 2, *83*).

Ряд поселений Медвежьегорского локального района имеет керамику Сперрингс, характерную только для тех памятников, где эти сосуды и отдельные фрагменты обнаружены. На стоянке Войнаволок XXX есть единственный сосуд раннего облика, украшенный широкими вертикальными короткими линиями «отступающей лопаточки». Подобный штамп,

видимо, изготовлен специально, поскольку у верхней части оттисков четко закруглен край (рис. 2, *17*).

Поселение Войнаволок XXVIII имеет ряд оригинальных сосудов развитого облика, характерных только для этого памятника (рис. 2, *52*, *54*).

В фондах МАЭ[24] (раскопки Н. Н. Гуриной) находится несколько сосудов керамики Сперрингс со стоянки Чёлмужская I, аналогий которым на территории Карелии больше не имеется. Орнамент этих сосудов представляет собой сочетание веревочного элемента с прочерченным и веревочного элемента с оттисками позвонка, нанесенного торцевой стороной (рис. 2, *91*, *94*). Необходимо отметить, что на этом же памятнике обнаружен единственный фрагмент керамики, где венчик орнаментирован оттисками позвонка с обратной стороны. В тесто сосудов введена примесь слюды.

Сложные орнаментальные узоры сосудов, характерные только для Медвежьегорского локального района, обнаружены и на стоянке Сандермоха IV (рис. 2, *25*, *70*, *95*). Имеются отдельные фрагменты сосудов со сложным орнаментом. Но ввиду их единичности определить характер орнамента в целом не удалось (рис. 2, *15*, *45*, *86*, *101*).

Каменный инвентарь ранненеолитических поселений с керамикой Сперрингс Медвежьегорского локального района изготовлен в основном из местных пород камня: кварца, сланца, роговика, песчаника и т. п. На 846 сосудов приходится 95 каменных орудий, из которых лишь 15% кремневых.

Среди памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс выделяется поселение Войнаволок XV, где на 32 сосуда приходится одно орудие из сланца киркообразной формы и 24 отщепа сланца и кварца. Да и в целом поселения данного локального района не содержат большого числа каменного инвентаря. Достаточно сказать, что при раскопках стоянки Пушсовхоз II обнаружено 30 орудий, Войнаволок XXVIII — 49 орудий, Кочнаволок I — 15 орудий и т. д. Вероятно, несмотря на обилие материала, изготовленные орудия использовались бережно в течение значительного промежутка времени. Из всех групп каменного инвентаря в Медвежьегорском локальном районе совершенно отсутствуют сланцевые сверла, ножи, проколки. Наибольшее количество орудий представлено I—III, V группами: топоры и тесла, долота с округлым сечением, наконечники стрел и копий, скребки, скребла и ножевидные пластинки. По группам каменный инвентарь представлен изделиями из местного материала в следующих пропорциях (от всего количества): I группа — 17% (кремневых нет); II — 20 (то же); III — 8 (из кремня 4%); IV — 5 (из кремня 2%); V — 35 (из кремня 9%); VI — 15 (кремневых нет); прочие — 10% (из кремня 4%).

Таким образом, каменный инвентарь Медвежьегорского локального района в абсолютном большинстве изготовлен из местных пород камня, за исключением некоторых скребущих и режущих инструментов и наконечников стрел, для которых местный материал был не столь доброкачествен, как кремень.

Соломенский локальный район (юго-западное побережье Онежского озера) является одним из наиболее изученных. В настоящее время здесь открыто и исследовано 12 памятников, содержащих керамику Сперрингс как в чистом, так и в смешанных комплексах. Основной особенностью этого района является ограниченность территории распространения памятников с керамикой Сперрингс. Сосуды содержат основные элементы орнамента, но далеко не в такой пропорции, как в других локальных районах. Орнаментальные узоры, выполненные прочерченными линиями

[24] Колл., ф. 6407, № 102, 120—125.

(сплошными или уступчатыми), составляют 81.8% от всей керамики, позвонковый орнамент дает лишь 9.7%, а веревочный 8.5%.

Основным позвонковым орнаментальным узором являются оттиски одинарных позвонков по всему тулову сосуда (рис. 2, *56, 57*) или сочетание зон широких и узких оттисков одинаковых позвонков (рис. 2, *63*). Из немногочисленных сложных орнаментальных узоров, выполненных оттисками позвонков, можно отметить сочетание горизонтальных оттисков позвонков и вертикальных наклонных оттисков позвонков с зонами кругло-конических ямок (рис. 2, *73—77, 80*).

Веревочный орнамент представлен простыми оттисками веревочного штампа в сочетании с кругло-коническими ямками (рис. 2, *87—89*). Исключение составляет сосуд раннего облика со стоянки Пески III, который нам удалось графически реставрировать. Сосуд остродонный, с оттисками веревочного штампа от венчика до днища. Венчик, скошенный с обеих сторон, орнаментирован с внутренней стороны оттисками короткого веревочного штампа. Зоны кругло-конических ямок нанесены по оттискам ломаного веревочного штампа (рис. 2, *88*).

Наибольшее количество узоров выполнено сплошными прочерченными линиями и «отступающей лопаточкой». Наиболее характерным узором соломенских стоянок являются пересекающиеся линии (сплошные или уступчатые), образующие так называемую корзиночную плетёнку (рис. 2, *3, 6, 7, 20—26*). Довольно часты прямые наклонные или уступчатые линии, нанесенные по всему сосуду (рис. 2, *1, 2, 16, 18, 19*). В вышеописанных узорах кругло-конические ямки отсутствуют. Орнамент, выполненный прочерченными линиями и «отступающей лопаточкой» в сочетании с кругло-коническими ямками, не отличается от узоров других локальных районов (рис. 2, *8—10, 29—30, 39*).

Ряд отдельных сосудов имеет орнаментальный узор, выполненный только ямками ромбовидной формы или сочетанием ромбовидных ямок с прочерченными (отступающими) линиями (рис. 2, *41—44, 108, 110*).

В соломенских поселениях обнаружено несколько отдельных фрагментов керамики со сложным узором, аналогий которым нет в керамике других поселений Карелии (рис. 2, *31, 33, 36, 50—51*).

Каменный инвентарь соломенских поселений с керамикой Сперрингс представлен наибольшим количеством орудий всех категорий, из самого различного материала (табл. 5).

ТАБЛИЦА 5

Группы	Материал								Всего
	сланец	кварц	кремень	роговик	песчаник	кварцит	шифер	прочие	
I	74	4	—	—	181	4	—	1	264
II	39	—	—	—	—	—	—	—	39
III	4	—	2	1	—	1	—	—	8
IV	8	—	—	—	—	—	—	1	9
V	23	65	50	10	—	—	—	1	149
VI	8	—	—	—	—	—	—	—	8
Прочие	8	3	2	1	—	—	—	2	16
Итого . .	164	72	54	12	181	5	—	5	493

Таким образом, каменный инвентарь Соломенского локального района отличается от инвентаря памятников с керамикой Сперрингс других районов прежде всего по количеству орудий. Здесь преобладают орудия для

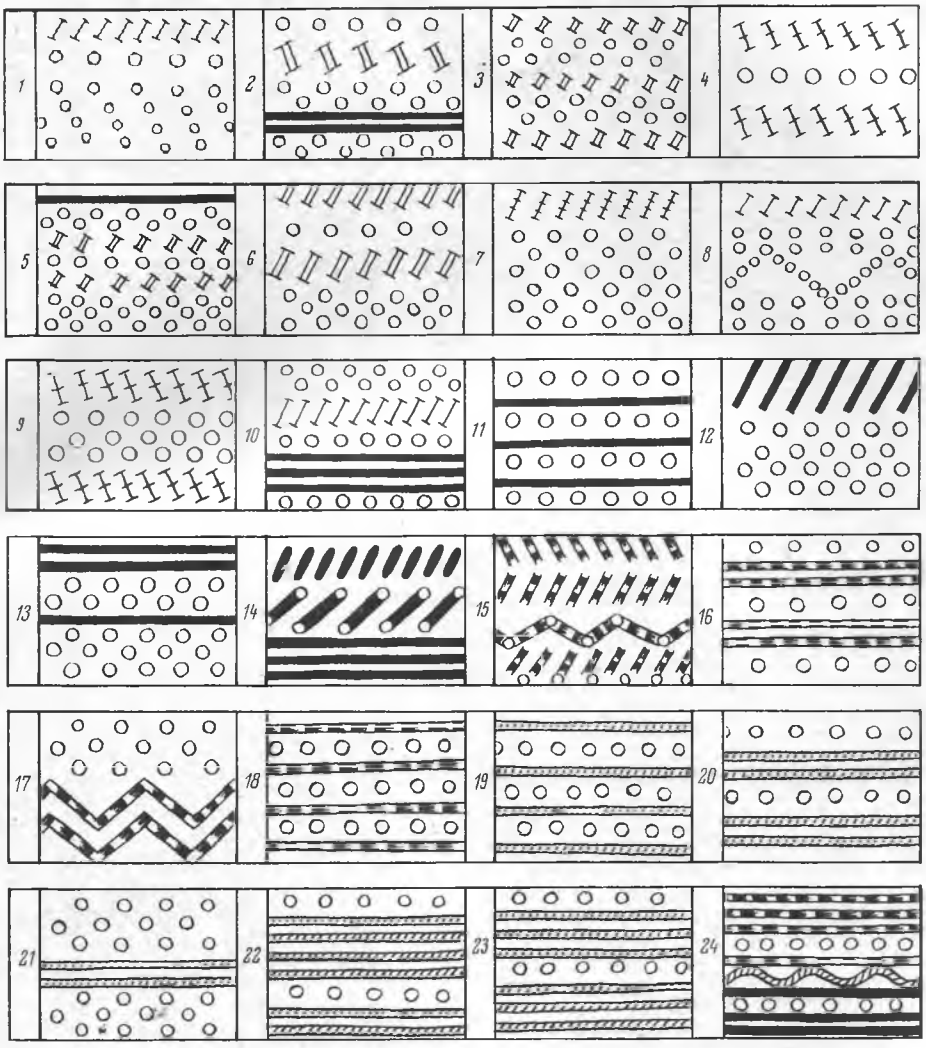

Рис. 5. Влияние элементов орнамента керамики Сперрингс на ямочно-гребенчатую керамику.

обработки камня из сланца и песчаника, а также скребущие и режущие орудия из кремня и кварца.

В середине III тыс. до н. э. на территории Карелии появляются новые племена, с ямочно-гребенчатой керамикой. Они принесли с собой новую технику в обработке камня, новый тип керамики, новые формы жилищ.

Пришельцы встретили в Карелии население со сложившимися традициями и определенным уровнем развития материальной культуры. Можно предположить, что на первых порах некоторым изменениям подверглась культура пришлых племен, особенно каменный инвентарь. Но, получив количественное преобладание (а об этом свидетельствует большинство памятников с ямочно-гребенчатой керамикой), освоившись на новой территории и усвоив технику изготовления каменных орудий, они оказали существенное влияние на культуру аборигенов. Каковы были взаимоотношения пришельцев с аборигенами? Исчезли ли племена, обладавшие керамикой Сперрингс, не оставив после себя никаких следов? Окончательный ответ на эти вопросы можно дать только при условии правильного решения проблемы сосуществования различных типов керамики на одном поселении. В настоящее время нет единого мнения по этому вопросу.

Исследователи, изучающие памятники Карелии и Финляндии, не отрицают сосуществования двух типов керамики — Сперрингс и ямочно-гребенчатой — на одном поселении. Наши исследования подтверждают это положение. Более того, керамика Сперрингс не исчезла бесследно. В ямочно-гребенчатой керамике поселений Карелии содержатся все основные элементы орнамента керамики Сперрингс, правда значительно видоизмененные. Преобладающим элементом становятся кругло-конические ямки и гребенчатый штамп, преобладают различные формы орнаментированных венчиков, значительно лучше тесто и обжиг. Однако основные элементы орнамента и близкие к Сперрингс орнаментальные узоры сохранились на многочисленных сосудах ямочно-гребенчатой керамики (Сулгу I, IIIб, Va, Золотец I, Войнаволок XXIX и др.) (рис. 5, *1—24*).

Тесное взаимоотношение местных племен и волго-окских переселенцев было обусловлено географическими условиями и единой формой ведения хозяйства. Однако недостаточная изученность археологических памятников Карелии в целом и поселений с керамикой Сперрингс в частности не дает возможности в настоящее время всесторонне осветить вопросы, связанные с материальной и духовной культурой племен, владевших керамикой Сперрингс.

Абсолютное большинство поселений этих племен находится на возвышенных берегах озер и рек, на их песчаных участках и укрыто от северных ветров естественными складками рельефа. Преимущество такого топографического расположения поселений очевидно. На территории поселений всегда сухо, после дождя вода быстро проникает через верхний слой песка; солнце, нагревая песок, создает дополнительный источник тепла. В песке легче вырыть хозяйственные ямы и жилища.

В настоящее время на поселениях с чистым комплексом керамики Сперрингс жилищ не обнаружено, хотя раскопкам подвергались значительные площади памятников. Если при дальнейших исследованиях поселений с чистым комплексом Сперрингс жилищ не будет обнаружено, то остается предположить, что существовали наземные сооружения, которые не дошли до нас.

Топография расположения поселений с керамикой Сперрингс указывает на основное занятие населявших их племен. Видимо, рыболовство являлось основной статьей добывания средств к существованию. Об этом же говорит почти полное отсутствие наконечников стрел, копий и дротиков в памятниках данного типа. Наличие позвонкового орнамента на преобладающем большинстве сосудов Сперрингс также можно связать

с основным занятием ранненеолитического населения Карелии. Охота и собирательство тоже имели немаловажное значение и служили дополнительным источником питания.

Об общественном строе и взаимоотношениях между ранненеолитическими племенами трудно сказать что-то определенное, поскольку нет этнографических данных, а археологический материал Карелии и Финляндии еще недостаточно изучен. Однако не вызывает сомнения, что племена, владевшие керамикой Сперрингс в Карелии и Финляндии, были родственными, близкими по языку и материальной культуре мезолитическим племенам культуры Суомусъярви. Это предположение финских археологов подтверждается и материалом памятников Карелии.[25]

Таким образом, на территории Карелии и Финляндии с момента заселения ее человеком существовала своеобразная кварцево-сланцевая индустрия. Ранний мезолит характеризуется культурой Аскола, поздний — культурой Суомусъярви. В середине IV тыс. до н. э. в среде племен, каменный инвентарь которых близок к позднемезолитической культуре Суомусъярви, появляется оригинальная керамика Сперрингс, не имеющая себе аналогий. Центром памятников, содержащих этот тип керамики, является территория Карелии и Финляндии. Поселения с чистым комплексом керамки Сперрингс существовали вплоть до середины III тыс. до н. э., когда с приходом новой волны волго-окских переселенцев на территории Карелии появляются памятники с чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики и кремневой индустрией.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о существовании на территории Карелии и Финляндии центра ранненеолитической культуры на протяжении около 1000 лет. Культура Сперрингс является поздним этапом в развитии кварцево-сланцевой мезолитической культуры Суомусъярви, характерной для территории Карелии и Финляндии.

Особенности культуры Сперрингс ярко проявились в оригинальном орнаменте керамики, устойчивых формах сосудов. преемственности в обработке камня и в формах орудий, близких к мезолитическим, в отсутствии жилищ земляночного и полуземляночного типа и, наконец, в общности территории распространения подобных памятников.

Культура Сперрингс явилась важным звеном в сложении будущей «карельской неолитической культуры».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Количество сосудов Сперрингс

Стоянки	С прочерченными элементами	С позвонковыми элементами	С веревочными элементами	Всего	Стоянки	С прочерченными элементами	С позвонковыми элементами	С веревочными элементами	Всего
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Войнаволок XV	11	19	2	32	Кудома VI	4	—	—	4
Войнаволок XX	3	—	—	3	Кудома VII	3	—	—	3
Войнаволок XXVIII	41	52	8	101	Кудома IX	3	2	1	6
Войнаволок XXX	7	6	—	13	Кудома X	2	—	—	2
Выгостров II	4	9	2	15	Курмойла I	25	19	4	48
Деревянное I	7	4	—	11	Лахта II	6	—	—	6
Ерпин Пудас	9	12	5	26	Лахта III	—	2	—	2
Илекса II	1	6	4	11	Малая Суна I	27	7	5	39
Илекса V	4	1	1	6	Малая Суна IV	2	—	—	2
Кочнаволок I	24	8	7	39	Малая Суна VI	2	—	1	3

[25] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 98.

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Стоянки	С прочерченными элементами	С позвонковыми элементами	С веревочными элементами	Всего	Стоянки	С прочерченными элементами	С позвонковыми элементами	С веревочными элементами	Всего
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Малая Суна IX	11	14	6	31	Сулгу I	8	3	4	15
Медвежья Гора II	27	43	11	81	Сулгу II	3	45	4	52
Пиндуши I	2	—	—	2	Сулгу III	1	8	2	11
Пески II	16	3	—	19	Сулгу IIIв	4	1	1	6
Пога I	—	2	—	2	Сулгу IIIг	—	6	—	6
Порог Шойрукша	3	4	3	10	Сулгу V	1	—	—	1
Пески III	10	—	1	11	Сулгу Va	12	9	5	26
Пушсовхоз II	70	115	21	206	Сулгу VI	1	1	1	3
Салменицы	1	1	—	2	Суна I	31	3	13	48
Сандермоха IV	264	111	11	386	Хашезеро II	2	1	2	5
Семеново II	—	2	—	2	Чёлмужская I	19	27	8	54
Соломенное I	1	2	1	4	Черная Губа V	—	2	—	2
Соломенное IV	2	1	—	3	Ялгуба II	1	3	—	4
Соломенное VI	3	4	1	8	Ялгуба III	11	4	2	17
Соломенное VII	9	—	—	9					

Форма венчиков керамики Сперрингс*

Стоянки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Всего венчиков
Пески III	14	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	16
Пески II	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	4
Деревянное I	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Кочнаволок I	17	—	—	—	—	—	—	4	—	1	—	—	22
Черная Губа V	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Ялгуба V	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Сулгу II	16	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	19
Сулгу IIIг	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Сулгу VI	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Кудома VI	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	3
Сулгу III	20	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Сулгу VIa	19	—	1	1	2	—	2	2	1	—	—	—	28
Малая Суна I	26	4	—	2	—	—	—	4	—	—	—	1	37
Малая Суна IX	6	—	—	2	—	—	—	3	—	—	—	—	11
Итого	134	7	2	7	2	2	2	17	1	2	1	1	178

* Таблица служит дополнением к рис. 4 (см. настоящ. изд., стр. 39).

Ю. А. Савватеев

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В НИЗОВЬЕ р. ВЫГ

Вот уже более 40 лет район низовья р. Выг привлекает пристальное внимание археологов. Начиная с 1957 г. здесь проводятся ежегодные полевые работы археологической экспедицией Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. К настоящему времени по берегам и островам реки (в 7—9 км от впадения ее в Белое море), на площади 2—3 км^2, открыто более 30 групп наскальных изображений (ок. 2000 фигур) и 50 древних поселений.

Петроглифам Беломорья посвящена значительная литература, а материалы поселений, в том числе раскопанных в последние годы, все еще остаются неопубликованными. Между тем они должны сыграть важную роль не только в изучении первобытной истории этого своеобразного приморского района, но и в более углубленном исследовании самих петроглифов, например в выяснении их хронологии и этнокультурной принадлежности.

Данной статьей публикационного характера мы намерены ввести в научный оборот три памятника: Ерпин Пудас, Лисья Гора (Выгостров II) и Порог Шойрукша, обладающих определенным топографическим и типологическим сходством.[1] Все они располагаются в окрестностях д. Выгостров, вокруг петроглифов Бесовы Следки: Лисья Гора и Порог Шойрукша на противоположных берегах р. Выг (в том месте, где реку перегородили острова), а Ерпин Пудас ниже по течению, на вершине большого острова (рис. 1). Перечисленные поселения занимали наиболее возвышенные из занятых стоянками участки, все они содержали небольшой процент керамики типа Сперрингс. Эти и другие признаки позволяют нам выделить их в особую, раннюю группу поселений низовья р. Выг.

К сожалению, лишь кратковременное сезонное стойбище Лисья Гора, вероятно, имеет одновременный комплекс находок. В остальных присутствуют материалы эпохи бронзы, раннего железа и даже средневековья. Надежных критериев для выделения более поздних находок, особенно орудий, из неолитических комплексов для данной территории пока не

[1] Первичная информация об этих памятниках содержится в полевых отчетах: Г. А. Панкрушев. 1) Отчет о работе Карельской археологической экспедиции 1957 г. Архив Карельск. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 29, № 83, стр. 64—65; 2) Отчет о работе археологической экспедиции за 1958 г. Там же, ф. 1, оп. 29, № 14, стр. 79—81, 86—87; 3) Отчет о работе Карельской археологической экспедиции в 1959 г. Там же, ф. 1, оп. 29, № 20, стр. 93—99; Ю. А. Савватеев. Отчет о работе Беломорской археологической экспедиции за 1963 г. Там же, ф. 1, оп. 29, № 120, стр. 1—139. Отчеты имеются также в Институте археологии АН СССР. Материалы раскопок находятся в хранилище Института языка, литературы и истории Карельского филиала, частично в Карельском государственном краеведческом музее и Беломорском филиале этого музея. Раскопки стоянок производились под руководством Г. А. Панкрушева (1957—1959 гг.) и Ю. А. Савватеева (1963 г.).

выработано, и это затрудняет характеристику как самих поселений, так и раннего этапа освоения низовья р. Выг.

Все три поселения уже привлекали внимание исследователей, ограничившихся, правда, их самой общей характеристикой. Так, Г. А. Панкрушев использовал материалы названных стоянок в хронологических и типологических таблицах своей книги. При этом Лисья Гора и Ерпин Пудас открывают первую хронологическую группу (2500—2100 гг. до н. э.) поселений пятого локального варианта (соответствующего племени), а стоянка Порог Шойрукша замыкает группу поселений второго хронологического этапа (2100—1800 гг. до н. э.) того же локального варианта. Все три памятника рассматриваются им как имеющие хотя и смешанные, но сосуществующие комплексы керамики.[2] Правда, в отношении стоянки Порог Шойрукша исследователь впоследствии изменил свою точку зрения и отнес ее к числу поселений с разновременным инвентарем, перемешанным в едином культурном слое.

Предыдущий этап (3000—2500 гг. до н. э.), предшествующий сложению пятого локального варианта, по мнению Г. А. Панкрушева, был связан с населением, владевшим ямочной керамикой льяловского типа, проникшим сюда из Волго-Окского междуречья и почти не испытавшим влияния со стороны аборигенов — носителей керамики Сперрингс. Да и позднее, на его взгляд, культура этого племени и по керамике, и по преобладанию кремневых изделий «оставалась наиболее близкой ранним волго-окским культурам: льяловской и белевской».[3]

Рис. 1. Схематический план расположения стоянок в низовье р. Выг.

1 — Ерпин Пудас; *2* — Лисья Гора; *3* — Порог Шойрукша (остальные поселения без номера); *4* — петроглифы Бесовы Следки.

Стоянка Ерпин Пудас (уже после завершения ее раскопок) была темой небольшого сообщения С. И. Кочкуркиной, трактующей ее как одновременное поселение последней четверти III тыс. до н. э.[4]

Широкие раскопки стоянки Ерпин Пудас и стремление с помощью ранних памятников установить нижнюю хронологическую границу наскального творчества в Беломорье побудили нас к более тщательному их исследованию. Сильно оживило интерес к поселениям открытие осенью 1968 г. на южной окраине стоянки Ерпин Пудас, под слоем почвы (на

[2] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 49—55, 96, 131.

[3] Там же, стр. 131.

[4] С. И. Кочкуркина. Стоянка Ерпин Пудас (сообщение). В кн.: Научная конференция, посвященная итогам работ института за 1963 год. Секция истории, археологии и этнографии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1964, стр. 59.

самой границе обнаженной и покрытой почвой прибрежной скалы), еще одной группы петроглифов.

Наконец, сами по себе рассматриваемые нами поселения достаточно выразительны. Присутствие на них ямочной керамики льяловского облика, типичной гребенчатой керамики и Сперрингс делает их интересными для изучения этнокультурной истории Севера. Обилие кремня и кремневых орудий свидетельствует о связях с восточными и юго-восточными районами, которые со временем в жизни приморского населения будут играть все более существенную роль. Близость этих поселений к морю обусловила и своеобразие их хозяйства: в нем все больше и больше возрастает роль морского промысла.

ПОСЕЛЕНИЕ ЕРПИН ПУДАС

Топография. Стоянка Ерпин Пудас находится на южной, наиболее возвышенной оконечности одноименного острова, представляющего собой массивный выход коренных пород, местами обнаженных, но чаще заболоченных или покрытых слоем песка толщиной от нескольких сантиметров до 2 м. Высота ее над уровнем реки 5—6 м, а над уровнем моря 23.5—24.5 м.[5]

Стоянка занимала ровную песчаную площадку, поросшую редким сосновым лесом. С запада, т. е. со стороны реки, к ней примыкала низменная, заболоченная полоса шириной до 40 м, покрытая густым смешанным лесом и кустарником. Далее тянулся пояс пологих обнаженных скал шириной до 20 м, плавно спускающихся к воде (рис. 2). С юго-запада стоянка подходила к высокому и крутому песчаному берегу, а с северо-запада была ограничена почти отвесным склоном обнаженных коренных пород (гнейсо-гранитов). С восточной стороны местность плавно понижалась и переходила в заболоченную низину. Рядом со стоянкой, у южной оконечности острова, протекает правобережная протока раздвоившегося русла р. Выг.

В древности конфигурация острова, как и вся окружающая его местность, выглядели несколько иначе. Остров был значительно меньше, вода подступала почти к самому краю поселения. Горизонт ее, видимо, находился на высоте 22—23 м над ур. м. Многочисленные мелкие островки, расположенные чуть выше и ниже по течению, были или скрыты под водой, или представляли собой торчащие из воды глыбы обнаженных скал. Река текла еще единым руслом, и лишь небольшие острова да выступающие из воды скалы разнообразили ее широкую водную гладь. Мощного порога Шойрукша, заинтересовавшего исследователей петроглифов, тогда еще не существовало. Течение реки в указанном месте было спокойным, плесовым, и для лодок, спускавшихся с верховьев, не существовало барьеров, затрудняющих выход в Белое море.

В непосредственной близости от острова начинались морские промысловые угодья. Сюда, в низовье р. Выг, поднималась рыба, в частности семга; близко к этим местам подходили косяки сельди, а вслед за ними шли и морские звери. Вдоль берегов реки легче было охотиться на лесных зверей и птиц. Все это и обусловило выбор места для поселения.[6]

---

[5] По заказу Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Республиканской проектной конторой Министерства коммунального хозяйства КАССР на местах раскопок (в том числе и на о. Ерпин Пудас) производились специальные топо-геодезические работы.

[6] Кроме того, на продуваемых ветром островных стоянках было меньше гнуса, и здесь люди, по-видимому, чувствовали себя в большей безопасности. Острова рек и озер, расположенные неподалеку от берегов, нередко избирались древними жителями Карелии для поселений. В настоящее время известны десятки островных стоянок как временного (сезонного), так и постоянного характера.

История изучения. Первые находки на территории поселения были сделаны в 1926 г. А. М. Линевским, проводившим сборы подъемного материала вокруг петроглифов Бесовы Следки. Спустя два года А. Я. Брюсов заложил здесь разведочный шурф площадью 6 м^2 и установил наличие на острове культурного слоя. На основании обследования территории и анализа находок исследователь сделал заключение, что это всего лишь место «многократного посещения на короткое время». Сопоставив небольшой материал данной стоянки (фрагменты керамики, 2 наконечника стрел, 4 кремневых осколка с ретушью и 3 обломка мелких

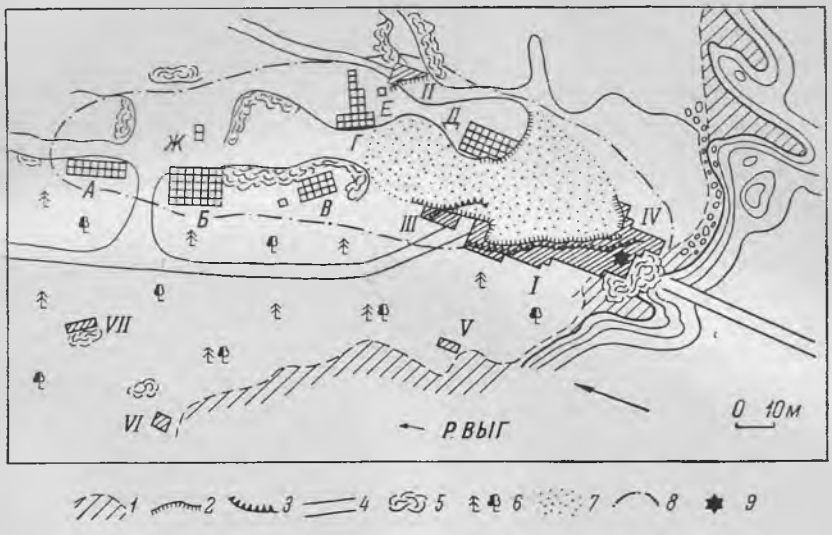

Рис. 2. Схематический план стоянки Ерпин Пудас.

I—VII — раскопы 1970 г.; А — Ж — раскопы 1963 г.; *1* — прибрежная скала; *2* — край карьера; *3* — уступы скалы; *4* — дорога; *5* — отвалы; *6* — лес; *7* — карьер; *8* — примерная граница стоянки; *9* — новые петроглифы.

кремневых орудий) с находками более полно раскопанной им стоянки в северной части о. Шойрукшин (что в 400 м юго-западнее, рядом с петроглифами Бесовы Следки), А. Я. Брюсов пришел к выводу об их однотипности. Стоянку Ерпин Пудас он помещал даже после стоянки на о. Шойрукшин на том основании, что среди керамики там попадались черепки «еще более позднего типа, с редкими круглыми ямками под венчиком и гладкими боками».[7]

Спустя несколько лет стоянку обследовала экспедиция В. И. Равдоникаса, не производившая раскопок, но собравшая в размыве песчаного наноса куски кварца и несколько фрагментов керамики, отнесенные к эпохе неолита.[8]

В 1958 г. изучение поселения Ерпин Пудас возобновила археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР под руководством Г. А. Панкрушева. Кроме разведочной шурфовки тогда на стоянке впервые удалось произвести небольшие раскопки (32 м^2). В результате были выяснены стратиграфия поселения, его границы, площадь, характер находок, по которым исследователь датировал памятник началом II тыс. до н. э.

---

[7] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 276, 281.

[8] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. II. М.—Л., 1938, стр. 99.

Значительная мощность яркоокрашенного в красноватый цвет культурного слоя, обилие находок, большая площадь давали основание считать стоянку не временным стойбищем, а долговременным поселением. К сожалению, дальнейшее изучение ее продолжить не удалось. Вскоре она была частично разрушена, а доступ к ней закрыт. Правда, в полевой сезон 1959 г. на месте центральной, разрушенной части были проведены сборы, но небольшой подъемный материал не изменил характеристики поселения.[9]

Углубить представление о стоянке могли только дальнейшие стационарные раскопки, на которые возлагались большие надежды. Казалось, что здесь должны быть обнаружены остатки жилищ, ранее в низовье Выга не встречавшихся. Особый интерес к стоянке определялся и тем, что она входила в круг памятников, окружающих петроглифы Бесовы Следки, а по своему характеру относилась к числу постоянных поселений, наличие которых в данном районе отрицалось.[10] Раскопки ее были произведены только в 1963 г. К этому времени поселение оказалось в значительной степени разрушенным, сохранились лишь его окраины (западная, восточная и южная), потревоженные широкими дорогами и карьером. Центральная и отчасти северная его части были полностью уничтожены. Оставшиеся нетронутыми участки представляли собой изолированные, наполовину засыпанные отвалами места, на которых и было заложено 7 раскопов (А—Ж) общей площадью 449 м^2. Добытый вещественный материал и лег в основу характеристики поселения.

Работами 1963 г. полевое исследование памятника все же не было исчерпано. В дальнейшем целесообразно было бы провести более тщательное обследование (включая раскопки) на южной оконечности острова (в районе новых петроглифов), сборы материала на разрушенной площади, а также расчистку скалы, местами непосредственно подстилающей культурный слой, с целью поисков наскальных изображений.

Объем и особенности исследования поселения в последние годы характеризуется данными табл. 1—3.

Как показали раскопки, площадь стоянки составляет около 3000 м^2. Она вытянулась по западному краю острова примерно на 120 м с юга на север и на 20 м с запада на восток.

Стратиграфия. Во всех раскопах она довольно однообразна и отличается лишь цветовыми оттенками песка. Сверху стоянку покрывал рыхлый дерн толщиной 4—6 см, насыщенный большим количеством корней деревьев, мха и брусничника. Под ним почти по всей площади раскопов распространялся слой белого или розового песчаного подзола, достигающий 8—15 см. Нижний его край, как правило очень неровный, языками и карманами опускался в следующий горизонт красноватого песка (порой на всю глубину), местами переходящего в грязно-желтый, слабо гумусированный слой. Его подстилал чистый светло-серый или желтый песок мощностью 20—30 см, ниже залегала скала. В западной части раскопов Б и В культурный слой лежал непосредственно на скале. По направлению к центральной части стоянки он увеличивался, окраска его становилась более интенсивной, приобретая характерный для неолитических поселений Карелии ярко-малиновый оттенок. Но и в нем встречались линзы иного цвета. На дне раскопа местами прослеживалась прослойка темно-серого гумусированного песка мощностью от 10 до 40 см. Глубина раскопа до-

---

[9] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Карельской археологической экспедиции в 1959 г., стр. 59.

[10] А. Я. Брюсов. Стоянки в низовьях Выга, около петроглифов Бесовы Следки. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 52.

ТАБЛИЦА 1

Изучение стоянки Ерпин Пудас в 1958—1963 гг.

Год	Характер обследования	Площадь раскопа (в м²)	Количество орудий и их обломков	Керамика						Осколки		Прочие шифрованные материалы
				крупные фрагменты			мелкие фрагменты					
				Сперрингс	ямочно-гребенчатая	всего	Сперрингс	ямочно-гребенчатая	всего	кремня	кварца	
1958	Раскопки (Г. А. Панкрушев)	32	21	12	162	174	—	—	—	72	261	49
1959	Сборы (Ю. А. Савватеев)	—	24	8	40	48	—	60	60	19	20	29
1963	Раскопки (Ю. А. Савватеев)	449	317	206	1162	1368	184	986	1170	654	2248	551
	Итого	481	362	226	1364	1590	184	1046	1230	745	2529	629

ТАБЛИЦА 2

Статистические данные по стоянке Ерпин Пудас за 1963 г.

Раскопы и сборы	Площадь раскопа (в м²)	Количество орудий и их обломков	Керамика						Осколки		Прочие шифрованные материалы	Всего находок
			крупные фрагменты			мелкие фрагменты						
			Сперрингс	ямочно-гребенчатая	всего	Сперрингс	ямочно-гребенчатая	всего	кремня	кварца		
Раскоп:												
А	64	33	4	65	69	8	63	71	56	160	204	593
Б	134	87	132	400	532	125	317	442	203	1032	265	2561
В	60	40	30	279	309	17	259	276	90	210	20	945
Г	83	41	18	80	98	29	66	95	50	432	4	720
Д	96	84	16	285	301	5	228	233	144	294	57	1113
Е	4	—	—	5	5	—	4	4	3	54	—	66
Ж	8	4	2	21	23	—	10	10	1	3	—	41
Сборы	—	28	4	27	31	—	39	39	107	63	1	269
Итого . . .	449	317	206	1162	1368	184	986	1170	654	2248	551	6308

ТАБЛИЦА 3

Распределение каменного инвентаря на стоянке Ерпин Пудас

Наименование изделий	Количество предметов									Всего
	раскопки 1958 г.	раскопы 1963 г.							сборы 1959 г.	
		А	Б	В	Г	Д	Е	Ж		
Шифрованные материалы:										
Сланцевые шлифованные тесла и долота	1	—	1	1	1	—	—	—	—	4
Прочие сланцевые орудия и обломки	2	—	1	4	2	1	—	—	—	10
Оригинальные орудия и изделия из сланца . .	—	—	1	2	—	1	—	—	—	4
Шлифовальные плиты и обломки	—	8	7	7	3	11	—	—	1	37
Шлифовальные и точильные бруски	1	1	3	—	2	—	—	—	1	8
Пилы и их обломки . . .	—	6	6	2	—	—	—	—	1	15

ТАБЛИЦА 3 (продолжение)

Наименование изделий	Количество предметов									
	раскопки 1958 г.	раскопы 1963 г.							сборы 1959 г.	Всего
		А	Б	В	Г	Д	Е	Ж		
Кварцевые отбойники	—	—	1	—	1	—	—	—	—	2
Нуклеусы кремневые	—	—	1	—	—	—	—	—	1	2
Наконечники стрел и их обломки	2	1	4	3	2	4	—	—	2	18
Заготовки наконечников	—	1	2	—	—	—	—	—	—	3
Скребла кремневые	—	1	1	—	—	—	—	—	8	10
Скребки кремневые	3	12	40	8	12	36	—	2	—	113
Скобели кремневые	1	—	1	1	—	1	—	—	—	4
Резцы и резчики из кремня	3	—	3	—	—	—	—	—	2	8
Ножи и ножевидные пластины с ретушью из кремня	2	—	2	3	1	7	—	—	2	17
Кремневые осколки и отщепы с ретушью	3	6	6	8	7	21	—	—	4	55
Обломок кремневого сверла	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Скребки кварцевые	1	—	7	—	5	5	—	2	1	21
Резцы кварцевые	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2
Кварцевые ножевидные пластины	—	—	1	1	1	—	—	—	—	3
Кварцевые отщепы с ретушью	—	—	—	—	1	1	—	—	—	2
Всего	21	36	88	40	38	88	—	4	24	339
Нешифрованные материалы:										
Осколки и отщепы кварца	262	160	1032	210	432	294	54	3	20	2467
Осколки и отщепы кремня	72	56	203	90	50	144	3	1	19	638
Осколки и отщепы сланца, роговика	2	—	1	5	2	2	—	—	3	15
Железные шлаки	—	—	194	6	—	—	—	—	—	200
Кальцинированные косточки животных	44	203	70	8	2	52	—	—	26	405
Пластинки слюды	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Кусочки асбеста	—	1	—	—	—	2	—	—	—	3
Окатанные гальки	—	—	—	1	—	3	—	—	—	4
Всего	383	420	1500	320	486	497	57	4	68	3735

ходила до 70 см (а в раскопе Г. А. Панкрушева до 85 см),[11] но обычно составляла 30—50 см. Находки встречались по всей его глубине, начиная с оподзоленного песка и до самого подстилающего слоя.

Значительный интерес вызывают остатки сооружений хозяйственного назначения, среди которых, к сожалению, отсутствуют следы жилищ.

Очаги и кострища. Очаг № 1 обнаружен в раскопе Б, в юго-восточном углу кв. 1. Он выложен на поверхности подстилающего слоя, даже немного углублен в него, а сверху покрыт культурным слоем толщиной 30 см. Кладка очага неплотная; между камнями, уложенными в один слой, имелись значительные пустоты. Размеры вскрытой части кладки 100×110 см (остальная часть ее уходила под массивный отвал и оста-

[11] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе археологической экспедиции за 1958 г., стр. 87.

лась нерасчищенной). В очаге прослеживалась тонкая прослойка черной пережженной земли, сохранилось и небольшое количество мелких угольков.

В том же раскопе, севернее кв. 3, расчищена небольшая каменная кладка размерами 60×60 см, видимо представляющая собой остатки очага № 2.

Очаг № 3 выявлен в раскопе Д, на границе квадратов 3 и 6. Сложен из 70 камней. Форма его овально-удлиненная, размеры 158×68 см. Очаг находился в культурном слое, сверху был покрыт толстым (до 12 см) слоем подзола. Под камнями и между ними имелась углистая прослойка толщиной до 7 см. Общая толщина каменной кладки и углистого слоя составляла 14—15 см. В самом очаге находок не было, но они встречались вокруг и в перекрывающем его слое.

В раскопе Д, на границе квадратов 13 и 17, встретился еще один очаг — № 4, сложенный из 20 окатанных валунов овальной формы. Размеры его 60×90 см. Под камнями обнаружен слой углей толщиной до 5 см. Очаг расположен на дне культурного слоя и слегка углублен в подстилающий. В 50 см к северу от него лежал небольшой одиночный камень.

Очаги № 5 и № 6 расчищены в раскопе Г. Очаг № 5 находился в кв. 1 сразу под дерновым слоем. Он имел приближающуюся к треугольнику форму и был сложен из 38 камней. В нижней части очага, под камнями, образовался слой угля толщиной 8—9 см. Угли хорошей сохранности, уцелел даже кусок довольно толстого обуглившегося дерева.

В 8 м восточнее, на дне кв. 13, находился очаг № 6. Форма его удлиненная, камни неплотно прилегали друг к другу; между ними прослеживалась углистая прослойка значительной толщины.

Поскольку на территории стоянки камни встречаются довольно редко, с уверенностью можно говорить, что все очажные кладки искусственные, а камни для них принесены со стороны. Стратиграфическое положение очагов в слое свидетельствует о их разновременности. Следует оговориться, что часть этих очагов могла быть скоплениями обожженного камня — дресвяника, почему-то оставленного на месте обжига и неиспользованного. Видимо, не случайно у некоторых из них угли находятся под кладкой, а нижняя часть камней порой обожжена. Смущает и хорошая сохранность угля, что может указывать на поздний возраст некоторых из отмеченных очагов. Ведь небольшие следы перекопов и перемещений почвы в пределах культурного слоя могли стать совершенно незаметными. Снять эти сомнения или утвердиться в них поможет анализ угля по методу C^{14}.

При раскопках стоянки время от времени встречались угольки и их скопления — следы кратковременных кострищ. Так, углистые пятна были обнаружены в раскопе Б (в северо-западной части кв. 7). В соседнем раскопе В (тоже в кв. 7), преимущественно в центре его, найдено много камней. Вероятно, они попали сюда из близлежащего, но не вошедшего в раскоп очага. Но ярких зольно-углистых пятен за пределами очагов обнаружено не было.

В западном углу кв. 7, между скалой и слоем песка, на глубине 40 см от дневной поверхности земли обнаружена пленка темной растительной массы — древний дерновый покров либо остатки корневой системы современной растительности.

Ямы, углубления и западания. Помимо очагов при раскопках стоянки премущественно в раскопах Б, Г и Д выявлено около 20 обычно овальных углублений диаметром от 20 до 80 см, заходящих в подстилающий слой на 10—30 см. Заполнены они были, как правило, культурным слоем, но почти не содержали находок. Часто к углублениям примыкали

небольшие выступы подстилающего слоя — чистого желтого песка, по-видимому выброшенного при рытье ям. Они представляют собой небольшие холмики вытянутой формы, высотой 10—15 см, диаметром до 120 см, числом около 10 (включая выход глинистого песка). Порой встречались линзы плотного ожелезненного песка.

Особого внимания заслуживают две ямы значительных размеров. Одна обнаружена в раскопе Б, в юго-западном углу кв. 12 (частично захватывала три соседних квадрата). Она имела форму неправильного овала, вытянутого с юго-востока на северо-запад. Размеры ее 180×80 см, максимальная глубина (от дневной поверхности земли) 86 см. В подстилающий слой яма заходила примерно на 40 см. Сверху она была заполнена темно-красным песком — обычным для раскопа культурным слоем, под которым распространялся грязно-желтый гумусированный песок с вкраплениями углей. По-видимому, это была яма хозяйственного назначения. С юго-запада к ней примыкал наброс чистого песка, возвышавшийся на 30 см над ровным дном раскопа. По краю наброса и поверх него лежали одиночные камни, сложенные как будто в определенном порядке.

Другая яма расчищена в том же раскопе Б, в квадратах 13 и 14. Она имела вытянутую на юго-восток форму, округлую на одном конце и сильно сужающуюся на другом. Длина ее 210 см, ширина от 60 до 120 см, а глубина 50—60 см. Яма была заполнена ярко-красным песком, а к краю ее примыкали выступы желтого песка.

Много углублений и выходов подстилающего песка оказалось также в юго-западном углу раскопа Б. Здесь же расчищена небольшая груда светло-зеленой глины. В раскопе Д зафиксировано несколько углублений небольших размеров, расположенных полукругом на территории смежных квадратов 8, 9 и 12.

В расположении ям и углублений не улавливается системы. Навряд ли они были связаны с какими-либо строительными конструкциями. Характер заполнения их свидетельствует, что скорее они представляли собой ямы-хранилища и места выборки песка для хозяйственных нужд проживавшей здесь родовой общины.

В результате многолетнего исследования стоянки, особенно при раскопках 1963 г., был собран значительный вещественный материал, насчитывающий около 7000 предметов. Распределение по раскопам отражено в табл. 2, 3. Поскольку находки в них по составу однотипны, мы ограничимся их общей характеристикой. Но проследить распространение материала (прежде всего керамического) по раскопам все же необходимо главным образом для решения вопроса о том, имеем ли мы здесь одно поселение или несколько наслоившихся друг на друга разновременных стоянок.

Керамика типа Сперрингс встречалась во всех раскопах, за исключением шурфа Е, и повсюду вместе с ямочно-гребенчатой посудой, но больше всего ее оказалось в раскопе Б. Стратиграфическим способом расчленить их было невозможно. Промежуточные участки между раскопами остались неисследованными, и поэтому исчерпывающее представление о распространении керамики Сперрингс на стоянке получить трудно. Но создается впечатление, что она находилась в границах залегания ямочно-гребенчатой керамики и нигде не выходила за ее пределы. Почти то же самое можно сказать и о распространении гребенчатой посуды. Довольно равномерно залегал по раскопам и каменный инвентарь, как сланцевый, так и кремневый. Бросается в глаза лишь обилие осколков и отщепов кварца в раскопе Б, содержавшем более половины всех черепков Сперрингс. Это, видимо, не случайно: кварц широко использовался населением культуры Сперрингс.

Каменный инвентарь. По характеру материала весь инвентарь подразделяется нами на сланцевый (куда мы включаем также изделия из песчаника, роговика, шифера и других пород), кварцевый и кремневый.

По назначению же орудия расчленяются на следующие основные группы.

1. Орудия для обработки камня и отчасти кости: шлифовальные плиты и бруски, отбойники, пилы, ретушеры и др., а также отходы производства (нуклеусы, заготовки). Они преимущественно из сланца, песчаника, кварцита и гораздо реже из кварца.

2. Орудия для обработки дерева, кости и кожи: топоры, долота, тесла, стамески, ножи и ножевидные пластины, скребки, скобели и др. Среди них значительный процент составляют орудия домашнего обихода.

3. Орудия охоты и рыболовства: наконечники стрел, копий и дротиков, рыболовные крючки, грузила.

4. Украшения и предметы культа.

Среди орудий, предназначенных для обработки камня, преобладают обломки шлифовальных плит (38 экз.). Размеры их колеблются от 23 × 17 до 3.5 × 2 см, толщина от 0.7 до 4 см. Большинство изготовлено из плитчатого песчаника, примерно четвертая часть из кварцита и единичные образцы из гранита и сланца (рис. 3). Нередко использовались обе плоскости (двусторонние плиты), а иногда и узкие боковые грани. Рабочая поверхность чаще всего плоская, горизонтальная, иногда плавно сработана от краев к центру; у отдельных экземпляров наблюдается слабая вогнутость по окружности или вдоль оси (при нетронутом крае).

Лучшим и самым большим по площади абразивом является обломанная по всему краю двусторонняя кварцитовая плита, слегка сточенная к центру, толщиной от 1.4 до 0.7 см. Другой, более мелкий обломок кварцитовой же, но односторонней плиты имеет легкую вогнутость рабочей части по окружности; у него использовались и две противолежащие боковые грани. Третий обломок шлифовальной плиты из кварцита (10 × 12.8 см) имеет два продольных, довольно широких и глубоких желобка, идущих рядом параллельно друг другу.

Несколько абразивов отличается значительной толщиной: кусок шлифовальной плиты из гранита (12.5 × 7 × 4 см); обломок двусторонней кварцитовой плиты треугольной формы (толщ. 2 см); второй обломок тоже двусторонней плиты из кварцита (8.2 × 4.5 × 1.6 см), как будто оббитый и окатанный по краям.

Выделяется и около десятка тонких (0.5—1 см) шлифовальных плиток из песчаника, кварцита, сланца. В числе их имеются и двусторонние: у одной использовалась также узкая боковая грань; у другой — почти прямоугольной формы, но со слегка скошенной боковой стороной (6.5 × 5 × 0.6 см) — обе боковые грани; кроме того, на одной прослеживается желобок — след затачивания тонких, видимо, костяных орудий.

Целых абразивов совсем немного: это шлифовальная плита на вытянутой, почти прямоугольной плитке песчаника длиной 15 см, толщиной 2.6 см; плоская, близкая по форме плитка с овальным выступом по одной стороне, со скошенными (со стороны рабочей поверхности) боковыми гранями, одна из которых пришлифована (10.5 × 8.5 × 1.2 см); двусторонняя шлифовальная плитка, вероятно сланцевая (9.5×8.8×0.5 см), со слегка пришлифованными боковыми краями, на одной стороне которой выделяются два продольных, довольно широких, но слабых желобка с едва выступающим ребром между ними.

В качестве двусторонних абразивов как будто применялись две уплощенные гальки дресвяника: одна подтреугольной формы с закруглен-

ными углами, толщиной 1.8 см, другая округлая, диаметром 7 см, толщиной 2.2 см (у нее использовался и боковой край).

На трех обломках шлифовальных плит по одной либо по двум противоположным сторонам прослеживаются небольшие выемки, проделанные путем двустороннего пробивания края для удобства привязывания их. Один экземпляр очень небольшой, два других (12 × 7.5 × 3.1 см и 7.5 × 7.5 × 1.1 × 1.4 см) имеют довольно четкую прямоугольную форму. У сломанной пополам сланцевой округлой плитки диаметром 8.5 см отверстие проделано в центре; диаметр его 1.4 см. След только что начатого пробиванием отверстия имеется на краю обломка почти квадратного бруска из песчаника с тремя рабочими сторонами. Размеры его 6.4 × 5.6 × 1 см. Вероятно, все они использовались уже вторично в качестве грузил для сетей либо же предназначались для подвешивания и служили составной частью экипировки первобытного охотника, постоянно нуждавшегося в хороших абразивных инструментах.

Шлифовальные и точильные бруски обычно небольшие, вытянутой формы, прямоугольные или квадратные в поперечном сечении. Почти все имеют две-три, а то и четыре рабочие грани. Изготовлялись из тех же пород, что и шлифовальные плиты, и тоже представлены в основном обломками. Длина их от 3 до 7.5 см. Встречаются уплощенные брусочки (0.6—0.7 см). У одного (3.6 × 2.8 × 0.6 см), с четырьмя рабочими гранями, тоже сохранился глубокий след от затачивания тонких предметов (игл?). Поверхность брусков нередко сильно сработана; в одном случае желобчатая. Встретилось несколько миниатюрных брусочков, ширина рабочей поверхности которых всего 0.8 см.

Для работы по камню использовались и пилы, о чем свидетельствует надпил на сланцевом долотце. Сами пилы, судя по уцелевшим обломкам длиной 5.5—6.5 см, изготовлялись из тонких (0.4—0.6 см) кварцитовых и песчаниковых плиток, имели остроугольный или округлый рабочий край со следами использования (не всегда заметными) в виде продольных параллельных штрихов по обеим сторонам симметричного лезвия. Форма пил либо подтреугольная, либо удлиненная, почти прямоугольная, чаще всего соответствующая естественной форме плиток-заготовок.

Имеется песчаниковая плитка с четко выделенным с обеих сторон очень коротким лезвием, которое чуть тоньше остальной части, обломок пилы из песчаника (6 × 3.3 см) с односторонней заточкой лезвия (одна боковая сторона, за исключением лезвия, у нее вообще не обработана). За пилу можно принять и обломок очень тонкой кварцитовой плитки (6.7 × 3.5 × 0.4 см), тщательно зашлифованной по всей поверхности, и плоскую шлифовальную плитку, сужающуюся к одному краю (от 0.5 до 1 см). Правда, во втором случае смущает значительная толщина уплощенного рабочего края.

Характеристику второй группы орудий, предназначенных для обработки дерева, кости и кожи, а также и для других хозяйственных надобностей, целесообразно начать с рассмотрения рубящих орудий, из которых наиболее интересно крупное тесло (20 × 4.5 × 3.5 см), изготовленное из зеленого сланца высокого качества. В сечении оно имеет прямоугольную форму; все четыре грани тщательно зашлифованы. Край лезвия прямой, с асимметричной заточкой и хорошо заметными следами работы. Второе рабочее лезвие находилось на тыльной части орудия. Оно более узкое, с меньшей асимметричностью заточки лезвия. Орудие так тщательно обработано, что к нему невольно хочется применить термин «полированное».[12]

---

[12] С. А. Семенов отрицает полирование как технический прием при изготовлении каменных орудий (см.: С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957,

Обращает на себя внимание и желобчатое долото, овальное в сечении, с сильно шероховатой, разрушившейся поверхностью, почти не сохранившей следов шлифования. Желобок выражен довольно отчетливо. Размеры орудия 20 × 4.5 × 3.5 см.

А. Я. Брюсов считал желобчатые долота датирующими орудиями и относил их к концу III тыс. до н. э.[13] Теперь выяснилось, что они появились значительно раньше, еще в мезолите, и исчезают много позднее, в эпоху раннего металла. Второе сланцевое шлифованное долото имеет прямое лезвие и небольшие размеры. У стамески из зеленого сланца два рабочих конца; на одном лезвие слегка скошено, заточено почти симметрично, на другом оно более узкое, желобчатое.

Заслуживает внимания сланцевое долото (5.7 × 2 × 2 см) с надпилом по одной боковой стороне (как бы двугранной, с продольным ребром). Противоположный край обработан крупными сколами. Лезвие орудия узкое, асимметричное, тыльная часть усеченная.

Очень интересна крупная ребристая сланцевая кирка (44 × 6 см), треугольная в поперечном сечении. Нижняя часть ее (брюшко) плоская, верхняя ребристая; ребро образовано двумя сходящимися боковыми гранями. Обработана кирка сколами и как будто оббита. Один конец ее имеет заострение, образованное тремя сходящимися гранями. Другой оформлен иначе: со стороны брюшка здесь имеется естественное, лишь слегка пришлифованное закругление, а со спинки лезвие заточено нарочито круто. Получилось клиновидное, очень узкое острие.

Заканчивая описание сланцевого инвентаря, следует назвать еще несколько единичных орудий и обломков: штамп для нанесения орнамента; концевую часть уплощенного орудия, зашлифованного по всей поверхности; осколок сланца с гладкой естественной поверхностью и неровным, выкрошенным краем, возможно использовавшийся в качестве скребка; овальную гальку, как будто залощенную, диаметром 8.5 см; плоскую, почти прямоугольную пластину (9 × 4.9 × 0.7 см) с тщательно зашлифованными тремя боковыми узкими сторонами и круто заточенной четвертой, нижней, со слегка асимметричным лезвием. Ее можно принять за стамеску, у которой боковые грани использовались как абразивы.

Шаровидная кварцитовая галька диаметром 9 см со следами выкрошенности от ударов на одном конце могла служить отбойником. Еще два отбойника изготовлены из кварца (не исключено, что из кварцевых нуклеусов). Один из них представляет собой желвак диаметром 8.1 см с четырьмя неровными, сходящимися на угол гранями и уплощенной пяткой (при надобности ею могли служить и другие уплощенные грани). Острые ребра сходящихся граней местами выкрошены; они-то и служили рабочим краем. Обращает на себя внимание длинный (11 см), с массивным основанием, трехгранный в сечении кусок кварца (скребло?). Острие из роговика скорее всего служило проколкой (рис. 5, *31*).

Четко выраженных нуклеусов на стоянке не встретилось. За нуклеусы можно принять всего несколько одноплощадочных ядрищ с беспорядочными сколами, с гранями на боках — следами скалывания с них коротких пластин (точнее, пластинчатых отщепов). Один из них — роговиковый, два других — кремневые.

Небольшую, но своеобразную группу кремневых орудий образуют изделия с сильно выкрошенными краями. Они самой различной (чаще

стр. 90). Нам этот термин кажется приемлемым для характеристики тех сланцевых орудий, которые тщательно зашлифованы по всей поверхности, что вызвано не столько производственной необходимостью, сколько желанием придать им путем дополнительной отделки поверхности более четкую и выразительную форму.

[13] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 231—232, 246 и др.

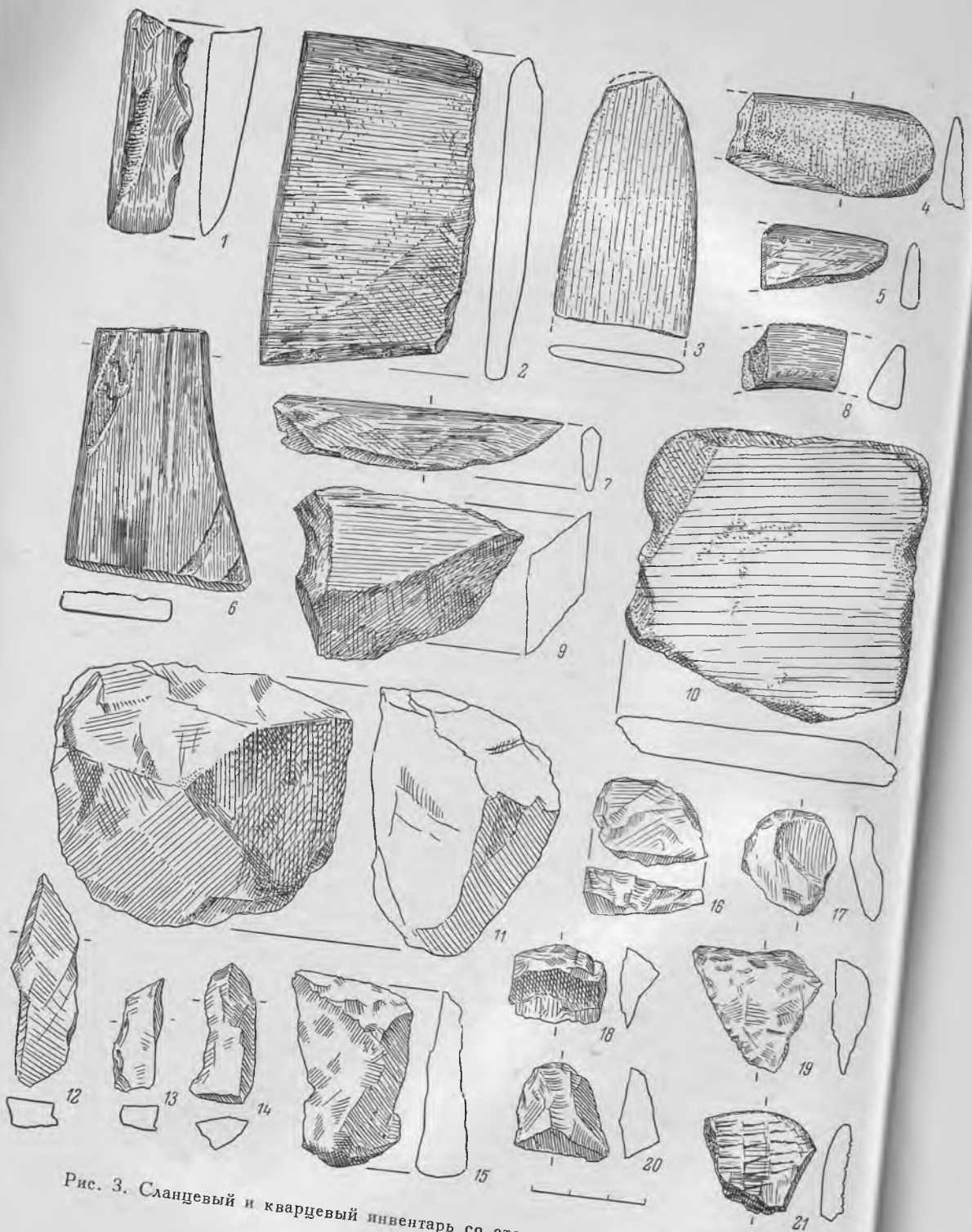

Рис. 3. Сланцевый и кварцевый инвентарь со стоянки Ерпин Пудас (*1—21*).

всего аморфной) формы, обычно со многими очень нечеткими гранями. Пока, до специального изучения трассологическим методом, эти орудия условно можно относить к ретушерам. Один такой ретушер имеет вид трехгранной пирамиды высотой 3 см с уплощенным основанием подтреугольной формы; все три ребра на стыке граней острые, но сильно выкрошены. У другого, удлиненной формы (6.3 × 2.8 × 1.6 см), выкрошенность прослеживается по двум краям вдоль уплощенного брюшка, а в одном месте (на протяжении 1 см) она особенно сильная, двусторонняя. Выкрошен край и у небольшого ядрища с естественной патинированной площадкой и узкими короткими гранями по краю. У довольно крупного скребловидного орудия, тщательно подтесанного по всей поверхности, сильно выкрошенный рабочий край углублен под массивную нависающую спинку; боковой край его, оформленный обычной крутой ретушью, мог использоваться как скребло (рис. 4, *1*).

Преобладают на стоянке скребущие и режущие орудия: скребки, скобели, ножи и ножевидные пластины, резцы и осколки с ретушью. В основном они изготовлены из кремня, реже из кварца.

В кварцевом инвентаре режущие и скребущие инструменты немногочисленны и невыразительны. Преобладают скребки, среди которых лишь несколько экземпляров имеет более или менее четкую форму: округлую, подчетырехугольную, треугольную.

Обращают на себя внимание обломок массивной кварцевой пластины, покрытый плоской ретушью, кварцевое короткое орудие с высокой спинкой (возможно, наконечник), осколок горного хрусталя с усеченным основанием и легкой ретушью.

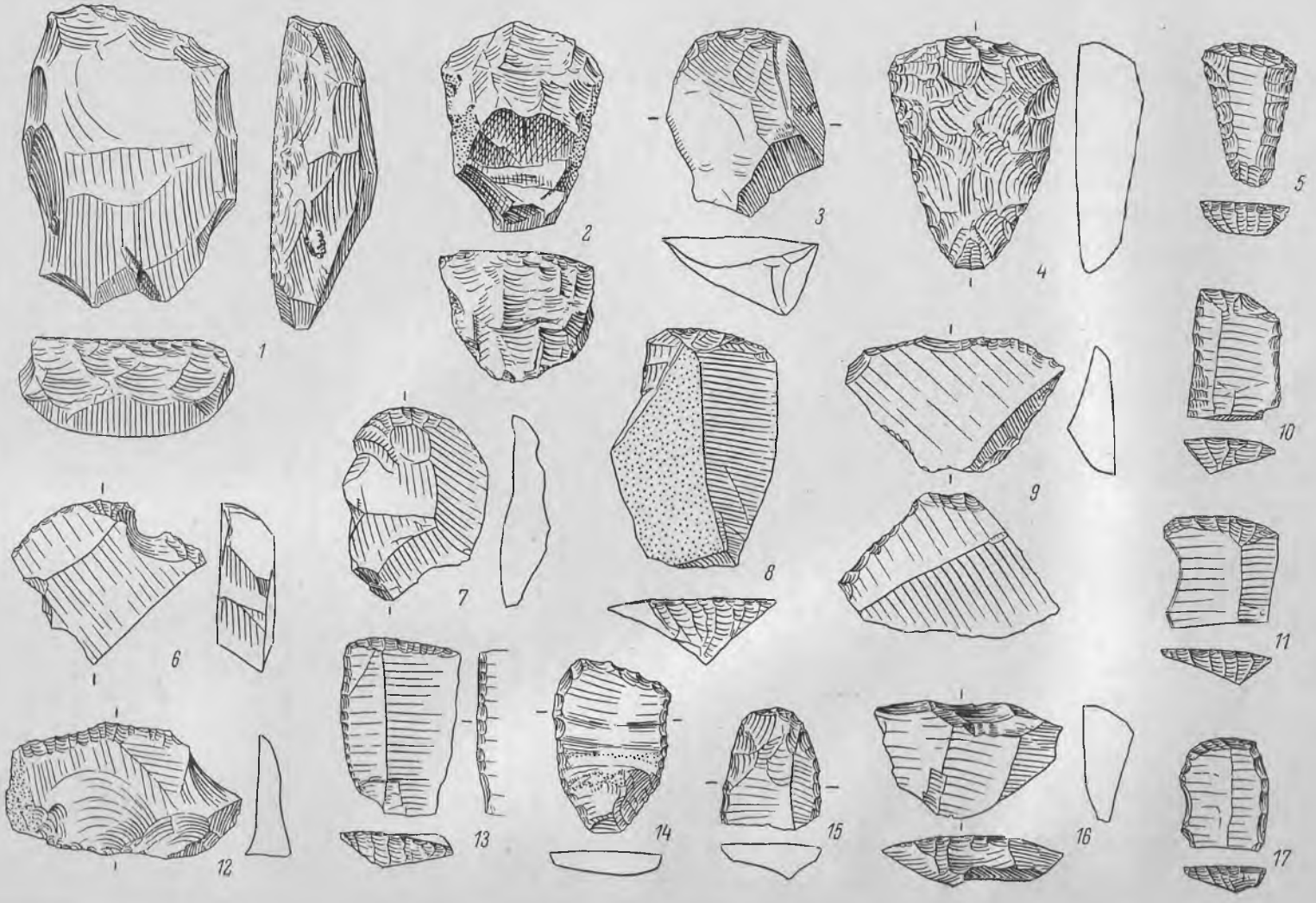
В кремневом инвентаре тоже больше всего скребков (рис. 4). Бросается в глаза их значительное разнообразие и по очертаниям, и по высоте, и по форме скребкового края, и по особенностям обработки. Изготовлены скребки из отщепов и случайных осколков, чем преимущественно и обусловлено разнообразие их форм.

Около 20 экз. можно отнести к типу концевых. Они прямоугольной или подтреугольной формы, с плоским брюшком, одной либо реже двумя продольными гранями на спинке. Ребро проходит или посредине, или же смещено к одному из краев, основание обычно имеет ударный бугорок; оно как бы усечено или же сужается на угол. Рабочий конец оформлен крутой ретушью; порой ретушированы также одна или обе боковые стороны (рис. 4, *8*, *11*, *13*, *18*). Длина скребков не превышает 4 см, а ширина скребкового края колеблется от 1 до 3 см. Встречаются и довольно высокие, и уплощенные экземпляры.

В особый тип выделяются скребки округлой, полукруглой и полуовальной формы, до 3 см в диаметре. Ретушь у них занимает от третьей части до всей окружности; имеются и высокие, и уплощенные экземпляры (рис. 4, *20*, *25—28*).

Следующую разновидность образуют скребки подтреугольной формы, среди которых встречаются экземпляры со скошенным лезвием. Два небольших подтреугольных скребочка имеют круговую ретушь и выделяются тщательностью обработки по всей спинке (рис. 4, *5*, *24*). У третьего экземпляра, тоже с круговой ретушью, одна боковая сторона обработана со спинки, другая — с брюшка.

Следует вычленить и экземпляры с широким скребковым краем, превышающим длину орудия. Очертания их различны; у некоторых по спинке прослеживается ребро, идущее вдоль скребкового края. Тыльная часть либо толстая, усеченная, либо остроугольная. Ретушь, как и на всех других скребках, нанесена со спинки; обычно она крутая, в одном случае занимает всю окружность (рис. 4, *12*, *35*, *39*).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

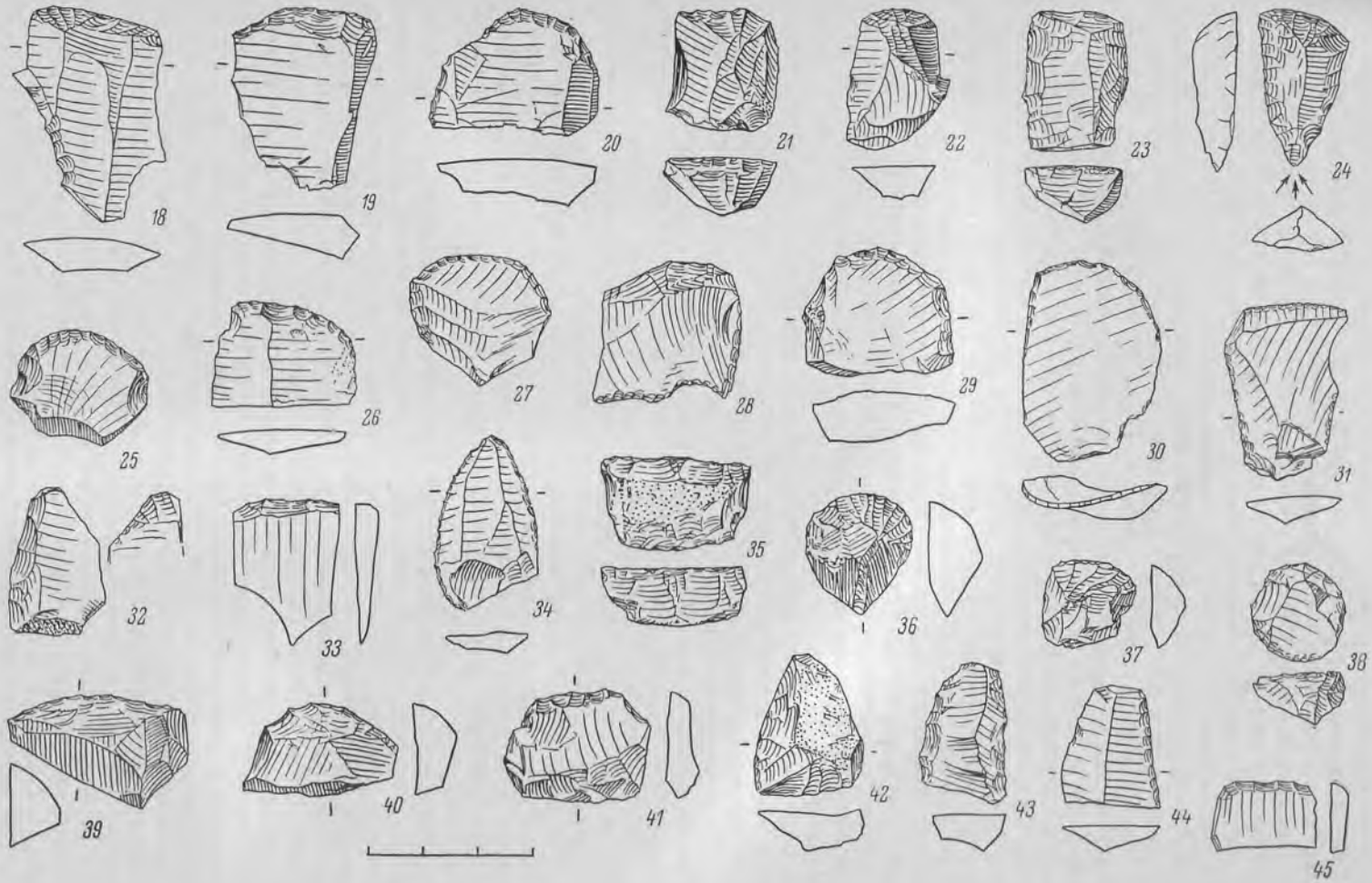

Рис. 4. Кремневый инвентарь со стоянки Ерпин Пудас (*1—45*).

Довольно большую самостоятельную группу представляют миниатюрные скребочки диаметром менее 2 см (рис. 4, *36*, *38*). Они разной формы и высоты, порой с тщательной обработкой. Оставшиеся экземпляры относятся к числу атипичных.

Среди кремневых орудий также встречаются комбинированные, совмещающие две-три функции (чаще всего на скребках). Появлению их во многом способствовали скребки с несколькими рабочими краями, где мы сталкиваемся по существу с той же попыткой рационального использования привозного кремня. Среди этих универсальных орудий домашнего обихода можно отметить скребки и скобели, на которых имеются и прямой, и вогнутый рабочие края (рис. 4, *6*, *11*, *28*, *31*). Примером может служить короткий, почти треугольный в сечении скребок с двумя рабочими концами; нижний (тыльный) конец у него прямой, оформлен крутой ретушью, верхний, слегка выпуклый, разделен слабым выступом на две равные части — левую, почти прямую, и правую, слегка вогнутую (скобель). Скобелями служили, видимо, и глубокая полукруглая выемка на скребке, усеченном с двух других сторон и отретушированном на конце, выемка на ретушированном осколке подпрямоугольной формы с косо усеченным основанием, а также углубления перед брюшком полукруглого высокого скребка с прямо усеченным основанием. В качестве скобелей использовалось и около десятка скребков, ретушированных осколков и отщепов с неровным рабочим краем, имеющим и выступы, и углубления.

Еще шире скребки и отщепы с ретушью могли использоваться в качестве резчиков, поскольку многие из них на стыке двух сторон имеют заострения, нередко подправленные ретушью.

На некоторых скребках рабочий край сильно выкрошен. Так, у небольшого скребочка полуовальной формы диаметром 2 см сильная выкрошенность наблюдается посредине выпуклого скребкового края. У другого, высокого (2.7 см), со сколотой в сторону тыльной части спинкой, слегка выкрошен и верхний край скола. Все это — следы использования скребков в других целях, возможно в качестве ретушеров.

Крупных скребков, иначе скребел, всего два. Одно мы уже упоминали, другое имеет подчетырехугольную форму. Оно изготовлено из крупного отщепа с ретушью по высокому и крутому краю; спинка орудия ребристая, служившая скобелем тыльная часть уплощена, покрыта плоской ретушью.

Изучение скребков показывает, что кремень на стоянке расходовался весьма экономно. Сырье (валунный и галечный кремень) использовалось почти полностью, без значительных отходов. В дело шел даже поверхностный слой с коркой и патиной, сохранившейся на спинке многих орудий. По той же причине очень редко встречаются кремневые нуклеусы. Последние расходовались полностью, но если даже небольшие ядрища и оставались, то использовались в качестве орудий (например, ретушеров, отбойников). Распространение орудий с несколькими скребковыми сторонами и комбинированных можно рассматривать как отражение процесса все более рационального использования привозного сырья.

Техника пластин на стоянке Ерпин Пудас не получила значительного развития. Большинство пластин не отжато, а отбито, и точнее было бы назвать их пластинчатыми отщепами. Но и таких на стоянке немного; еще меньше орудий, изготовленных из пластин. Как правило, пластины массивные, неправильной формы, с неровными боковыми краями (рис. 5, *1*, *2*).

Три пластины необычайно широкие (8.2 × 4.9; 7 × 6 и 7.6 × 4.2 см), уплощенные, со слабо выступающим ударным бугорком у основания брюшка. У двух на спинках прослеживается патина; острые неровные

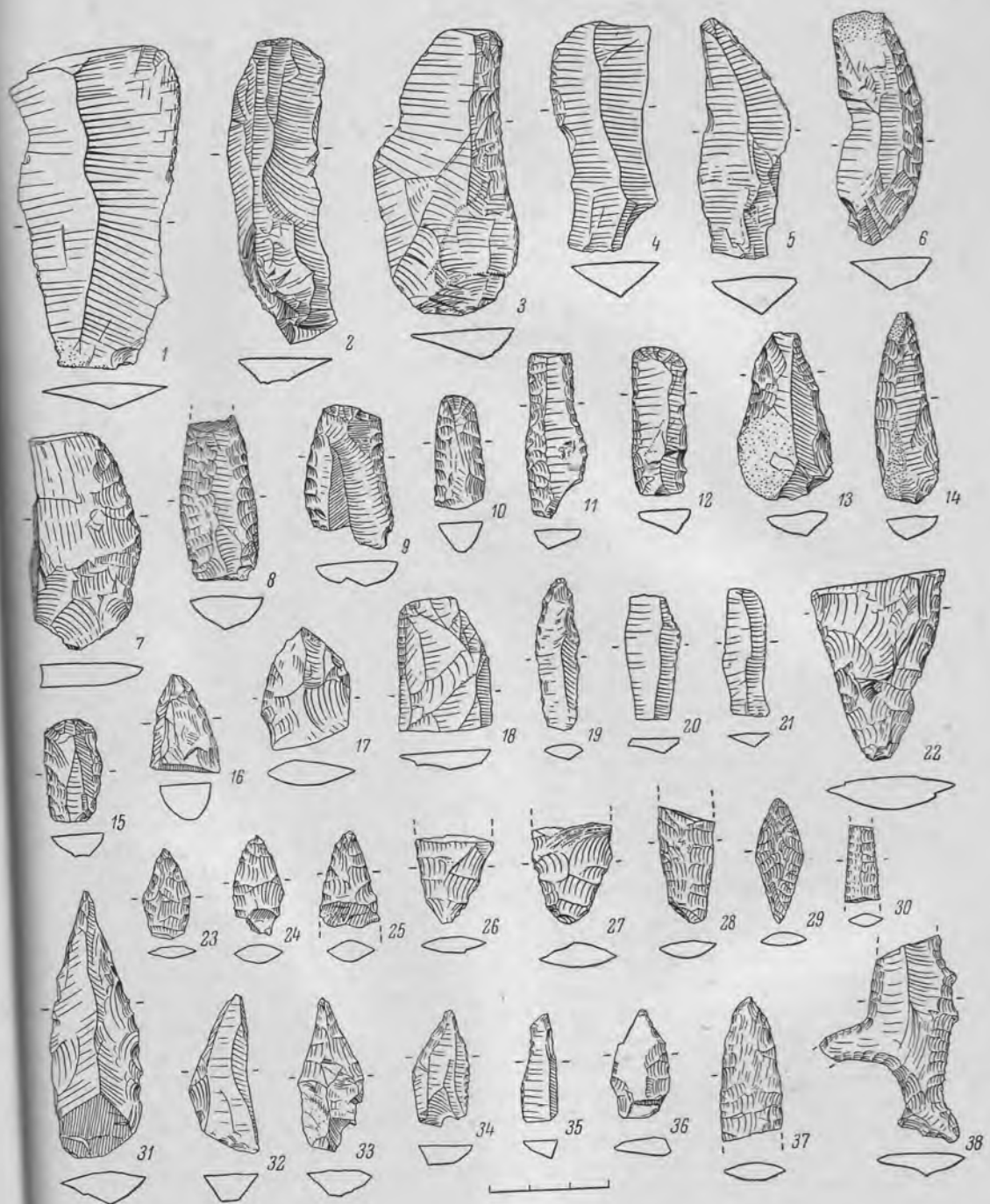

Рис. 5. Кремневый инвентарь со стоянки Ерпин Пудас (*1—38*).

боковые края кое-где подправлены мелкой ретушью. Две пластины имеют трапециевидное сечение, но у одной (5.5 × 2.4 см) широкая, у другой (7.5 × 2 см) узкая спинка. Последняя сильно изогнута у основания, имеет ретушь по обеим сторонам.

Большинство же пластин обломано с одного или обоих концов. Отметим обломок массивной, треугольной в сечении пластины (2.3 × 2 см) с ретушью по одной, патинированной, стороне, несколько обломков уплощенных ножевидных пластин длиной 2—3.5 см, шириной 2—2.5 см.

Пластины служили заготовками для ножей, из которых 4 отличаются особой четкостью формы и совершенством обработки. Два имеют прямоугольные очертания, сделаны из относительно толстых трапециевидных в сечении пластин с широкой спинкой, обрамленной двумя гранями. Брюшко слегка вогнуто. Самый крупный имеет размеры 8.5 × 2.5 см. У двух других, несколько меньших по величине, тоже тщательно обработанных ретушью, конец заострен.

Отметим еще несколько выразительных орудий: нож из широкой длинной пластинки (7×3.5 см), с ударным бугорком у основания (рис. 5, *3*); изогнутый нож с трапецией в сечении толщиной 0.8 см, по выпуклому краю которого тянется крутая ретушь (второй край тоже отретуширован, но слабее; рис. 5, *6*); уплощенный широкий нож, тщательно обработанный плоской ретушью по обеим сторонам и усеченный по одному боковому краю (рис. 5, 7); слегка изогнутый нож с заостренным концом длиной 4.6 см, с тщательной ретушью по обеим сторонам (но по одной она крутая, по другой более отлогая; рис. 5, *14*); обломок уплощенного ножа с заостренным концом, с крутой ретушью по обеим сторонам, и др.

Резцы и резчики имеют небольшие размеры, острие их оформлено мелкими сколами и ретушью (рис. 5, *32—35*). Одно кремневое острие с округлым основанием могло служить проколкой.

Отметим еще короткое кремневое орудие, заостренное ретушью с двух сторон (и со спинки, и с брюшка), орудие подтреугольной формы с округлым основанием и гранью вдоль спинки, с ретушью по двум сторонам, кремневое острие с ударным бугорком в основании брюшка и ретушью по обеим сторонам, отщеп с сильно выступающим бугорком и тщательной круговой ретушью со стороны брюшка.

Многочисленные осколки и отщепы кремня с ретушью имеют аморфные формы. На изготовление их не требовалось больших усилий, поскольку вся обработка сводилась к нанесению ретуши по небольшому участку края. Одно кремневое орудие можно принять за обломок сверла (рис. 5, *36*).

Орудия охоты, как это нередко бывает на неолитических стоянках Карелии, составляют небольшую по численности группу, состоящую из наконечников стрел и копий. Целых или почти целых экземпляров всего 12; преобладают очень короткие (менее 5 см). Хотя каждый имеет некоторые индивидуальные различия, их можно распределить по четырем типам: лавролистные, ромбовидные, короткие наконечники с усеченным основанием и узкие, удлиненных пропорций.

Из лавролистных (*3* экз.) один имеет усеченное основание, у другого — более узкий по сравнению с пером насад. Среди ромбовидных (4 экз.) тоже выделяется три: роговиковый наконечник с удлиненным пером (рис. 5, *29*); короткий, но широкий с усеченным основанием; короткий наконечник с более широким, чем перо, основанием. Наконечники следующего типа (*3* экз.) отличаются от предыдущих прежде всего оформлением насада: он или усечен, или имеет выемку.

Наконец, в особый тип следует выделить наконечники удлиненных пропорций, линзовидные или ромбовидные в сечении (*3* экз.). Они пред-

ставлены обломками; один из них с круто заостренным пером (рис. 5, *28*, *30*, *37*).

Обломок копья, видимо листовидной формы, использовался позднее в качестве скребка (рис. 4, *4*); в скребок был превращен и один наконечник стрелы. Листовидную форму имела крупная заготовка копья длиной 12.5 см. Найдены также две заготовки наконечников стрел, несколько обломков готовых экземпляров и обломок заготовки копья (рис. 5, *22*, *25—27*). К перечисленным орудиям необходимо добавить два наконечника неизвестной формы из находок А. Я. Брюсова. Таков кремневый инвентарь поселения.

Важно проследить и соотношение всех типов орудий по материалу. Из кремня изготовлено 271 орудие (72%), из сланца, песчаника, кварцита и роговика — 72 (20%), из кварца — 28 орудий (8%). Совершенно иные пропорции дают осколки и отщепы. На первом месте куски, осколки и отщепы кварца — 2529 экз. (почти 77% общего числа отходов); на втором — осколки и отщепы кремня — 745 экз. (почти 23%). Они разных цветов: красные, желтые, светлые, серые и т. д. Крупные куски и отщепы кремня не встречались, но мелкие чешуйки попадались довольно часто. Ничтожным количеством представлены отщепы сланца и роговика — 15 экз. (0.5% всех отщепов и осколков).

Столь любопытное соотношение отходов каменного производства свидетельствует, что самым доступным материалом для жителей поселения был местный кварц. И хотя орудий из него не так много, практическое значение кварца было весьма велико. Можно вполне согласиться с мнением Г. А. Панкрушева, что многими отщепами и осколками кварца (как и кремня) пользовались без всякой вторичной обработки ретушью.

По количеству преобладают кремневые орудия. Некоторые из них изготовлялись непосредственно на стоянке, из валунного и галечного кремня, другие попадали уже в готовом виде или в форме заготовок. Иначе трудно объяснить такое соотношение между орудиями и осколками, при котором на одно орудие приходится примерно по три отщепа и осколка. Без сомнения, кремень на стоянке использовался с большей бережливостью, чем кварц. Выбрасывались только те осколки, которые невозможно было использовать, а сломанные изделия зачастую превращались в орудия иного назначения (обломки наконечников стрел — в скребки и т. д.). Как будто дефицитным материалом для жителей поселения был и сланец.

Украшения и предметы культа представлены, как обычно на стоянках, единичными экземплярами.

Два обломка сланцевых колец и одна кремневая скульптурка, изображающая не то рыбу (семгу), не то морского зверя. Одно кольцо весьма оригинального вида. Ширина последнего 1.7 см, диаметр внутренней части около 4 см. В сечении оно имеет треугольную форму (углом внутрь). По краю всех трех углов прослеживаются очень тонкие и короткие насечки, идущие примерно через 0.2 см. Другое кольцо было высверлено из уплощенной сланцевой плитки. Ширина его 1 см, диаметр внутреннего отверстия 2.6 см.

Осенью 1968 г. Ю. Титовым на территории стоянки был подобран фигурный кремень (рис. 5, *38*). Предмет сделан из пластины серого цвета, разных оттенков на спинке и на брюшке. Морда зверя обломлена, размер сохранившейся части 3.1 × 3.2 (2.2 без плавника) × 0.6 см. Фигурка плоская; с одной стороны прослеживается слабо выступающее ребро, как бы раздваивающееся и сходящее на нет на конце, края оформлены тщательной двусторонней ретушью. Туловище зверя широкое, сужающееся к хвосту; по одному (видимо, верхнему) краю прослеживается мощный, непропорционально длинный выступ (чуть-чуть обломанный на

конце), обозначающий плавник. Он же, вероятно, служил и ручкой. Выразительно передан хвостовой плавник, расширяющийся к концу, как бы наискось усеченный, с небольшим выступом посредине. Коллекция мелкой кремневой скульптуры пополнилась еще одним выразительным экземпляром.

Керамика. Особенностью керамического материала стоянки Ерпин Пудас является его разнотипность. Отчетливо выделяются три вида глиняной посуды: Сперрингс, гребенчатая и ямочно-гребенчатая.

Керамика Сперрингс представлена 226 крупными и 184 мелкими фрагментами не менее чем от 26 крупных сосудов (диам. от 36 до 58 см), остродонных и круглодонных, с прямыми стенками. Венчики их прямые, одинаковой со стенками толщины, с прямыми или слегка округлыми неорнаментированными срезами, иногда с незначительным утолщением на внутренней стороне. Толщина стенок обычно 0.8—1 см, но встречаются и толстостенные черепки (до 1.4 см). Обжиг хороший либо средний (судя по разноцветным, с серыми и темными участками изломам). Некоторые черепки сохранили следы нагара с внутренней стороны. Два фрагмента с веревочным орнаментом по внешней поверхности окрашены охрой. В качестве примеси к глиняному тесту использован песок, в некоторых случаях — толченый кварц и дресва, но в умеренных количествах. Черепки плотные, прочные, цвет большинства светло-коричневый.

Орнамент сосудов содержит все характерные элементы керамики Сперрингс: прочерченный (гладкие борозды, реже «отступающая лопаточка»), позвонковый [14] (тесьма) и веревочный (рис. 6). Но эти элементы орнамента нигде не используются в сочетании друг с другом. Больше всего черепков с прочерченным орнаментом, а сосудов (12) — с позвонковым.

Орнамент густой и покрывает всю поверхность сосудов. Правда, нередко он начинается не от самого края, и поэтому бережок остается неорнаментированным (иногда по нему тянется поясок редких ямок или одиночных оттисков позвонка) — один из характерных признаков Сперрингс. Строго выдерживается горизонтальное членение орнаментального поля. Позвонковый орнамент, как правило, распространяется горизонтальными поясами в один-два ряда с небольшими промежутками между ними и сочетается с редкими ямками. Позвонки обычно поставлены наискось, иногда они сдвоены. На сосудах с веревочным орнаментом наблюдаются частые горизонтальные линии оттисков веревочки различной четкости или же пояса из коротких (1.5 см) веревочных штампов, поставленных вертикально, с четко отпечатавшимися витками. Они следуют друг под другом, и лишь по краю их поверх оттисков веревочки тянется пояс из редких ямок. Встречается горизонтальный зигзаг.

Прочерченный орнамент, особенно из гладких линий, еще более разнообразен. В нем не раз встречается вертикальный зигзаг из довольно широких и частых прочерченных линий длиной 2.5 см (иногда эти линии длиннее). Поверх зигзага нанесены пояса редких глубоких ямок диаметром 0.6—0.8 см. Близкий им узор образуют пояса косых линий с противоположным наклоном, разделенные короткими оттисками «гладкой лопаточки» или же поясами из прямых прочерченных линий, тоже с редкими ямками поверх.

Таким образом, ощущается стремление к четкому ярусному разграничению орнаментального поля. На черепках с узором «отступающей лопаточки» наблюдаются попытки совместить горизонтальное и вертикаль-

---

[14] Ю. В. Титов экспериментально доказал, что этот самый загадочный элемент орнамента Сперрингс представляет собой оттиски рыбьих позвонков, то одинарных, то сдвоенных и даже строенных.

ное членение орнаментального поля. Здесь на одном сосуде от широкой полосы частого вертикального зигзага отходит широкая же (пять линий) горизонтальная полоса «отступающей лопаточки».

Несмотря на ограниченность элементов орнамента («гладкая» или «отступающая лопаточка», одинарный или сдвоенный позвонок, веревочка, ямки), однообразие в оформлении венчика, отчетливо прослеживается стремление сделать сосуды Сперрингс отличающимися друг от друга. Это достигается главным образом за счет оформления бережка венчика и путем вариаций названных элементов: в веревочном и прочерченном орнаменте используются линии разной длины, в позвонковом — сдвоенные позвонки и их торцевая сторона. Комбинируя каждый из элементов орнамента, люди достигали значительного разнообразия орнаментальных узоров.

На венчиках некоторых сосудов Сперрингс, у края, не раз встречались сквозные отверстия, предназначенные для подвешивания сосудов или же для скрепления их на месте трещин.[15] Один черепок Сперрингс сильно окатан.

Около 250 фрагментов керамики относится к типу гребенчатой посуды (рис. 7, 8). Отчетливо выделяется не менее 10 сосудов. По форме, примеси, обжигу, толщине стенок они немногим отличаются от сосудов типа Сперрингс, хотя некоторые различия, в частности в оформлении венчика, уже появляются. Встречаются толстостенные фрагменты (до 1.5 см), но, как и в Сперрингс, их мало. Преобладает средняя толщина стенок: 0.8—1 см. Обжиг хороший или средний, черепки прочные.

Орнамент густой, занимает всю внешнюю поверхность, состоит в основном из отпечатков разнообразных гребенчатых штампов, распространяющихся горизонтальными поясами. Именно господством «гребенки» в орнаменте эта керамика и отличается как от Сперрингс, так и от ямочно-гребенчатой посуды. Первая ее не знает, во второй она занимает подчиненное положение (а в самой ранней ямочной тоже отсутствует).

Благодаря разнообразию гребенчатых штампов число элементов орнамента намного возрастает (короткая и длинная, глубокая и поверхностная «гребенка» с прямой или косой насечкой и т. д.), постепенно более сложным и нарядным становится орнаментальный узор. Это достигается за счет возрастания роли геометрических мотивов и более органичной увязки ямок с «гребенкой», в частности и путем соединения их зубчатыми линиями.

Всего насчитывается около двух десятков разновидностей гребенчатых штампов: пятизубый гребенчатый штамп длиной 1.3 см; штамп с косой насечкой длиной 1.5 см; четкий шестизубый штамп длиной 2 см; глубокий двузубый штамп; трезубый штамп с косой насечкой; угловые

---

[15] Почти все исследователи, изучавшие первобытную керамику в разных районах лесной полосы СССР, отмечают черепки с отверстиями (обычно под венчиком или же близ трещин и изломов). Используя эти отверстия и веревочки (а в эпоху металла и металлические скобки), в древности ремонтировали сосуды. Большое количество черепков со сверлинами в керамике почти всех типов найдено Г. М. Буровым на поселениях Синдорского озера и других районов Коми АССР. В отверстиях черепков ванвиздинского времени ему неоднократно встречались кусочки веревочки (II Висский торфяник), доказывающие применение растительных материалов для ремонта посуды вплоть до I тыс. н. э. Г. М. Буровым отмечен и другой способ закрепления трещин в ванвиздинское время: треснувший черепок замазывали сырой глиной и обжигали (см.: Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967, стр. 153). Как установил А. П. Журавлев, такой прием еще раньше использовался в Карелии. На энеолитическом поселении Вигайнаволок I, под Петрозаводском, найдено несколько таких заплаток на сосудах с ямочно-гребенчатым орнаментом. На поверхности их сохранились многочисленные выступы, заполнявшие ямки сосудов. Наконец, при раскопках неоднократно встречались и склеенные черепки (стоянка Чудозеро V и др.). Для этой цели использовалась смола с какими-то примесями.

вдавления зубчатого штампа; своеобразные строенные углубления (одно округлое, два продолговатых); мелкозубые оттиски гребенки; прочерченные линии, короткие оттиски веревки, и т. д.

Количество орнаментальных узоров на гребенчатой керамике заметно возрастает: вертикальный зигзаг; волнистые зубчатые линии; широкие пересекающиеся зубчатые линии, образующие ромбы (на некоторых маленькие ямки в центре); ромб с ямкой в центре, вписанный в другой ромб (пространство между ними сплошь заполнено зубчатым орнаментом); глубокие горизонтальные прочерченные линии с редкими ямками поверх них; ряды горизонтальных зигзагов с овальными ямками в углах; мелкоямчатые вдавления; пересекающиеся гладкие линии, образующие ромбы; ямки, соединенные зубчатыми линиями, и др.

Но геометрические узоры еще не получили широкого распространения, почти не нарушают ярусного членения орнамента, хотя и значительно разнообразят его. В гребенчатой керамике стремление сделать сосуды отличающимися друг от друга путем разных комбинаций одних и тех же элементов орнамента выступает еще ощутимее, ни один сосуд полностью не копирует другой. Это разнообразие достигается, в частности, оформлением бережка венчика, по которому обычно и тянется наиболее нарядный орнаментальный пояс: два ряда довольно длинной, пересекающейся «гребенки» с противоположным наклоном, образующие мелкие ромбики; два ряда ямок, соединенных пересекающимися зубчатыми линиями, образующими ромбы, вытянутые вдоль края сосуда; поставленные на угол прямоугольники, заполненные частыми угловыми вдавлениями и разделенные линией пополам, с ямкой в углу и посредине длинной стороны. Да и неорнаментированные бережки есть не что иное, как попытка выделить край сосуда на фоне орнаментального поля. Наблюдаются более разнообразное чередование (по горизонтали) косых или же прямых оттисков «гребенки», а также разреженный орнамент со сложным гребенчатым штампом, волнистая гребенчатая линия и др.

В орнаментации гребенчатой керамики, как и в Сперрингс, ямки занимают второстепенное место, хотя, как уже отмечалось, более органично вписываются в орнамент. Иногда они тоже идут поверх оттисков основного орнамента, но чаще распространяются в один-два ряда под венчиком или же (редко) между поясами гребенчатого орнамента (рис. 8). Иногда ямки соединены между собой оттисками «гребенки», образуя ломаную линию (в одном случае с ямками в углах). Этот орнаментальный мотив получил распространение и в ямочно-гребенчатой посуде.

В керамическом материале стоянки имеется около 40 венчиков длиной от 2 до 5 см, видимо от небольших сосудов. Индивидуальные различия в них выступают весьма отчетливо уже по оформлению бережка венчика. На них можно наблюдать пояса ямок и ямчатых вдавлений, горизонтальный зигзаг с ямками в углах, волнистую веревочную линию, оттиски длинного и тонкого пересекающегося гребенчатого штампа, образующего ромбы, поясок из частых и коротких гладких вдавлений и т. д. По-видимому, эти фрагменты тоже следует отнести к гребенчатой керамике, хотя не исключено, что в будущем из их числа могут быть выделены инородные черепки более позднего времени.

Имеются два фрагмента от остродонного (воронкообразного) днища, орнаментированные горизонтальными поясами поверхностной, плохо заметной «шагающей гребенки».

Преобладает на стоянке ямочно-гребенчатая посуда.[16] Цвет черепков

---

[16] Это видно и по соотношению венчиков. В керамическом материале 1963 г. их было 187; из них 19 принадлежало Сперрингс, 24 — гребенчатой, 144 — ямочно-гребенчатой керамике.

светло-коричневый, на многих сохранились следы нагара. Один черепок, красноватого цвета (видимо, окрашенный охрой), тонкостенный, с неглубокими ямками, сильно окатан. Толщина стенок колеблется от 0.6 до 1 см; большинство черепков средней толщины (0.8—1 см). Обжиг хороший или же средний. Торцы венчиков часто толще стенок; они горизонтальные, слегка приплюснутые или же скошенные внутрь и немного выступающие над внутренней частью сосуда. Но встречались венчики одинаковой толщины со стенкой, плоским или слегка округленным срезом, похожие на венчики керамики Сперрингс.

При знакомстве с ямочно-гребенчатой посудой тоже бросается в глаза строгая ярусная зональность орнаментального поля (рис. 9). Геометрические мотивы в ней почти отсутствуют. Обычно наблюдается чередование одного, двух или более рядов ямок с поясами гребенчатых оттисков или же лапчатых вдавлений. Ямки играют если не основную, то по меньшей мере равноценную роль с неямочным орнаментом даже там, где по площади его больше.

Несколько фрагментов относится к числу ранней ямочной керамики; они тонкостенны, хорошего обжига, покрыты круглыми глубокими ямками диаметром 0.6 см, оставившими на внутренней стороне сосуда негативы — бугристую поверхность. Много черепков с неглубокими лапчатыми вдавлениями (на наш взгляд, это элемент довольно раннего орнамента). Но преобладают фрагменты более развитой посуды. По технологии она становится несколько грубее, а по орнаментации разнообразнее. В ней значительная роль принадлежит неямочному орнаменту: разнообразным гребенчатым штампам, гладким вдавлениям, веревочным оттискам и т. д. Широкое распространение получает соединение ямок гребенчатыми линиями, иногда пересекающимися. На одном сосуде мы видим длинные зубчатые линии, идущие между ямками под углом к краю сосуда.

Из керамического материала выпадает несколько черепков, в частности тонкостенные (0.6 см), хорошего обжига фрагменты со слегка приплюснутыми венчиками (с небольшим наплывом по внешней стороне у одного из них), с мелкой насечкой по краю венчика, срезы которых покрыты косой насечкой «гребенки», а орнамент стенок состоит из одного ряда ямок, иногда сквозных, иногда чередующихся с более мелкими ямками. Керамика эта настолько оригинальна, что давно уже обратила на себя внимание исследователей (рис. 10, *2, 3*). А. Я. Брюсов считал ее довольно ранней, сопутствующей ямочно-зубчатой керамике. М. Е. Фосс отнесла ее к позднему этапу каргопольской культуры.[17] Разновидность такой керамики выявлена Г. М. Буровым на поселениях Синдорского озера и выделена в особый, наиболее редкий тип I посуды раннебронзового времени (первая половина II тыс. до н. э.). Эпохой ранней бронзы он склонен датировать подобную керамику из раскопок М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова (устье р. Кинемы, Попово, Ольга, Караваиха).[18]

В последние годы в восточных районах Карелии Г. А. Панкрушевым раскапывались стоянки с такой керамикой, в частности поселения Шеттима I, Водла V, Илекса IV и др. Появление единичных черепков столь своеобразной посуды на стоянке Ерпин Пудас, усилившийся приток

---

[17] А. Я. Брюсов. Караваевская стоянка. Сборник по археологии Вологодской области, Вологда, 1961, стр. 102—103, рис. 36—37; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 46, *6*; 47, *1, 2*.

[18] Г. М. Буров. Древний Синдор, стр. 95, 170, рис. 17, *6, 7, 12, 15, 18*. Иного мнения придерживается Г. А. Панкрушев, который наиболее близкую аналогию такой посуде видит в одной из разновидностей ванвиздинской керамики, выделенной Г. М. Буровым.

кремня — все это свидетельство установления контактов с юго-восточными районами, которые постепенно расширяются и крепнут.

Тонкостенный венчик с прочерченными линиями под неорнаментированным бережком, фрагменты ромбической керамики с широким рамчатым штампом, так же как и черепок с оттисками тонкозубой «гребенки» и мелкого рамчатого штампа, являются следами очень кратковременных посещений острова в более позднее время (рис. 10).

Заканчивая краткое описание керамики, укажем еще на округлую глиняную слегка выпуклую плитку (2.8×3.1 см) с орнаментом по внутренней стороне, состоящим из трех соприкасающихся полосок тонких насечек. Цвет ее желто-серый, заметных на глаз примесей нет, на поверхности много тонких волосяных трещин (рис. *3*, *21*).

Осталось разобраться во взаимоотношении основных типов керамики — Сперрингс, гребенчатой и гребенчато-ямочной — и установить, являются ли они сосуществующими или разновременными. Как уже отмечалось, планиграфия находок не позволила выяснить этот вопрос, хотя и указала на преимущественное распространение керамики Сперрингс в раскопе Б, содержащем много кварца. Сравнение черепков разнотипных сосудов по форме (предполагаемой), обжигу, составу теста, цвету тоже не позволяет прийти к окончательным выводам, ибо по этим показателям в гребенчатой керамике и Сперрингс много сходного, встречаются даже почти идентичные черепки. Основные различия касаются оформления венчика и орнаментации сосудов. Но и здесь нащупывается ряд связующих звеньев. Прямые, одинаковой толщины со стенками венчики, имеющие плоский неорнаментированный срез и неорнаментированные бережки, характерные для Сперрингс, встречаются в гребенчатой, а изредка и в ямочно-гребенчатой посуде. Определенное сходство первых двух типов керамики улавливается и в орнаменте. Он, как правило, густой и покрывает поверхность сплошь, по принципу горизонтального членения орнаментального поля. Иногда редкие ямки идут по основному узору, еще не вписываясь в него. На сосудах обоих типов мы видим гладкие прочерченные линии, встречается вертикальный зигзаг. Наконец, отметим черепок, покрытый частыми длинными прочерченными линиями, который по всем признакам можно было бы отнести к типу Сперрингс. Но на одном краю прочерченная линия неожиданно становится зубчатой, являя собой пример редкого еще гибридного орнамента (рис. 7, *5*).

Совместное залегание керамики Сперрингс и гребенчатой на одном поселении отмечалось на многих стоянках Карелии и Финляндии.[19] В Финляндии культура гребенчатой керамики существовала в III—начале II тыс. до н. э. Финляндскими археологами разработана довольно подробная периодизация этой культуры, основанная на различиях в орнаментации глиняных сосудов и на положении памятников по отношению к уровню моря. К. Ф. Мейнандер, Э. Кивикоски и другие авторы выделяют в ее развитии три периода (которые в свою очередь делят на подпериоды).[20]

1. Ранняя гребенчатая керамика — 3000—2300 гг. до н. э. У нее грубый состав глины. Примесью служили дробленый камень, ракушки или

---

[19] Керамика Сперрингс довольно широко представлена на неолитических поселениях Карелии и Финляндии. По данным Г. А. Панкрушева, к настоящему времени известно более 130 стоянок с керамикой Сперрингс, из них 87 в Карелии. Ю. В. Титов приводит иные данные. Согласно им, известно около 150 таких поселений. Для подавляющего большинства характерны смешанные типы керамики.

[20] C. F. Meinander ja Aarni Erä-Esko. Kivikausi. Kansallismuseon opas, 1964; E. Kivikoski. Suomen Historia. I. Helsinki, 1961, s. 9.

известь. Орнамент состоит из четких линий и бороздок; позднее появляются ямки, нанесенные поверх основного орнамента. Обычными становятся отпечатки гребенчатых штампов.

2. Типичная гребенчатая керамика — 2300—2000 гг. до н. э. Орнаментальные узоры на этом этапе становятся очень разнообразными, появляются зигзагообразные линии, квадраты, ромбы, треугольники, чередующиеся с ямками. Ямки образуют ряды, порой заполняют геометрические фигуры из гребенчатых штампов. На поздних этапах узор становится менее четким, а гребенчатый орнамент реже.

3. Позднейшая гребенчатая керамика — 2000—1800 гг. до н. э. На этом этапе особенно ощутимыми становятся локальные разновидности керамики. На побережье, например, распространяется посуда типа Ускела — пористая, слабого обжига, орнаментированная разнообразными ямками без «гребенки».

Своего технического и художественного совершенства гребенчатая керамика на территории Финляндии достигает в конце III тыс., затем следует ее упадок, а позднее 1600 г. до н. э. она не встречается вовсе.

Следуя этой схеме, Сперрингс и гребенчатую посуду стоянки Ерпин Пудас следует отнести к первому периоду. Правда, она представлена не самыми ранними, но и не самыми развитыми формами.

Связана ли с этим комплексом ямочно-гребенчатая керамика, утверждать пока трудно, несмотря на то что определенное воздействие на нее со стороны Сперрингс, а тем более гребенчатой посуды прослеживается порой отчетливо. Признав их сосуществующими, мы сталкиваемся со значительными трудностями в интерпретации памятника. Ведь совсем рядом, в 300—350 м от него, расположена вторая стоянка — Лисья Гора (см. ниже, стр. 78). Она не содержит ямочной керамики. На соседних стоянках, без керамики Сперрингс, расположенных ниже над уровнем моря, имеется ранняя ямочная керамика льяловского типа, почти не представленная на стоянке Ерпин Пудас. Предположим, она могла появиться позднее Сперрингс и гребенчатой, но никак не позднее ямочно-гребенчатой керамики поселения Ерпин Пудас. Обращает на себя внимание несколько необычное сочетание развитого сланцевого инвентаря с высокой техникой обработки сланца (полное шлифование, пиление, сверление, наличие комбинированных сланцевых орудий и т. д.) и обилие кремневых орудий. Хотя такие случаи уже известны (стоянки Пески III, Оленеостровская мастерская), но их очень мало, это скорее исключения из правил. На стоянках с чистым комплексом Сперрингс очень мало наконечников стрел, встречавшихся на поселении Ерпин Пудас не раз.

Весьма заманчиво сланцевый инвентарь отнести к керамике Сперрингс и гребенчатой, а основную часть кремневого — к ямочно-гребенчатой. Нужно учесть, что остров мог стать удобным местом для поселения спустя несколько сот лет после существования первой стоянки, так как в III—II тыс. до н. э. здесь зарегистрирован неоднократный подъем воды. Что стоянка подмывалась, об этом свидетельствуют окатанные черепки. Все это доказывает перемешанность по меньшей мере двух разновременных неолитических комплексов.

Датировка. В основу датировки поселения Ерпин Пудас пока, до получения абсолютных дат по методу C^{14}, могут лечь положение его относительно уровня моря и типологический анализ находок.

Неолитический возраст стоянки (за вычетом небольшого количества поздних материалов) не может вызвать сомнений. Она расположена выше других поселений (23.5—24.5 м над ур. м.), и уже одно это подтверждает весьма раннее ее появление. Наличие в каменном инвентаре

массивных сланцевых орудий, в частности крупной ребристой кирки, свидетельствует о том же.[21]

Хронологическими признаками обладает и керамика, как будто содержащая два комплекса (исключая поздние фрагменты): Сперрингс и гребенчатая; ямочно-гребенчатая. Учитывая, что оба представлены не самыми ранними, а сравнительно развитыми формами, их можно относить соответственно к середине и второй половине III тыс. до н. э. Позднее, в эпоху бронзы и раннего металла, стоянку еще несколько раз посещали люди, но на очень короткое время. Следами этих посещений и являются полтора десятка поздних фрагментов керамики и скопление шлаков.

Неподалеку от поселения Ерпин Пудас, на правом берегу Выга, раскапывалась еще одна стоянка, на которой встречалась керамика типа Сперрингс, — Лисья Гора.

ПОСЕЛЕНИЕ ЛИСЬЯ ГОРА (ВЫГОСТРОВ II)

Стоянка находилась на правом берегу р. Выг, в 150 м от современного русла.[22] Она занимала небольшой участок узкой террасы, примыкающей к крутому склону возвышенности Лисья Гора, на окраине д. Выгостров. Раньше к месту стоянки подходил залив, впоследствии обмелевший и превратившийся в сухое болото. «Отодвинутая» на значительное расстояние от берега, стоянка оставалась малоприметной и была открыта лишь летом 1959 г. при осмотре отвалов, оставленных бульдозером. Вскоре она была уничтожена при выборке гравия, разделив участь многих древних поселений края (а затем исчезла и сама Лисья Гора).

На территории стоянки удалось провести сборы и раскопать несколько десятков квадратных метров вскрытого, но не потревоженного культурного слоя. Судя по соседним, нетронутым участкам террасы, стоянку покрывал плотный травянистый дерн толщиной 3—5 см. Под ним залегал светло-серый оподзоленный песок такой же мощности. Отчетливо прослеживался красный песок, местами принимающий малиновый оттенок, толщиной до 20 см — культурный слой. Его подстилал желтый песок с галькой, лежащий на скале.

Поселение занимало очень небольшую площадь (около 150 м^2) и скорее всего было временным стойбищем. Об этом же свидетельствует характер находок, содержащих незначительное количество керамики и отходов производства. Нужно принять во внимание и малую толщину культурного слоя, хотя бросается в глаза яркость его окраски.

Одной из причин, побудивших жителей стоянки покинуть это место, могло быть обмеление и без того мелководного заливчика, сделавшее жизнь на террасе весьма неудобной. Показательно, что все более поздние стоянки располагаются или вдоль современного берега, или же на островах, в непосредственной близости от воды.

Вещевой материал, собранный на поселении, невелик и включает 72 шифрованных предмета, из которых 64 приходится на керамику

---

[21] Правда, такие орудия, как кирки, желобчатые долота, сланцевые кольца, встречавшиеся на стоянке, еще недавно датировали концом III—началом II тыс. до н. э. (А. Я. Брюсов. Караваевская стоянка, стр. 141). Но теперь установлено, что все они появляются гораздо раньше.

[22] Высота стоянки, по данным топо-геодезических работ, 21.2—22.6 м над ур. м. Однако отметки были взяты на скале, а не на контакте с подстилающим слоем, к тому времени сильно потревоженном. Учитывая, что на пониженной части подстилающий слой был мощнее (поверхность стоянки относительно ровная), можно считать, что она не опускалась ниже 22 м, но и не поднималась выше 22.8 м над ур. м. Лисья Гора бесспорно ниже поселения Ерпин Пудас и, возможно, даже чуть ниже следующей стоянки — Порог Шойрукша.

(рис. 11). Всего же (с учетом мелких фрагментов) здесь было найдено 118 черепков; из них 101 относится к Сперрингс и 17 к типу гребенчатой посуды. Преобладают черепки небольших размеров, по которым весьма трудно судить о форме и размерах сосудов. В качестве примеси к глиняному тесту использовались дресва и песок. Обжиг средний, лишь у некоторых фрагментов хороший.

Керамика Сперрингс выделяется в основном орнаментом и оформлением венчиков. Они такой же толщины, что и стенки, с плоской или же слегка закругленной неорнаментированной торцевой частью. Таким образом, наибольший диаметр приходится на верхнюю часть сосудов. Встречались и толстостенные (1.2—1.5 см), и тонкостенные (0.7—0.8 см) черепки. Судя по орнаменту, имеются все основные разновидности Сперрингс, представленные в следующей пропорции. Из 57 поддающихся определению черепков 44 имеют позвонковый орнамент (от 10 сосудов), 8 — веревочный (от 3 сосудов) и 5 — прочерченный (от 4 сосудов). В качестве дополнительных элементов употреблялись глубокие ямки небольшого диаметра, идущие поверх основного орнамента. Особенно широко они используются на сосудах, украшенных оттисками веревочки, где образуют сплошные пояса из нескольких (до четырех) рядов. Появляются фрагменты с разреженным орнаментом; на одном из них прослеживается пояс ромбов (с ямками в углах), образованных пересекающимися линиями. Здесь уже чувствуется попытка органически увязать основные элементы орнамента Сперрингс с ямками. Известно, что ямки на керамике Сперрингс появляются довольно рано, однако заметное увеличение их роли в орнаментальном узоре следует, видимо, объяснять влиянием ранней ямочной посуды. Оригинальным кажется фрагмент, орнамент которого состоит из горизонтальных линий мелких наколов углом палочки, чередующихся с линиями же поверхностных овальных вдавлений с перегородкой. Но на большинстве сосудов Сперрингс, особенно украшенных оттисками позвонков, узор довольно простой и однообразный.

Бережки венчиков, как правило, неорнаментированы; на одном из них по нижней части, чуть выше орнаментального поля, нанесены парные ямчатые вдавления.

Значительно меньше на стоянке оказалось гребенчатой керамики (17 фрагментов; из них крупных всего 6). По составу теста, обжигу, толщине стенок, оформлению венчика она немногим отличается от Сперрингс (несколько черепков можно признать тождественными), но по орнаменту имеет с ней мало общего. В отличие от Сперрингс она украшена в основном поясами неглубоких коротких и довольно широких отпечатков гребенчатых штампов, поставленных либо прямо, либо наклонно, вплотную (или почти вплотную) друг к другу, и почти смыкающихся по вертикали. Иногда их разделяет узкая, выпуклая неорнаментированная полоска, отдаленно напоминающая валик. Выделяется венчик крупного сосуда, по неорнаментированному бережку которого тянется ряд глубоких и довольно крупных парных ямок; о нем мы упомянем в другой связи. Ямки в орнаментации керамики этого типа также играют второстепенную роль.

Кажется, нет оснований расчленять небольшой керамический материал поселения на два разновременных комплекса.

Каменный инвентарь стоянки очень небольшой и невыразительный. Он включает ножевидную пластинку, 3 кремневых скребка, 2 точильных бруска (из шифера и из песчаника) и кварцевый нуклеус.

Отходы производства каменных орудий составляют обломки и отщепы кварца (49), кремня (23) и сланца (3). Значит. на стоянке хотя и

в очень ограниченном масштабе, но занимались изготовлением орудий, в том числе кремневых.

Небольшой керамический материал, отсутствие датирующих форм в орудиях сильно затрудняют датировку стоянки. По высотным отметкам ее следует поставить сразу же за стоянкой Ерпин Пудас. На ранний возраст поселения как будто указывает и керамика Сперрингс, имеющая весьма архаичный облик. Можно думать, что стоянка возникла в середине III тыс. до н. э. и, следовательно, относится к раннему неолиту. Это одна из немногих в низовье Выга стоянок с относительно чистым, вероятно, одновременным комплексом находок.

Третья, и последняя, стоянка с керамикой Сперрингс — Порог Шойрукша в отличие от предыдущей имеет несомненно смешанный комплекс находок.

ПОСЕЛЕНИЕ ПОРОГ ШОЙРУКША

Поселение находилось на левом берегу р. Выг, напротив порога Шойрукша,[23] занимало около 400 м^2 слегка покатой береговой террасы, сложенной из глины и примыкающей к прибрежным скалам. Открыто оно в 1957 г. совершенно случайно, во время вынужденной остановки на его территории археологического отряда. Трудно было даже предполагать, что на низком, глинистом и сыром месте могло находиться древнее поселение. Раскопки стоянки велись в течение трех лет, до 1959 г., и в общей сложности составили 72 м^2. Оставшаяся часть была уничтожена строителями в 1960 г.; на ней удалось произвести лишь небольшие сборы (2 орудия, 11 крупных и 17 мелких черепков керамики, 35 осколков кварца и кремня и 2 косточки). Раскопано не более трети поселения.

Верхний слой оказался испорченным длительной вспашкой, но нижняя часть его осталась нетронутой. При раскопках выявлена следующая стратиграфия (рис. 12):

Дерн	от 5 до 10 см
Суглинок серый, потревоженный вспашкой	15—20, иногда 30—40 см
Суглинок красный, с малиновым оттенком, представляющий собой нетронутую часть культурного слоя	10—15, а в раскопе 1959 г. до 40 см
Суглинок желтый или скала — подстилающий слой	

Никаких хозяйственных сооружений, очагов, кострищ в раскопе не оказалось, но вещевой материал был значительным. Он включает довольно разнообразный каменный инвентарь — 150 предметов — и еще более разнообразную глиняную посуду — 1088 крупных (шифрованных) и 2014 мелких фрагментов.

Сланцевый инвентарь поселения представлен в основном обломками и осколками орудий (18 экз.). Среди них острообушное орудие (заготовка) размерами 7×5 см, со сбитым рабочим краем, обработанное шлифовкой только по боковым граням (рис. 13, *2*), лезвие тщательно зашлифованного по всей поверхности узколезвийного топора (рис. 13, *3*), край рубящего же, тщательно зашлифованного орудия, довольно массивного, с асимметричной заточкой лезвия (рис. 13, *15*), тыльная часть какого-то шлифованного орудия (долота?).

---

[23] Высота стоянки Порог Шойрукша над уровнем моря осталась неизвестной. По измерениям Г. А. Панкрушева она находилась в 2 м над урезом воды в реке. Учитывая это, а также расположение стоянки напротив порога, начинавшегося выше и имевшего падение воды 2.27 м, можно утверждать, что высота ее не превышала 22.5—23 м.

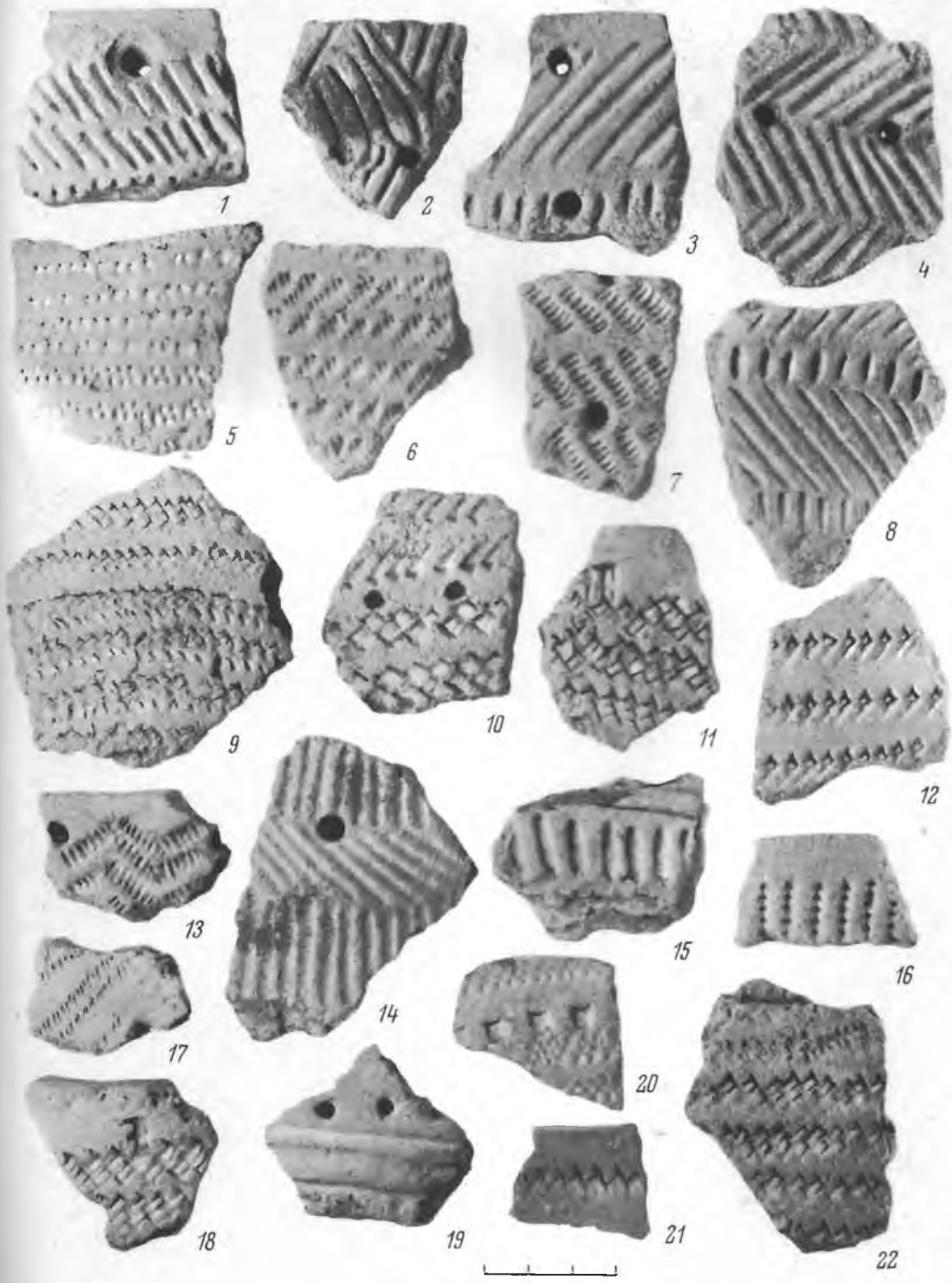

Рис. 6. Керамика Сперрингс со стоянки Ерпин Пудас (*1—22*).

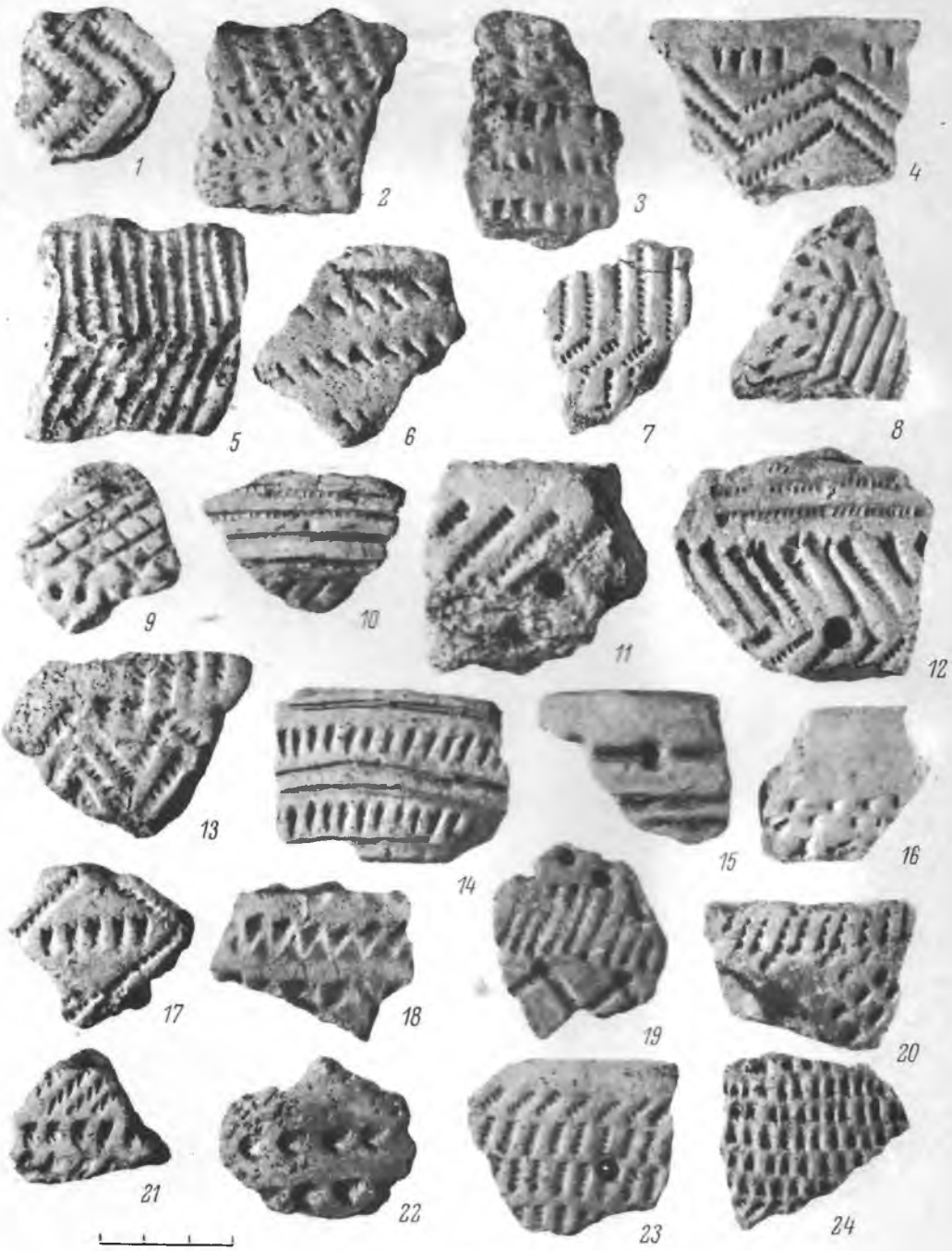

Рис. 7. Гребенчатая керамика со стоянки Ерпин Пудас (*1—24*).

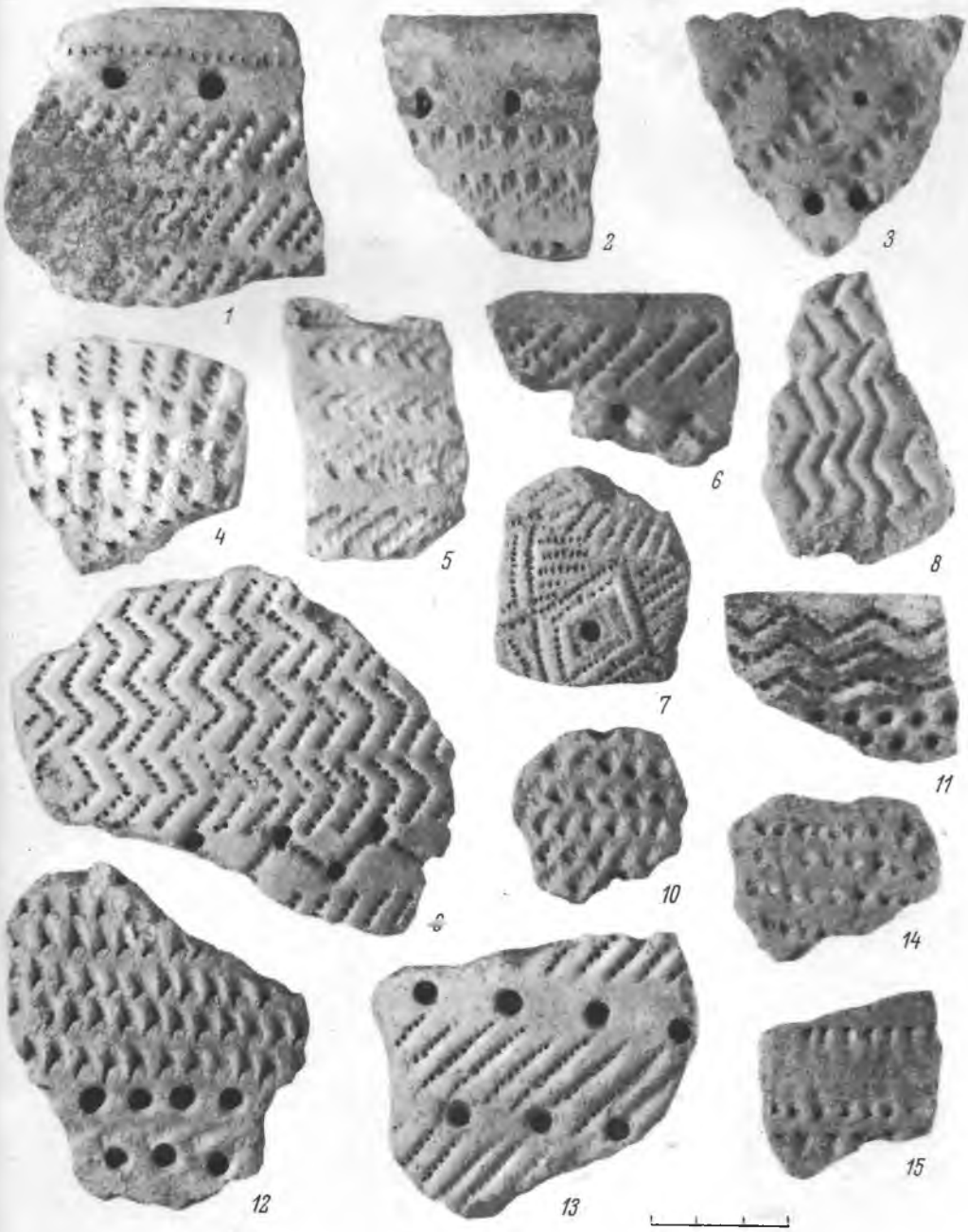

Рис. 8. Гребенчатая керамика со стоянки Ерпии Пудас (*1—15*).

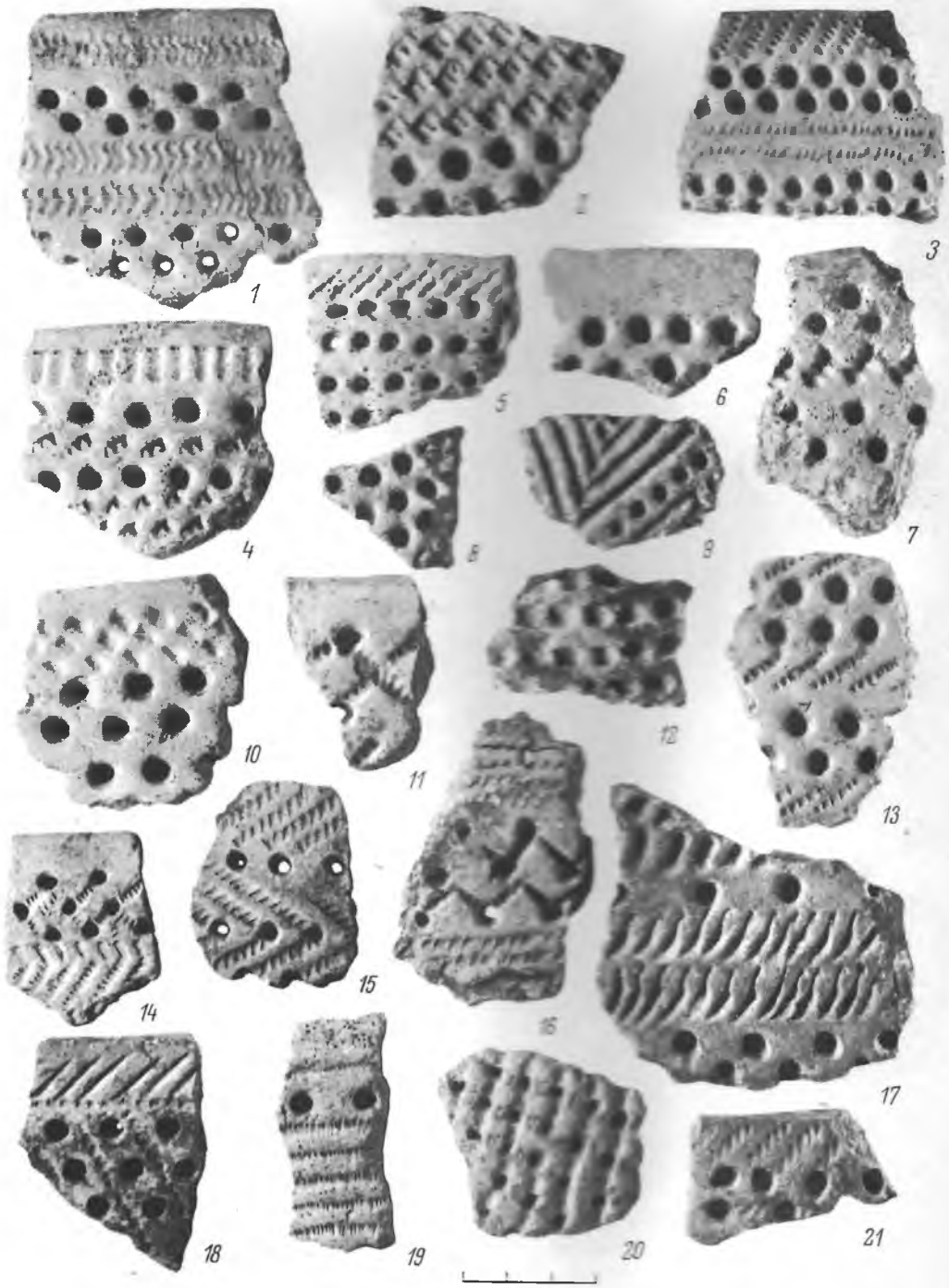

Рис. 9. Ямочно-гребенчатая керамика со стоянки Ерпин Пудас (*1—21*).

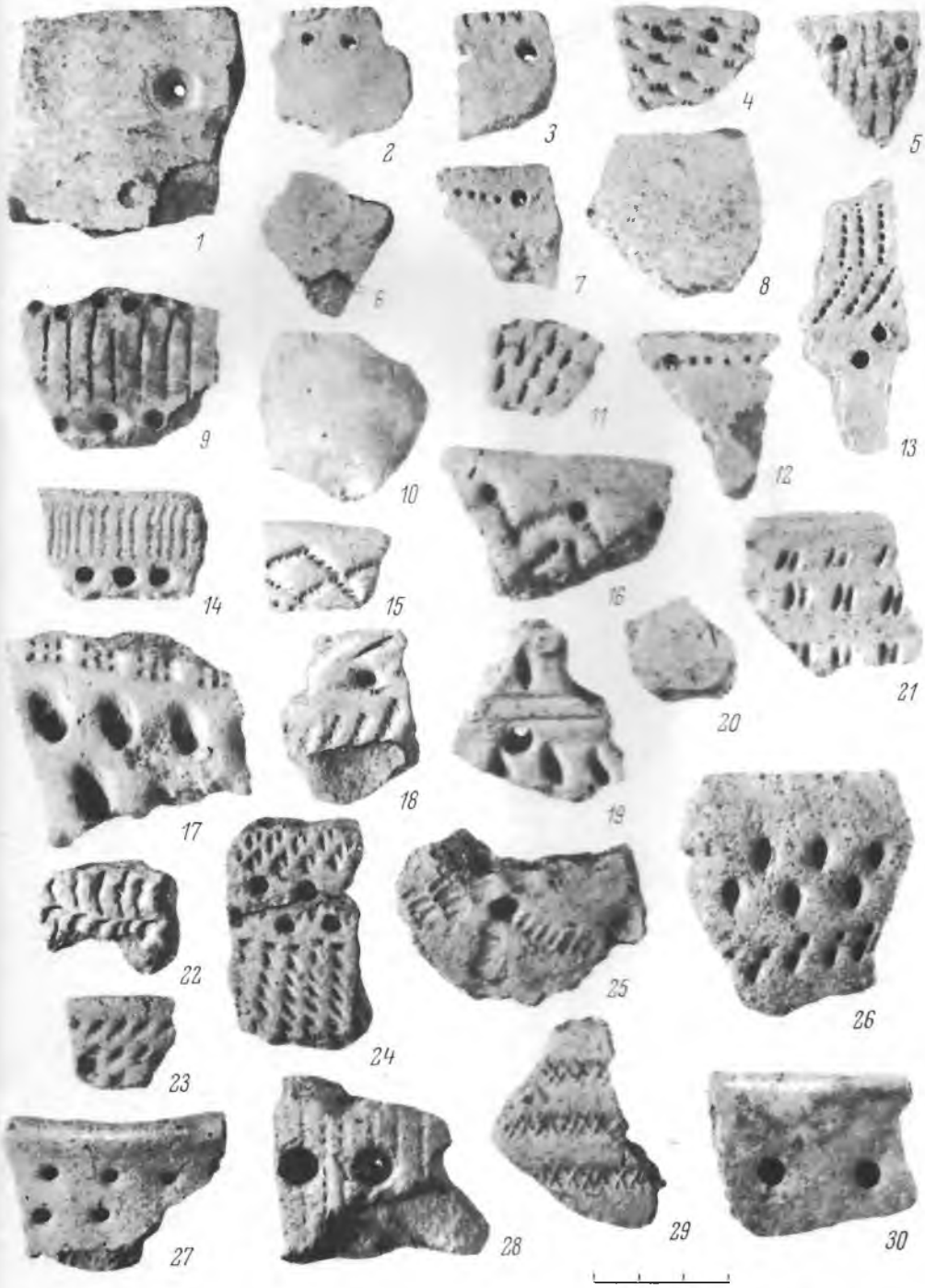

Рис. 10. Оригинальные фрагменты керамики со стоянки Ерпин Пудас (*1—30*).

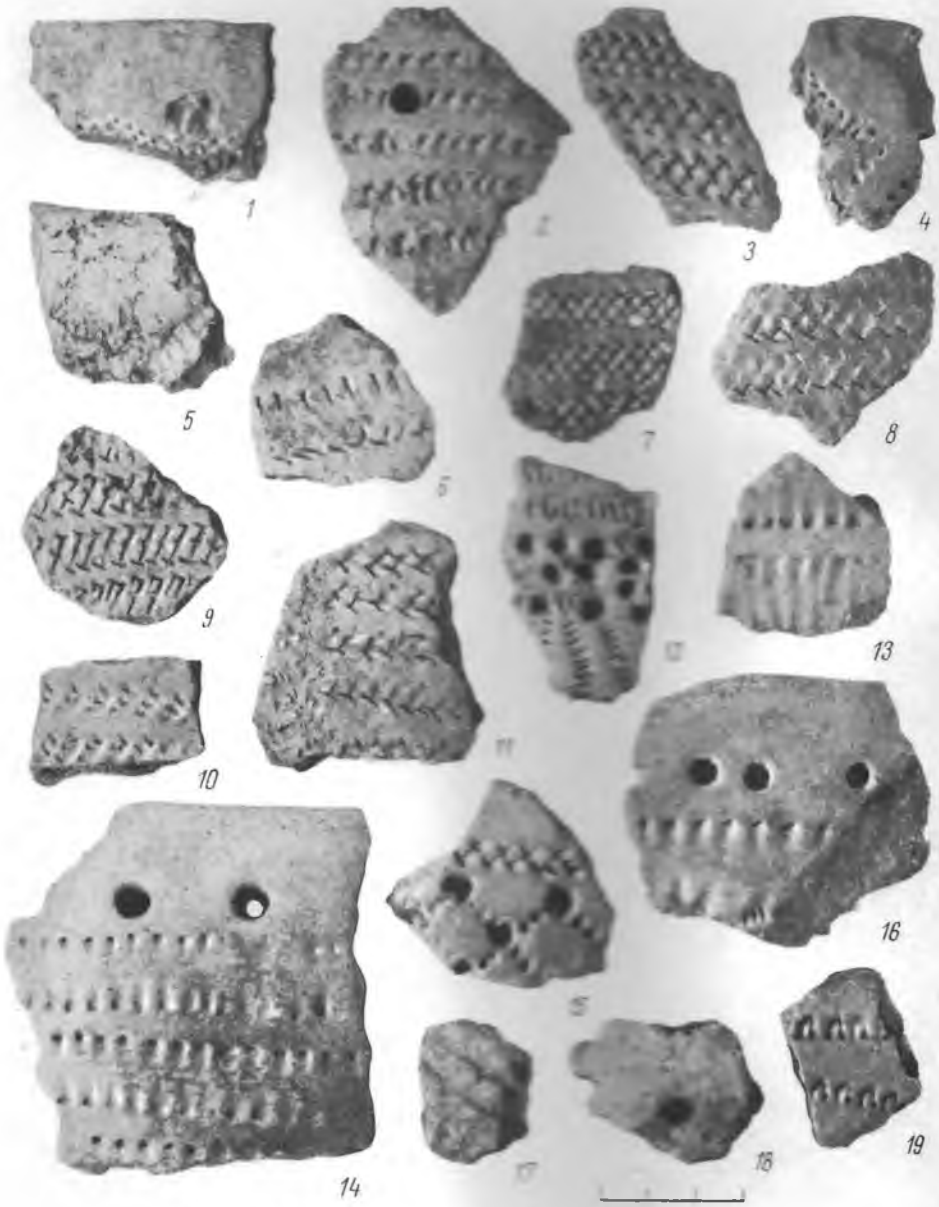

Рис. 11. Керамика со стоянки Лисья Гора (*1—19*).

Рис. 13. Сланцевый инвентарь со стоянки Порог Шойрукша (*1—15*).

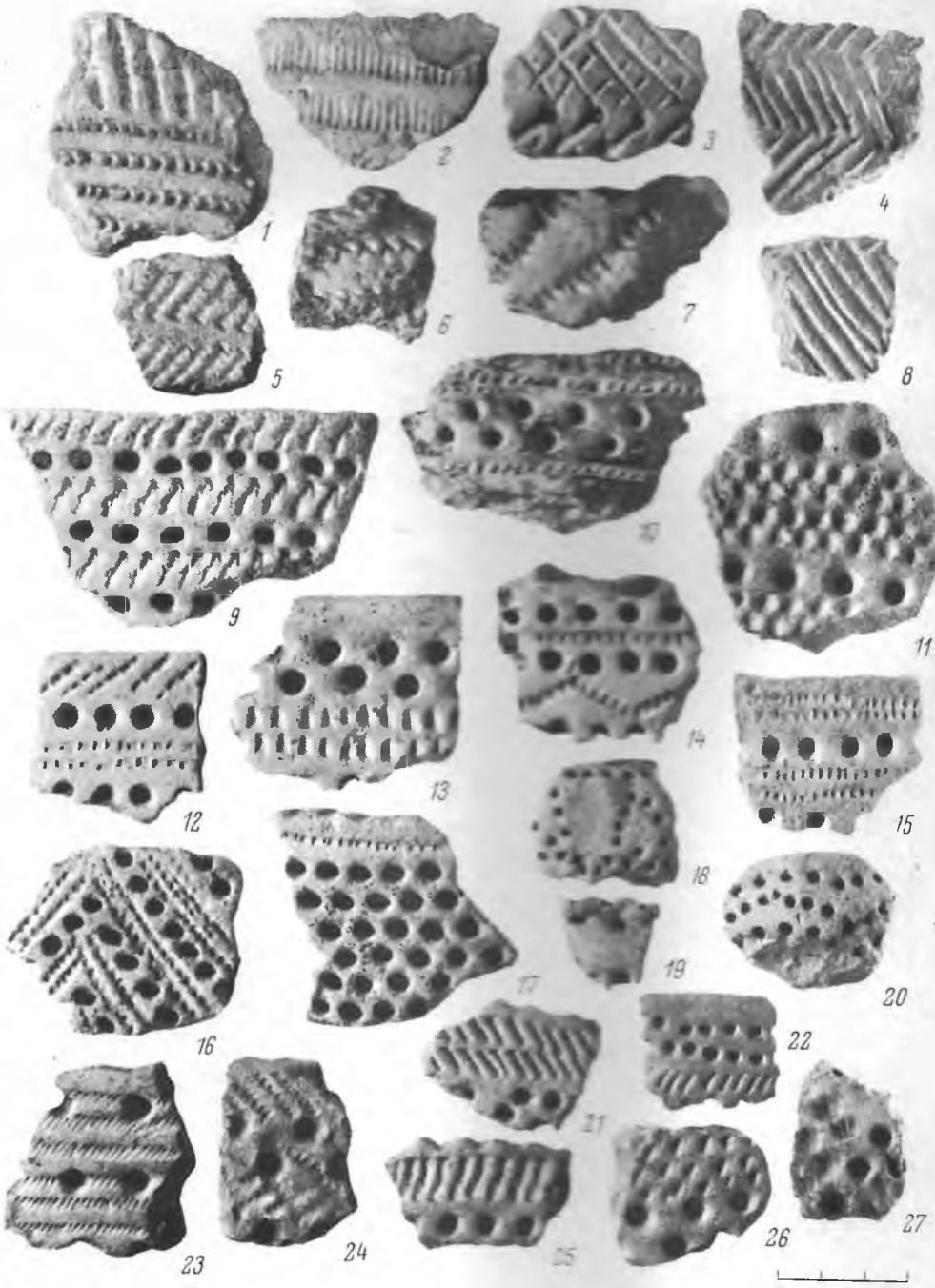

Рис. 15. Керамика Сперрингс и ямочная со стоянки Порог Шоирукша (*1—27*).

Целых экземпляров всего два: тщательно зашлифованная по всей поверхности стамеска (8.3×3.4×1.1 см) с асимметричной заточкой и крупным сколом по одной стороне и сколами по обушку (рис. 13, *8*); небольшая плоская стамесочка (4.2×2 см) с надпилом по одному краю (рис. 13, *4*). Крупными размерами (дл. 14—15 см) выделяются удлиненной формы галька с окатанной поверхностью, имеющая небольшую выкрошенность на обоих концах (пест?), и четырехгранный, сужающийся к концу брусок (заготовка?), кажется обломанный (рис. 13, *1*, 7).

Из сланцевых орудий следует назвать осколок полуовальной формы с усеченной тыльной частью и ретушью по выпуклому краю, видимо скребок (рис. 13, *14*), обломок рыболовного крючка, проколку с конусовидным заострением малого диаметра.

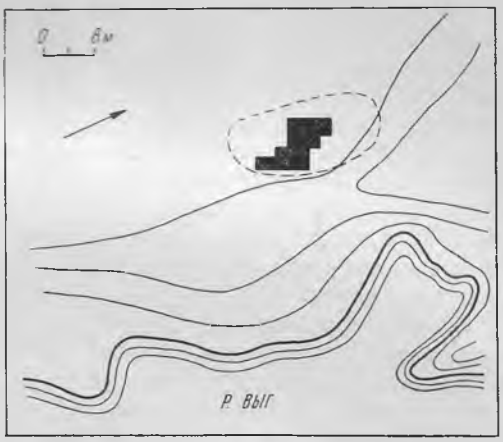

Рис. 12. План раскопа стоянки Порог Шойрукша.

Несколько больше орудий, употреблявшихся для изготовления других орудий. Прежде всего это абразивные инструменты: шлифовальные плиты (9 экз.), шлифовальные и точильные бруски (8 экз.). Почти все они представлены небольшими обломками и изготовлены из тонких плиток песчаника или кварцита. На одном обломке удлиненного бруска с треугольным сечением по одной из двух рабочих граней почти по диагонали проходит узкая неглубокая канавка, — видимо, след затачивания костяных игл.

Две довольно тонкие двусторонние шлифовальные плитки были превращены в грузила. С этой целью на них почти в центре методом двустороннего пробивания проделаны отверстия (рис. 13, *2*, *5*). У одной плитки, почти квадратной, размерами 7 × 6.2 × 1.2 см, оббитой по краям, кроме отверстия диаметром 0.5 см на боковой стороне есть небольшая выемка для более прочного привязывания. Другая плитка, с более крупным отверстием (1.5 см), имеет эллипсоидную форму. Но сохранилась только ее половина; плитка сломалась как раз по линии отверстия.

Пил немного (4 экз.); целых среди них нет. По форме они подтреугольные (высокая) или вытянутые (узкая); заточка лезвия у них — симметричная (рис. 13, *9*, *10*).

К скребущим или режущим инструментам должно быть отнесено и довольно крупное орудие из очень плоской темно-серой пластины сланца (макс. толщ. 0.9 см) размерами 8×7.3 см. Все четыре края острые, по двум (противолежащим) прослеживается отлогая двусторонняя ретушь (рис. 13, *6*).

Наконец, следует упомянуть сильно залощенную круглую гальку толщиной 1.1 см, как будто бы начатую пробиванием в центре, — видимо, попытка превратить ее в украшение (рис. 13, *11*).

Как и на стоянке Ерпин Пудас, бросается в глаза непропорционально малое количество отходов сланцевого производства — найдено всего 57 осколков и отщепов сланца и шифера. Значит, в широких масштабах сланцевые орудия на стоянке не изготавливались. Довольно многочисленные абразивы использовались преимущественно для подточки готовых сланцевых изделий и доработки заготовок. Не случайно все они небольших размеров.

По обилию осколков и отщепов кварца (1565 экз., в том числе 7 крупных) можно было бы сделать вывод о преобладании на поселении кварцевых орудий. На самом деле это не так. Орудий из кварца сравнительно немного, и все они, вероятно, местного производства. Если не считать кварцевого отбойника, в основном это мелкий инвентарь: скребки, резцы и резчики, осколки с ретушью. Поскольку изготовлены они на осколках и отщепах (лишь изредка пластинчатых), устойчивых, серийных форм в кварцевом инвентаре не наблюдается. Все же в скребках, например, можно выделить два типа. Первый — вытянутые в ширину орудия с широким скребковым краем и прямо усеченной или подтреугольной тыльной частью длиной, как правило, от 2.5 до 3.5 см (всего ок. 10 экз.). Среди них есть высокие с гранью вдоль рабочего края и тщательной ретушью. Второй тип, включающий примерно такое же количество экземпляров, — это скребки, форма которых приближается к округлой, а диаметр колеблется от 2 до 3.5 см.

Три крупных кварцевых орудия сделаны из массивных осколков кварца; длина их от 5 до 6.5 см. Одно можно принять за скребло, два — за скобели. По-видимому, к скобелям должно быть причислено и орудие подпрямоугольной формы, у которого посредине скребковой стороны имеется небольшой выступ, делящий ее на две слегка вогнутые части (скобели); небольшой остроугольный выступ находится и на противолежащей, концевой части.

Шесть кварцевых отщепов длиной от 3 до 5 см, обычно широких, треугольных в сечении, можно принять за резцы и резчики. Их острие оформлено или резцовыми сколами, или ретушью. Одно такое острие похоже на наконечник стрелы. Но надо учесть, что резчиками могли служить острые углы скребков и даже простых осколков и отщепов. Отметим еще массивный кварцевый отщеп (2.7×5 см), трапециевидный в сечении, со следами сработанности на конце.

Более разнообразным оказался кремневый инвентарь, но в нем также отсутствуют крупные формы (рис. 14). По количеству кремневые орудия преобладают, хотя отщепов и осколков не так уж много (425 экз.). Из кремня изготовлялись лишь такие орудия, как наконечники стрел, скребки, резцы и др.

Наконечников стрел всего 8 экз.; половина из них сломанные. Они сравнительно небольшие (5.6×1.9×0.5 см; 3.8×1.3×0.2 см) и относятся к разным типам. Два черешковых, но черешок лишь на одной стороне (у второго, меньшего по размерам, как будто была сделана очень слабая попытка наметить его и с другой стороны, но чуть выше). Третий, целый, экземпляр короткий и необычайно широкий (2.5×1.7 см); у него полукруглое основание и треугольной формы перо. Небольшой наконечник из роговика (дл. 2.9 см) с плоским сколом на одной стороне имеет вид вытянутого треугольника с округлым основанием. Чуть короче его целый же наконечник треугольной формы с очень широким усеченным основанием, приостренным с обеих сторон. К наконечникам (заготовкам?) относится, вероятно, и плоское подтреугольное кремневое острие с усеченным основанием и весьма грубой обработкой. По оставшимся обломкам о типе целых орудий судить трудно. Сохранился и обломок заготовки (насад) копья (3.2×3.2×0.6 см). За наконечник можно принять орудие не совсем правильной лавролистной формы с прямым основанием. Один край у него выпуклый, на другом (почти прямом) имеется неглубокая выемка, а по основанию проходит скребковый край. Скорее всего это комбинированное орудие — нож-скребок.

Почти такую же по численности группу кремневого инвентаря составляют ножевидные пластины (6 экз.) и ножи (4 экз.) разных размеров (3.4×1.9×0.4 см; 4×2.6×0.2 см; 6.2×2.1×1.3 см; 3×1.2×0.1 см, и

т. д.). Среди пластин имеются три довольно узкие (1—1.2 см), возможно сколотые с призматических нуклеусов. Одна пластинка (дл. 6.2 см) искривленная и сильно загнутая у основания, трехгранная в сечении; обломок другой (дл. 2.5 см) совсем плоский, ретушированный по обеим сторонам (но по одной — со спинки, а по другой — с брюшка); на конце третьей пластинки, длиной 3.7 см, тоже трехгранной в сечении, — скребок (заостренная тыльная часть его могла использоваться как проколка).

Остальные пластинки, широкие и массивные, скорее являются пластинчатыми отщепами. У одного экземпляра (5.9×2.3 см), серого цвета, треугольного в сечении (с ребром по спинке), ретушь нанесена на конце и по левой стороне. У двух других, более коротких (4.2—4.6 см), края еще более неровные. Но имеются и плоские образцы. Один (толщ. 0.3 см) почти прямоугольной формы (4×2.5 см), другой (обломок) с сильным расширением от основания; у обоих ретушь по двум сторонам. Большинство пластин использовалось в качестве ножей. Из собственно ножей наиболее выразителен плоский экземпляр серповидной формы (с заостренным концом), ретушированный и по верхнему, и по нижнему краю (4.1×2×0.5 см). Другой нож, из массивной пластины (дл. 6 см), имеет прямое лезвие, отретушированное со стороны спинки.

Кремневидных резцов и резчиков всего 5 экз. Они представляют собой острия, оформленные сколами, а чаще ретушью, порой комбинированные с другими орудиями. Острые углы отчетливо прослеживаются на отдельных скребках на стыке двух ретушированных сторон.

Самую большую категорию кремневых орудий и здесь составляют скребки разных типов (29 экз.).

1. Концевые скребки имеют подпрямоугольную или трапециевидную форму, одну-две грани вдоль спинки, крутую тщательную ретушь на конце, иногда ударный бугорок и усеченное основание; встречаются и короткие, и относительно длинные (до 4 см — 5 экз.).

2. Уплощенные скребки, в основном крупные, приближающиеся к четырехугольной форме (8 экз.). У одного из них, довольно крупного, с круговой ретушью, имеется выступ на тыльной стороне.

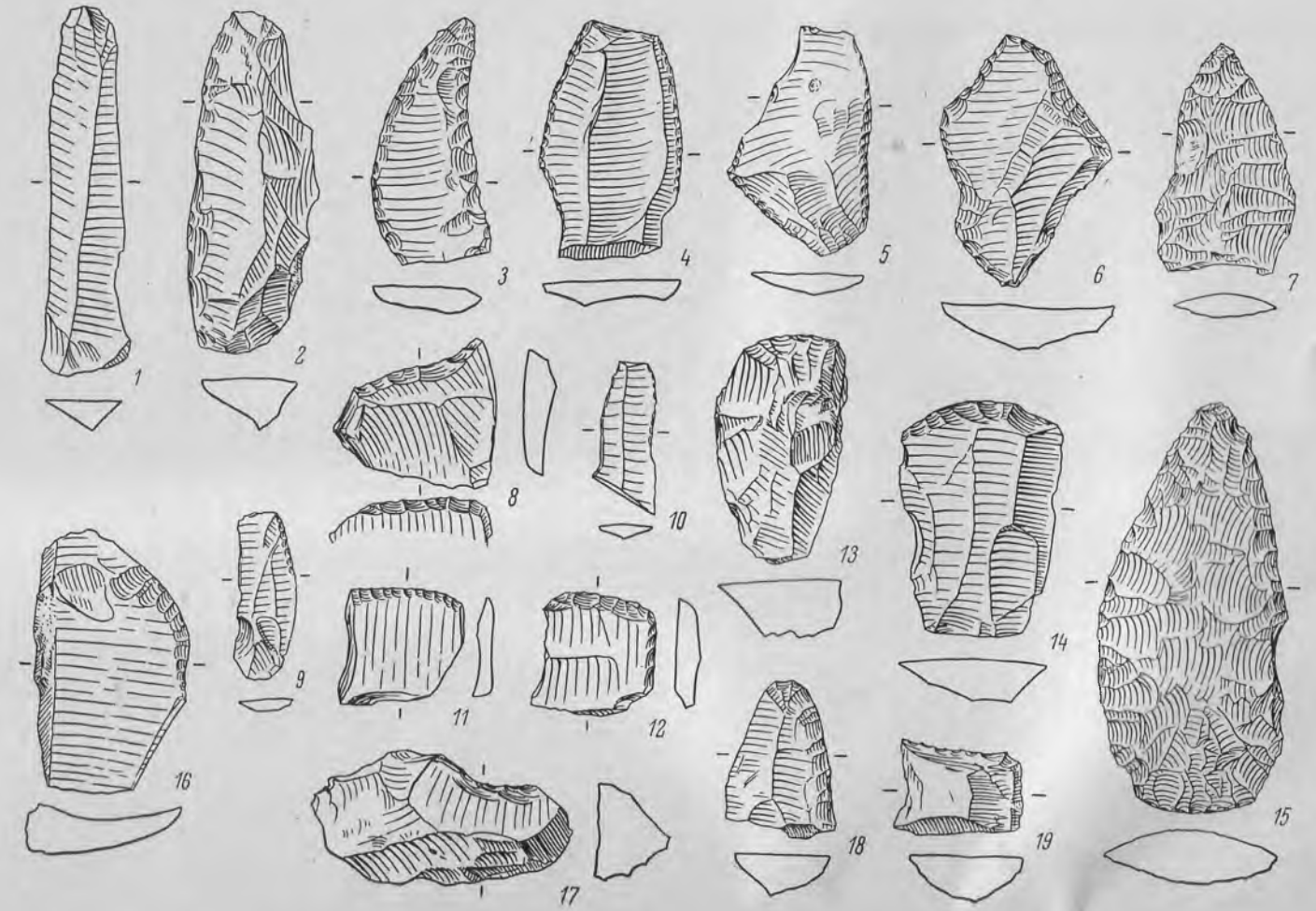
3. Скребки подтреугольной формы (4 экз.). Все они отличаются индивидуальными особенностями. Так, у одного ретушированы только боковые стороны, причем одна — с брюшка, другая — со спинки; у второго имеется великолепная круговая ретушь и т. д. Интересен уплощенный скребок с ретушью по двум сторонам и с усеченной третьей.

4. Мелкие скребочки округлой, треугольной или четырехугольной формы (6 экз.).

5. Скребки случайных форм. Сюда входят экземпляры с широким скребковым краем и др.

Три орудия с вогнутой рабочей частью можно отнести к скобелям: у одного, сделанного на грубом отщепе со сколотой спинкой и высокой тыльной частью, эта вогнутость очень слабая, у другого, тоже вытянутого в ширину, короткого, из одного угла отходит остроугольный выступ — резчик; наконец, у третьего, мелкого, высокого, с усеченным основанием и тремя скребковыми сторонами, на всех трех сторонах имеются скобельки. Крупный скребок почти овальной формы, но с небольшим выступом на тыльной части (шир. 4 см), можно отнести к скреблам.

Особого внимания заслуживают три оригинальных изделия: одно из янтаря и два из кости. Это янтарная пуговица (диам. 1.9 см) с несквозным отверстием в центре, обломок орнаментированной трубчатой косточки (1.9×1 см), на котором выгравированы два овала (диам. 0.7 см) с точкой в центре, и обломок костяной проколки (2.2×0.4×0.3 см). На стоянке довольно часто встречались и кальцинированные косточки животных и птиц (?) — 639 экз.

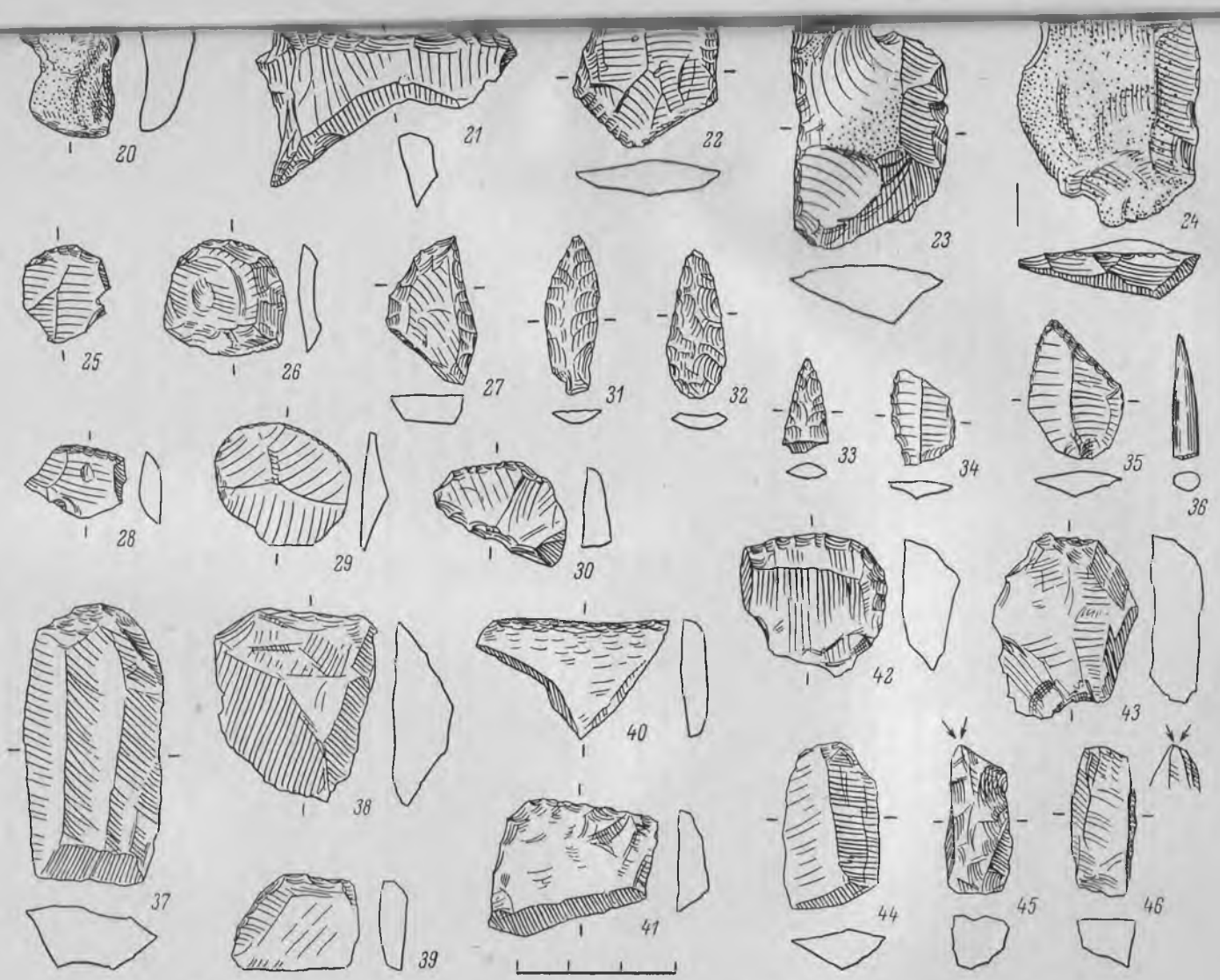

Рис. 14. Кремневый и кварцевый инвентарь со стоянки Порог Шойрукша (*1—46*).

Подсчитать общее количество керамики на стоянке, собранной за все три сезона раскопок, оказалось не так просто, поскольку между коллекционными списками, отчетами и опубликованными данными имеются существенные расхождения. По-видимому, наиболее полной суммарной сводкой керамического материала следует считать данные Г. А. Панкрушева, согласно которым собрано 3006 фрагментов (в их числе Сперрингс — 20, ранней ямочно-зубчатой — 1825, развитой ямочно-зубчатой — 995, ранней асбестовой — 64, поздний асбестовой — 63 и зубчатой пористой — 39).[24] Но недостатком этих подсчетов является то, что в них отсутствует разделение на крупные (шифрованные) и мелкие (нешифрованные) черепки. В подсчетах не учтены и поздние фрагменты. В коллекционных списках за эти три года по стоянке Порог Шойрукша числится всего 1224 предмета, из которых на керамику приходится около 1000 номеров.

Видимо, по той же причине существуют расхождения между коллекционными списками и статистическими данными в отчетах. Ниже мы пытаемся, насколько это возможно, выделить шифрованные черепки и на них прежде всего опираться в статистических данных.

Керамика стоянки Порог Шойрукша оказалась на редкость разнообразной и явно разновременной. Но преобладают ранние типы. Здесь встретилось 20 черепков Сперрингс, видимо, от 10—12 сосудов (рис. 15, *1*—*8*). Они среднего обжига, разноцветные в изломе. Тесто плотное, в качестве примеси использовался песок, реже толченая дресва. Порой на поверхности стенок заметны блестки слюды или зерна кварца. Толщина стенок 0.8—1 см.

Орнамент содержит все основные разновидности Сперрингс: прочерченные линии (как гладкие, так и в виде «отступающей лопаточки») — 8 черепков, отпечатки веревочки — 4 черепка и оттиски позвонков — 8 черепков. Большее разнообразие орнаментальных узоров дают прочерченные линии: вертикальный зигзаг, пересекающиеся гладкие линии и др. В качестве дополнительного элемента используются еще и мелкие ямки (рис. 15, *1*—*8*).

Количественно на стоянке решительно преобладает ямочно-гребенчатая керамика (свыше 700 крупных фрагментов), среди которой значительный процент ранней ямочной, близкой льяловской, — тонкостенной, хорошего обжига, орнаментированной глубокими ямками, расставленными в шахматном порядке, с бугристой поверхностью на внутренней стороне (рис. 15, *17*). Но наряду с сосудами, орнаментированными сплошь или преимущественно ямками, много таких, в которых один-два ряда ямок чередуются с гребенчатыми линиями, поясками шнура либо веревочки, поясами лапчатых вдавлений, горизонтальными рядами коротких гладких оттисков, то прямых, то наклонных (рис. 15, *9*—*27*). Появляются геометрические мотивы: горизонтальный зигзаг, соединение ямок веревочными оттисками и т. д. Внимание привлекает несколько небольших неглубоких сосудиков, украшенных мелкими ямками. В орнаменте появляются свободные участки и геометрические фигуры (треугольники).

На некоторых сосудах прослеживается слабое влияние орнамента Сперрингс: оттиски позвонка, наличие неорнаментированных бережков и прямых венчиков одинаковой со стенками толщины с неорнаментированными срезами.

Венчики ямочной керамики оформлены по-разному, хотя и без больших различий. Характерны чуть скошенные внутрь сосуда, с небольшим карнизом, орнаментированные косыми оттисками «гребенки»; приплюснутые, выступающие в обе стороны, с прямым срезом; с прямым же срезом, но слегка закругленным краем; с плоским орнаментированным

[24] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 131.

срезом такой же толщины, что и стенки. Венчики маленьких сосудиков очень простые; один оформлен защипами.

К ранней же неолитической посуде, по-видимому, относится и небольшое количество гребенчато-ямочной керамики. В ней выдерживается строгая горизонтальная зональность в нанесении орнамента: редкие ряды ямок чередуются с поясами гребенчатых оттисков, обычно наклонных, то тонких, то более широких. При орнаментации ямочной керамики используется несколько больше элементов, чем в Сперрингс: ямки, зубчатая и гладкая «гребенка», лапчатые вдавления, оттиски шнура или веревочки. Но благодаря обилию разновидностей каждого из них достигается еще большее разнообразие орнамента. Так, ямки бывают относительно крупные, средние и совсем мелкие (0.2 см), круглые и ромбические; появляются лапчатые вдавления (неглубокие вдавления—лунки полуовальной формы с небольшим остроугольным выступом на тыльной стороне), наколы подтреугольной формы, оттиски веревки, в том числе очень тщательного плетения (шнура), оттиски разнообразных гребенчатых штампов — узкие, более широкие четырехзубые (дл. 1.4 см), гладкие (обычно короткие) и, наконец, позвонковые.

В орнаментальных узорах господствует горизонтальное чередование зон ямок с поясами гребенчатых, веревочных, ямчатых и других оттисков. Пояса могут быть разной ширины, но сам принцип выдерживается строго. Кроме того, появляются геометрические мотивы: ломаная линия, идущая по неорнаментированному полю, и (иногда с заполнением образующихся треугольников) ямки, соединенные оттисками «гребенки», пересекающиеся гладкие линии и др.

У развитой ямочно-гребенчатой керамики венчики несколько разнообразнее (рис. 16): срез тоже чаще скошен внутрь и орнаментирован оттисками «гребенки», но без выступа над внутренней частью, либо не орнаментирован и чуть-чуть толще стенки, либо скошен внутрь и имеет небольшой карнизик (украшен двумя рядами мелких ямок). По кромке следующего среза, скошенного внутрь сосуда, с внешней и внутренней сторон нанесены глубокие нарезки, а по торцу тянутся глубокие ромбики. Наконец, следует отметить остроребериый срез (он толще стенки, а с внутренней стороны круче и имеет карнизик, с обеих сторон украшен нарезками), а также приплюснутый венчик, выступающий в обе стороны и орнаментированный «гребенкой». Эта керамика дает еще большее разнообразие орнаментальных узоров. Несколько увеличивается число элементов орнамента. Кроме округлых ямок разного диаметра появляются ромбовидные, разнообразные веревочные и гладкие оттиски, но еще более различаются гребенчатые штампы: длинная (1.8 см) «гребенка» с частой косой насечкой; широкая (0.5 см) и глубокая грубая «гребенка»; трезубый поверхностный штамп; четырехзубый широкий (0.5 см) и глубокий штамп; трезубый рамчатый штамп длиной 1.1 см и шириной 0.5 см; очень глубокий трезубый штамп с сужением к основанию длиной 1 см; широкий (0.7 см) зубчатый штамп с частой и тонкой косой насечкой; двузубый широкий (0.7 см) неглубокий штамп с нечеткими оттисками; короткий, но широкий четырехзубый штамп трапециевидной формы; ногтевидные вдавления (в одном случае по срезу венчика, в другом — по бережку); зигзаг с ямками в углах, и т. д.

Но эта и другие разновидности керамики относятся скорее всего уже к разным периодам эпохи металла. Наиболее ранней из них можно считать ромбически-ямочную керамику (около 50 фрагментов) и сопутствующую ей развитую ямочно-гребенчатую. Обычно черепки этой посуды среднего обжига, более грубые и толстостенные, чем неолитические, хотя встречаются и исключения. Орнамент по-прежнему густой, но в нем

появляются уже незаполненные пространства (в геометрических фигурах); ямки, обычно нечеткие.

При раскопках попадалась и асбестовая керамика (104 экз.). Вся она производит впечатление поздней; тонкостенная, с довольно однообразным орнаментом, включает слегка профилированные венчики и два обломка плоских днищ (рис. 17). Цвет черепков серый, толщина стенок от 0.5 до 0.8 см. Элементов орнамента немного; господствуют довольно сходные гребенчатые штампы, редко использовались веревочка и гладкая прочерченная линия. В орнаментальных узорах господствует горизонтальный и вертикальный зигзаг, представлены горизонтальные пояса или линии «гребенки», появляются довольно широкие неорнаментированные зоны (рис. 17, *10*).

К особому типу должно быть отнесено около 30 мелких черепков с растительной примесью к глиняному тесту, выгоревшей при обжиге и сделавшей стенки сосудов пористыми. Они мелкие, нередко окатанные (рис. 17, *1—9*). Цвет их желтоватый или серый. Орнаментированы они преимущественно оттисками короткой «гребенки», нередко образующей вертикальный зигзаг. Венчики прямые, иногда неорнаментированные. Среди этих фрагментов выделяется один: толстостенный (1.4 см), сильно пористый, с нагаром на внутренней стороне, украшенный горизонтальными рядами трезубого штампа, напоминающий волосовскую керамику (рис. 17, *1*).

Поздняя керамика (асбестовая и с растительной примесью) имеет довольно бедный орнамент. Из элементов узора выделяются трезубый штамп, прочерченные линии, широкий зубчатый штамп (0.4 см), гребенчатый штамп с глубокими и довольно широкими зубчиками, ямчатые вдавления. Один венчик асбестового сосуда отогнут внутрь, но край его приподнят.

Знакомство с керамическим материалом стоянки Порог Шойрукша показывает, что перед нами несомненно смешанный комплекс. Появление его — следствие неоднократных остановок на этом, казалось бы, неудобном покатом глинистом берегу населения, имевшего разные навыки в изготовлении и орнаментации глиняной посуды. Выделить в нем разновременные комплексы стратиграфическим путем не удалось. Хотя находки и лежали в плотной суглинистой почве, в значительном по толщине культурном слое, они оказались перемешанными.[25] Для наблюдений за распространением их по площади поселения раскоп оказался слишком мал. Тем не менее выяснилось, что керамика типа Сперрингс находилась главным образом в раскопе 1959 г., составлявшем менее половины всей снятой площади. В основном же приходится полагаться на типологический анализ инвентаря. Сравнительно легко выделяются не стоящие в генетической и хронологической связи типы глиняной посуды, такие как Сперрингс, ромбически-ямочная, асбестовая, гладкая и штрихованная, гончарная. Гребенчатая керамика скорее составляет единый комплекс со Сперрингс. Ранняя ямочная появляется немного позднее, но не исключено, что и сосуществует с ним. Керамика с растительной примесью, вероятно, составляет единый комплекс с асбестовой, и обе они могли быть одновременны развитой ямочной-гребенчатой посуде.

Выделить соответствующие перечисленным комплексам керамики орудия невозможно ввиду значительного сходства их в эпохи неолита и бронзы, тем более что среди них отстутствуют и те немногие датирующие формы, которые удалось выявить к настоящему времени.

---

[25] В древности этому процессу способствовало и неоднократное размывание стоянки. Окатанные водой черепки встречались при раскопках довольно часто.

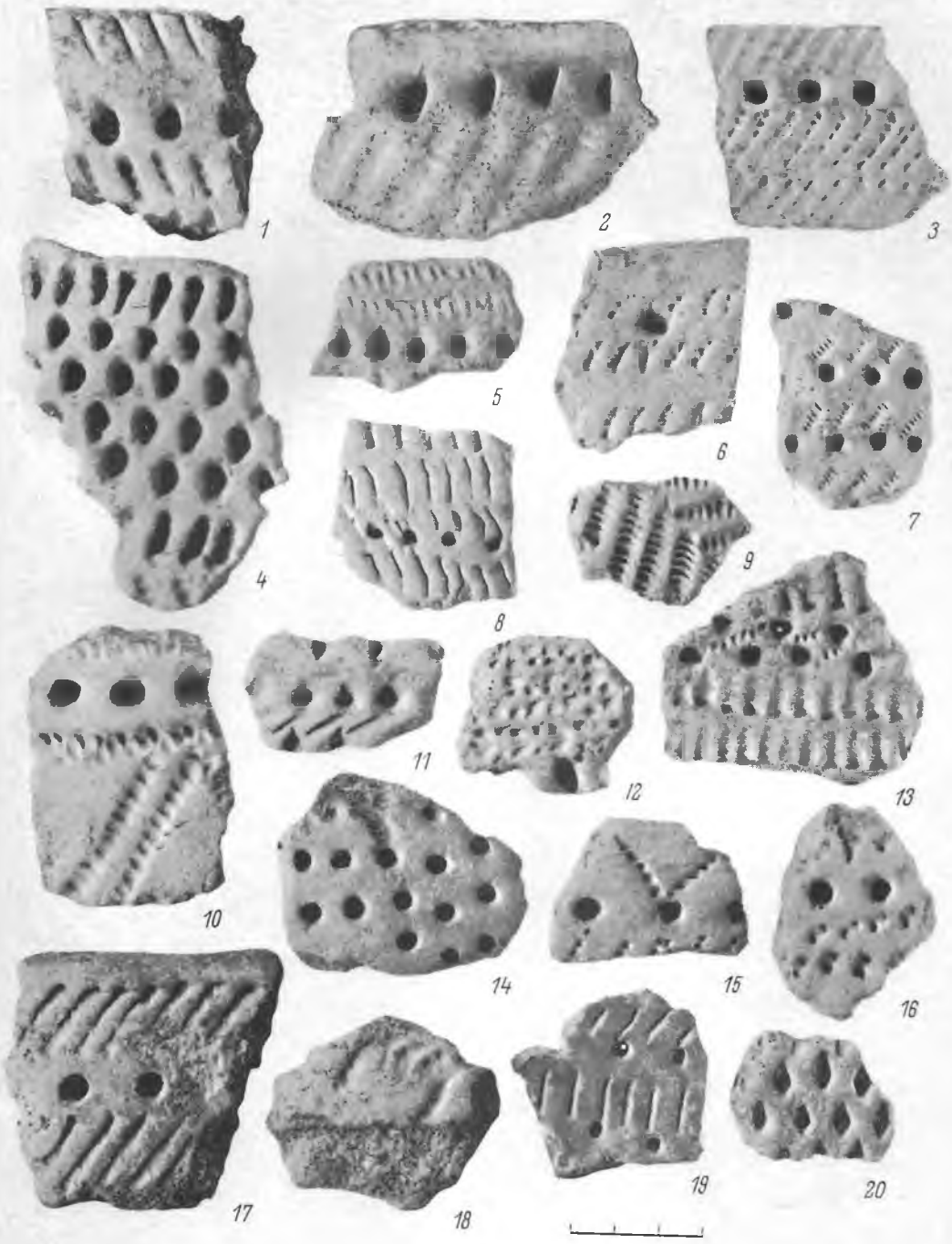

Рис. 16. Ямочная-гребенчатая керамика со стоянки Порог Шойрукша (*1—20*).

Рис. 17. Асбестовая керамика и керамика с растительной примесью со стоянки Порог Шойрукша (*1—25*).

Очевидно, стоянка Порог Шойрукша время от времени служила местом промыслового сезонного стойбища древних рыболовов-охотников. Судя по керамическому материалу и высотным отметкам, возникла она не позднее середины III тыс. до н. э., вслед за стоянками Ерпин Пудас (древний комплекс) и Лисья Гора. Во второй половине III—II тыс. до н. э. здесь неоднократно останавливались люди. Эти остановки становятся все более кратковременными и служат привалами на пути к месту промысла в самом устье р. Выг. Они стали вынужденными, так как формирующийся порог Шойрукша превращался в мощную преграду на пути лодок, спускающихся с верховьев реки. Именно здесь, у стоянки Порог Шойрукша, начинался волок, по которому перетаскивали лодки в обход порогов Шойрукша и Золотец.

В заключение статьи осталось выяснить взаимоотношение всех трех поселений, рассмотренных пока в той очередности, какая была подсказана их положением над уровнем моря: Ерпин Пудас, Лисья Гора, Порог Шойрукша. Но разница в их высотных отметках небольшая, и только на ее основании судить о том, какое из поселений старше, какое моложе, было бы рискованно. Зато можно утверждать, что большого хронологического разрыва в существовании их не было (речь идет только о неолитических комплексах). Все три стоянки могли существовать как места более или менее длительных остановок лишь в тот период, когда вода стояла на 2—2.5 м выше современного (до строительства на Выге электростанций) уровня. Они отстоят от уреза воды на значительном расстоянии, фиксируя очертания древних береговых линий.

О наличии во всех трех пунктах близких по времени материалов особенно наглядно свидетельствует анализ керамики. Взяв за основу одновременный керамический комплекс поселения Лисья Гора и сопоставив его с аналогичными комплексами (Сперрингс и гребенчатая) со стоянок Ерпин Пудас и Порог Шойрукша, мы найдем несколько близких (до тождества) черепков. На всех трех стоянках керамика Сперрингс одного стиля, одной стадии развития, которую можно считать относительно развитой (но никак не поздней) ее ступенью.

Еще большее сходство наблюдается в отдельных черепках гребенчатой посуды. На стоянке Ерпин Пудас встретился крупный фрагмент толстостенного (1.2 см) сосуда, среднего обжига, с оригинальным венчиком. Он скошен внутрь, примерно наполовину тоньше стенки, как бы уплощен и заострен с внутренней стороны. По неорнаментированному бережку венчика тянется поясок редких глубоких ямок (одна сквозная), а ниже идут горизонтальные пояски из коротких, частых и слабых оттисков «гребенки». Очень похожий и по толщине (1.3 см), и по орнаменту, и, главное, по оформлению венчика черепок найден на стоянке Лисья Гора. Возможно, один сосуд изготовлен по образцу другого (рис. 11, *14*, *16*).

Значительным сходством обладают два других черепка (оба венчики), один из которых найден на стоянке Ерпин Пудас, другой на стоянке Порог Шойрукша. Оба они толстостенные (по 1.5 см), орнаментированы поясами из наклонно поставленных, довольно длинных оттисков «гребенки» и ямками, занимающими подчиненное положение (рис. 7, *11*; 16, *17*).

Подобные факты свидетельствуют, что Сперрингс и ранняя гребенчатая керамика существовали здесь почти на всех поселениях в определенный и, судя по небольшому числу сосудов, непродолжительный период. Первая исчезла, вторая еще некоторое время продолжала существовать, а затем на смену ей пришла более разнообразная гребенчатая керамика. Но ведущую роль уже стала играть развитая ямочно-гребенчатая посуда,

развившаяся на базе ранней ямочной под ощутимым влиянием гребенчатой.

Остается неясным лишь время появления ранней ямочной керамики, представленной в низовье Выга на нескольких местонахождениях, в том числе на стоянке Порог Шойрукша и в единичных экземплярах на стоянке Ерпин Пудас. На наш взгляд, она распространяется здесь вслед за стоянками с гребенчатой керамикой и Сперрингс, во многом способствуя исчезновению последних. Причем Сперрингс оказала на ямочную керамику лишь незначительное влияние. Более ощутимый отпечаток на нее наложил гребенчатый орнамент, под влиянием которого появляется своеобразная развитая ямочно-гребенчатая керамика с ее локальными разновидностями.

Предложенная интерпретация памятников и попытка представить ранний этап первобытной истории низовья Выга, естественно, являются первым опытом, и новые находки ранних памятников вполне могут изменить наши представления. Но имеющиеся уже данные свидетельствуют, что и на известных стоянках отложились весьма ранние неолитические материалы. Ямочная керамика, найденная в русле р. Выг, на поселениях Золотец I, Порог Шойрукша и в других местонахождениях, весьма архаична и с полным правом может быть отнесена к типу наиболее ранней в Карелии. Но поскольку раскопками стоянок северо-восточного берега Онежского озера доказано, что появление ее в средней Карелии почти совпало с распространением керамики Сперрингс и гребенчатой, то предполагать существование в Беломорье стоянок с чистым комплексом Сперрингс на значительно более высоких террасах нет оснований.

Стоянки Сперрингс должны были бы находиться по соседству, на ближайших к местонахождениям ранней ямочной керамики террасах. Так оно и оказалось. На самой высокой стоянке — Ерпин Пудас — имеется керамика Сперрингс и гребенчатая (относительно раннего облика), но нет ямочной керамики. Нет ее и на стоянке Лисья Гора, но она появляется на стоянке Порог Шойрукша, по своей топографии больше остальных удобной для многократных временных остановок. Эта стоянка всегда находилась близко к воде.

Малочисленность стоянок с керамикой типа Сперрингс в низовье Выга нельзя объяснить только слабой изученностью более высоких террас (в настоящее время расположенных далеко от воды, среди болот и неудобных для разведок). Нам представляется, что здесь и в более северных районах надеяться на открытие большого числа стоянок со Сперрингс не приходится. По-видимому, эти территории были далекой периферией культуры Сперрингс, основная область распространения которой находилась южнее: вокруг Онежского озера, к востоку и к западу от него. Носители этой культуры только приступили к освоению обширных северных районов. Этим и объясняется очень небольшое количество стоянок со Сперрингс на севере Карелии. Проникшие сюда родовые общины с ранней ямочной керамикой окско-клязьминского типа смогли беспрепятственно продвинуться вплоть до Кольского полуострова.

С приходом на Выг родовых общин, владевших ранней ямочной керамикой, связано начало нового этапа в древней истории приморского края. Керамика Сперрингс, а за ней и ранняя гребенчатая исчезают, уступая место новым типам посуды, в частности ямочно-гребенчатой и асбестовой. Второй комплекс стоянки Ерпин Пудас дает нам ямочную керамику, заметно отличающуюся от ее ранних типов, начавшую менять свой облик под влиянием местных условий.

На дальнейший процесс исторического развития в низовье Выга сильный отпечаток наложили неоднократные притоки сюда нового населения и все усиливающиеся связи с восточными районами.

А. П. Журавлев

СКУЛЬПТУРКИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ГЛИНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВИГАЙНАВОЛОК I

В процессе раскопок энеолитического поселения Вигайнаволок I[1] собран довольно многочисленный и разнообразный археологический материал, насчитывающий десятки тысяч предметов. Среди них глиняные скульптурки и их фрагменты, а также некоторые другие изделия из глины, не встречающиеся ранее в Карелии.

Глиняные скульптурки попадаются на Севере нечасто, и потому каждая новая находка всегда вызывает большой интерес. В данном случае внимание к ним возрастает особенно, так как изделия, о которых пойдет речь в данной статье, найдены на поселении с чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики.[2] Ознакомимся с этим материалом.

СКУЛЬПТУРКИ

Раскопанные на стоянке скульптурки и их фрагменты можно объединить в две группы.

I группа (рис. 1, *1—4*) — статуэтки и их фрагменты, изображающие людей реалистически и схематично.

II группа (рис. 1, *5—11*) — змеевидная скульптурка, фрагменты скульптурок птиц и зверей, фрагменты аморфных скульптурок.

В I группе скульптурок большой интерес представляет фрагмент головы человека (женщины?) (рис. 1, *1*). Ее размеры 3×4 см. Скульптурка весьма необычна для Севера. В ней довольно реалистично вылеплены отдельные части лица и головы, что придает им особую выразительность. На лице четко изображены нос и глаза, ясно вырисовывается узкий лоб. Особенно выразительна прическа; волосы изображены отпечатками короткого зубчатого штампа в виде волнистых и ломаных линий. Скульптурка вылеплена из светло-желтой глины, которая содержит в качестве примеси незначительное количество толченой дресвы и мелкого песка. Статуэтка хорошо обожжена. На ее поверхности имеются слегка красноватые пятна. Вся статуэтка не сохранилась, и поэтому говорить о ней более определенно не представляется возможным.

Другая скульптурка изображает человека более схематично (рис. 1, *2*). В процессе раскопок были найдены три фрагмента, которые хорошо подходили один к другому и после склеивания полностью воссоздали

[1] А. П. Журавлев. Стоянки Вигайнаволок. В кн.: Научная конференция по итогам работ за 1964 год. Секция исторических наук. Сокращенные тезисы докладов. Петрозаводск, 1965, стр. 116—118; Г. А. Панкрушев, А. П. Журавлев. Стоянка Вигайнаволок I. В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966, стр. 152—177.

[2] Здесь имеется в виду ромбически-ямочная керамика эпохи энеолита — один из подтипов ямочно-гребенчатой керамики, наводнившей Карелию в середине II тыс. до н. э.

первоначальный облик статуэтки. У нее слегка изогнутый торс и несколько вытянутая голова. Скульптурка напоминает сидящего человека. Сзади — на спине, шее и голове — имеются защипы. Статуэтка небольших размеров: высота ее 7 см, толщина 1.5 см. Рук не имеет. Ноги соединены вместе и выполнены в виде сплюснутого полуовала. Обжиг скульптурки хороший. Цвет слегка красноватый. Глиняное тесто содержит небольшую примесь мелкого песка.

На стоянке найдены еще два обломка статуэток с защипами на спине. Одна из них (рис. 1, *3*) имела значительно бо́льшие размеры, чем вышеописанная. Другая была меньше первой (рис. 1, *4*). Обжиг и состав глиняного теста обоих фрагментов идентичен первой скульптурке.

Подобные статуэтки раскопаны в Карелии на стоянках позднего неолита — Соломенное VII [3] и Лахта III.[4] Ареал их широк. Аналогичные им фигурки известны за пределами Карелии на стоянке каргопольской культуры Кубенино I,[5] а также в Финляндии — стоянка Хонканиеми.[6] Они свидетельствуют о наличии родственных связей между племенами северного неолита.[7]

Среди скульптурок II группы обращает внимание зигзагообразный глиняный валик, изображающий, по-видимому, змею (рис. 1, *5*). Скульптура имеет длину 5.5 см, толщину 1 см. Обжиг ее хороший, со слегка темноватым оттенком. Глиняное тесто содержит небольшое количество мелкого песка. Аналогичные изображения раскопаны в Карелии на стоянках Порог Шойрукша II и Бесовы Следки III. Можно предполагать, что данные скульптурки имели культовое назначение.

Другой фрагмент принадлежал, видимо, скульптурке, изображающей водоплавающую птицу — утку (рис. 1, *6*). От нее сохранились лишь часть груди, шея и голова. Они украшены параллельными рядами круглых ямок (глуб. 3—5 мм, диам. 5 мм). Низ шеи и грудь орнаментированы частично — по их центру проходит лишь одна вертикальная линия из таких же ямок.

Скульптурка была, видимо, пустотелой, о чем свидетельствует вогнутое внутрь основание излома фрагмента. Высота скульптурки 7 см. Обжиг хороший. Цвет красноватый. В глиняном тесте содержится умеренная примесь мелкого песка.

Найден фрагмент (головка) от такой же скульптурки (рис. 1, *8*). Он тоже хорошо обожжен и имеет аналогичный орнамент.

Есть еще один фрагмент скульптурки птицы (рис. 1, *7*) — обломок округлого валика с загнутым и заостренным краем, напоминающим клюв, длиной 1 см. Фрагмент со всех сторон орнаментирован оттисками короткого зубчатого штампа. С боков и спереди оттиски штампа нанесены под небольшим уголом, сзади же поставлены горизонтально. Высота фрагмента 3 см, толщина 1.2 см. Обжиг хороший. Цвет слегка красноватый. В глине примесь мелкого песка.

---

[3] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 58.

[4] Ю. В. Титов. Раскопки в Калевальском, Медвежьегорском и Пряжинском районах Карельской АССР. В кн.: Археологические открытия 1967 года. М., 1968, стр. 6.

[5] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 211—218.

[6] Suomen museo, XXXV, 1929, s. 20.

[7] На существование родственных связей между племенами северного неолита указывали М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов и другие исследователи (М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 194—203; А. Я. Брюсов. 1) Археологические памятники III—I тысячелетия до нашей эры в Карело-Финской ССР. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 18—19, 22; 2) Сунские стоянки. Там же, стр. 44—46; 3) Стоянки в низовьях Выга, около петроглифов Бесовы Следки. Там же, стр. 52—53).

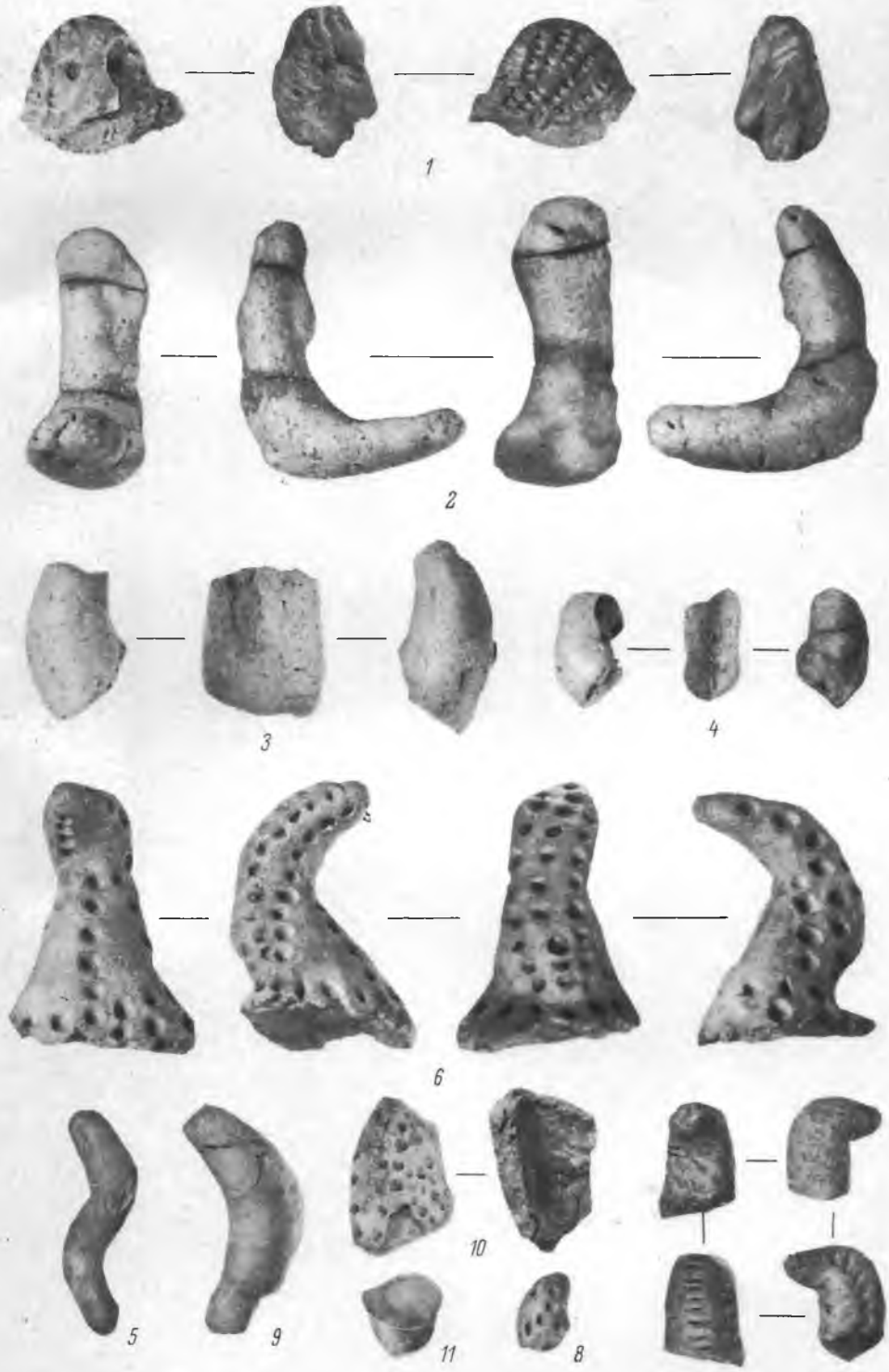

Рис. 1. Скульптурки и их фрагменты.

1 — фрагменты головы человека; *2* — схематичное изображение человека; *3, 4* — фрагменты скульптурок, изображающих людей; *5* — змеевидная скульптурка; *6* — фрагмент скульптурки водоплавающей птицы; *7* — фрагмент скульптурки птицы; *8* — фрагмент (головка) скульптурки водоплавающей птицы; *9* — схематичное изображение головы оленя (лося?); *10, 11* — фрагменты пустотелых скульптурок.

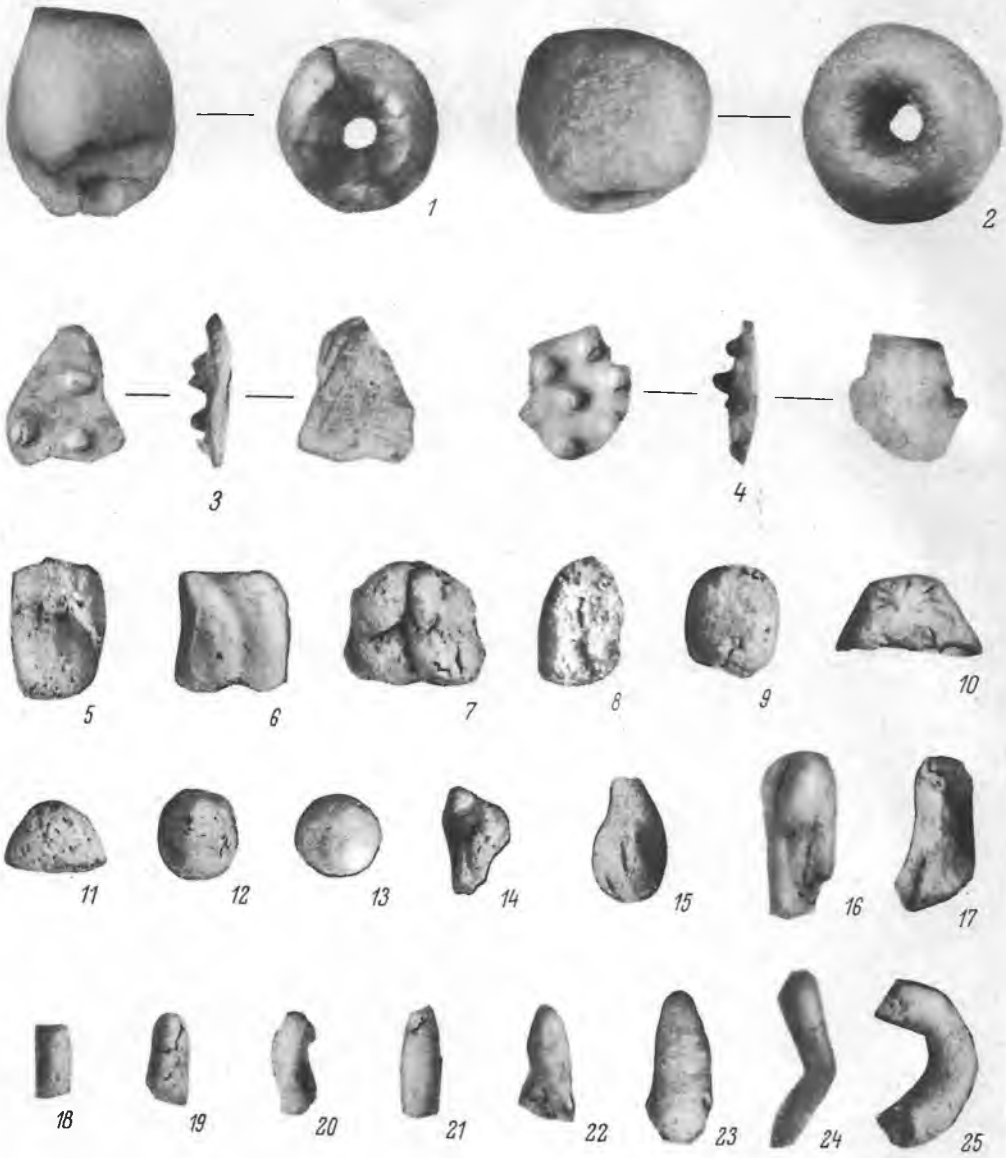

Рис. 2. Изделия из глины.

1 — рыболовные грузики; *2* — современные рыболовные грузики (пудыши) для сетей; *3*, *4* — палецы или заплаты на сосудах; *5*—*25* — различные изделия (*5*, *6*, *17* — обломки лент; *7*, *10*, *14*, *15* — обломки непонятных изделий; *8*, *9*, *11*—*13* — шарики; *16*, *18*—*24* — глиняные валики; *25* — обломок кольца).

Фрагмент скульптурки, показанный на рис. 1, *9*, принадлежал, возможно, чрезвычайно схематичному изображению лося, оленя (?). Он вылеплен из округлого валика, сверху которого хорошо заметно утолщение, напоминающее головы названных животных. Фрагмент хорошо обожжен, розоватого цвета. Имеет высоту 5 см, толщину 1.5 см.

На рис. 1, *10*, *11* показаны два аморфных фрагмента пустотелых скульптурок. Первый фрагмент (рис. 1, *11*) представляет собой конусообразный округлый валик, обломленный с обеих сторон. На одном краю хорошо заметна вогнутость. Видимо, обломившаяся часть скульптурки была пустотелой. Обжиг ее хороший. Цвет светло-малиновый. В составе теста примесь мелкого песка.

От другой пустотелой скульптурки (рис. 1, *10*) сохранился также небольшой фрагмент, орнаментированный по всей поверхности неглубокими вдавлениями округлой формы. Толщина стенок скульптурки 0.5 см. Фигурка хорошо обожжена, сверху беловатого цвета. Внутри же глина красноватая и не содержит примеси.

ДРУГИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ

Кроме глиняных скульптурок на стоянке найдены и другие изделия из глины, многие из которых ранее не встречались в Карелии. Среди них любопытны небольшие предметы яйцевидной формы (рис. 2, *1*). Длина их 6—8 см, толщина (диам.) 4.5 см. Посередине — круглые отверстия диаметром 0.7 см. Обжиг предметов хороший. Глиняное тесто содержит незначительную примесь мелкого песка. По-видимому, данные изделия использовались в качестве грузиков для сетей.[8]

Среди интересных вещей, раскопанных на стоянке, весьма необычны также другие глиняные предметы (рис. 2, *3*, *4*), ранее не встречавшиеся в Карелии. Они дополняют наши сведения о древнем керамическом производстве. Это глиняные пластинки (налепы) с конусообразными выпуклостями округлой формы (дл. выпуклостей 0.5—0.8 см, диам. у основания 0.4 см). Выпуклости сохранились от ямок, на которые накладывались налепы. Примечательно, что на основаниях налепов сохранились также выпуклые отпечатки оттисков короткого зубчатого штампа. Обратные остороны налепов гладкие. Следовательно, налепы — своего рода заплаты из глины, которые накладывались на трещины сосудов. Такие заплаты, по-видимому, после их обжига хорошо скрепляли глиняную посуду и давали возможность продлить время ее использования.

Любопытно, что в горшках, отремонтированных таким образом, не только хранили, но и варили пищу. Об этом свидетельствует хороший обжиг заплат, а также остатки на некоторых из них нагара пищи.

Наконец, при раскопках стоянки найдены довольно аморфные части различных глиняных изделий. Их более 20 (рис. 2, *5—25*). Среди них обломки валиковых колец диаметром не более 4 см (рис. 2, *25*), предметы в виде шариков и сплюснутых шариков (рис. 2, *8*, *9*, *11—13*), диаметр которых не превышает 2—3 см. Некоторые изделия (рис. 2, *8*) содержат обильную примесь песка и дресвы, в результате чего от незначительного усилия рассыпаются. Имеются также обломки небольших

---

[8] Интересно, что подобные грузики встречаются на Севере и в настоящее время. Так, некоторые рыбаки в Карелии и Новгородской области в качестве груза для сетей используют сделанные ими из глины или цемента небольшие грузики-пудыши (рис. 2, *2*). В связи с находками аналогичных грузиков на стоянке Вигайнаволок I можно считать, что данный способ изготовления рыболовных грузил дошел до наших дней из глубокой древности (из II тыс. до н. э.).

торсообразных предметов со штрихом (рис. 2, *15*); найдено несколько обломков лент, из которых изготовлялись сосуды (рис. 2, *5*, *6*, *17*). Кроме того, раскопано довольно большое количество глиняных валиков диаметром от 0.8 см до *3* см и длиной 2—4 см (рис. *2*, *16*, *18*, *19—24*). Они сделаны из хорошо перемешанной глины с примесью к ней песка и дресвы, а некоторые валики вообще не содержат посторонних примесей. Цвет их светло-серый с красноватым оттенком. Орнамента нет. Назначение валиков определить не представляется возможным. Некоторые же являются, видимо, обломками заготовок лент, которые использовались при лепке сосудов.

П. Э. Песонен

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА МУРОМСКОМ ОЗЕРЕ

В последние годы в результате разведочных работ открыты селища в различных районах Карелии. Наибольшее их количество известно на восточном побережье Онежского озера, по берегам рек Илексы и Водлы и на юго-западном берегу Муромского озера.

Селища, как правило, всегда перекрывали стоянки и раскапывались вместе с ними. Это явление чрезвычайно характерно для Карелии, где нет пока ни одного «чистого» селища, что весьма затрудняет выделение средневекового комплекса.

В данной статье мы рассмотрим селища побережья Муромского озера.

Этот район богат археологическими памятниками. Часть из них была известна еще в конце XIX в.[1] В начале нашего века А. Галченко[2] опубликовал находки, собранные И. С. Шайжиным на побережье Онежского и Муромского озер. В 30-х годах этот район был обследован В. Ф. Земляковым.[3] Материалы, собранные этими исследователями, относятся к неолиту.

Разведка побережья Муромского озера Н. Н. Гуриной[4] в 1958—1959 гг. и небольшие раскопки, произведенные ею в 1959 г. на стоянке Муромская III, значительно расширили представление об археологических памятниках этой территории.

В 1967—1968 гг. берега Муромского озера исследовал Г. А. Панкрушев.[5] Им были открыты и частично раскопаны селища Муромское IIIа, Муромское VI, Муромское VIIа и бронзолитейная мастерская Муромская VIII. В 1969 г. начато систематическое изучение этих поселений. Полученный материал оказался довольно бедным — основую часть всех находок составляет керамика. Ни на одном из поселений не обнаружено каких-либо хозяйственных или жилых комплексов. Возможно, это объясняется незначительностью раскопанных площадей.

---

[1] И. С. Поляков. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. IX, СПб., 1882, стр. 1—164.

[2] А. Галченко. О каменном веке и об остатках его в Олонецкой губернии. Изв. Общ. изуч. Олонецкой губ., № 1, Петрозаводск, 1913, стр. 27—51.

[3] В. Ф. Земляков. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. В кн.: В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. I. М.—Л., 1936, стр. 127—132.

[4] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 326—329.

[5] Г. А. Панкрушев. 1) Отчет о работе Восточно-Карельской археологической экспедиции в 1967 г. Архив Карельск. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 29, № 196, стр. 3—5; 2) Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции за 1968 г. Там же, стр. 46—63.

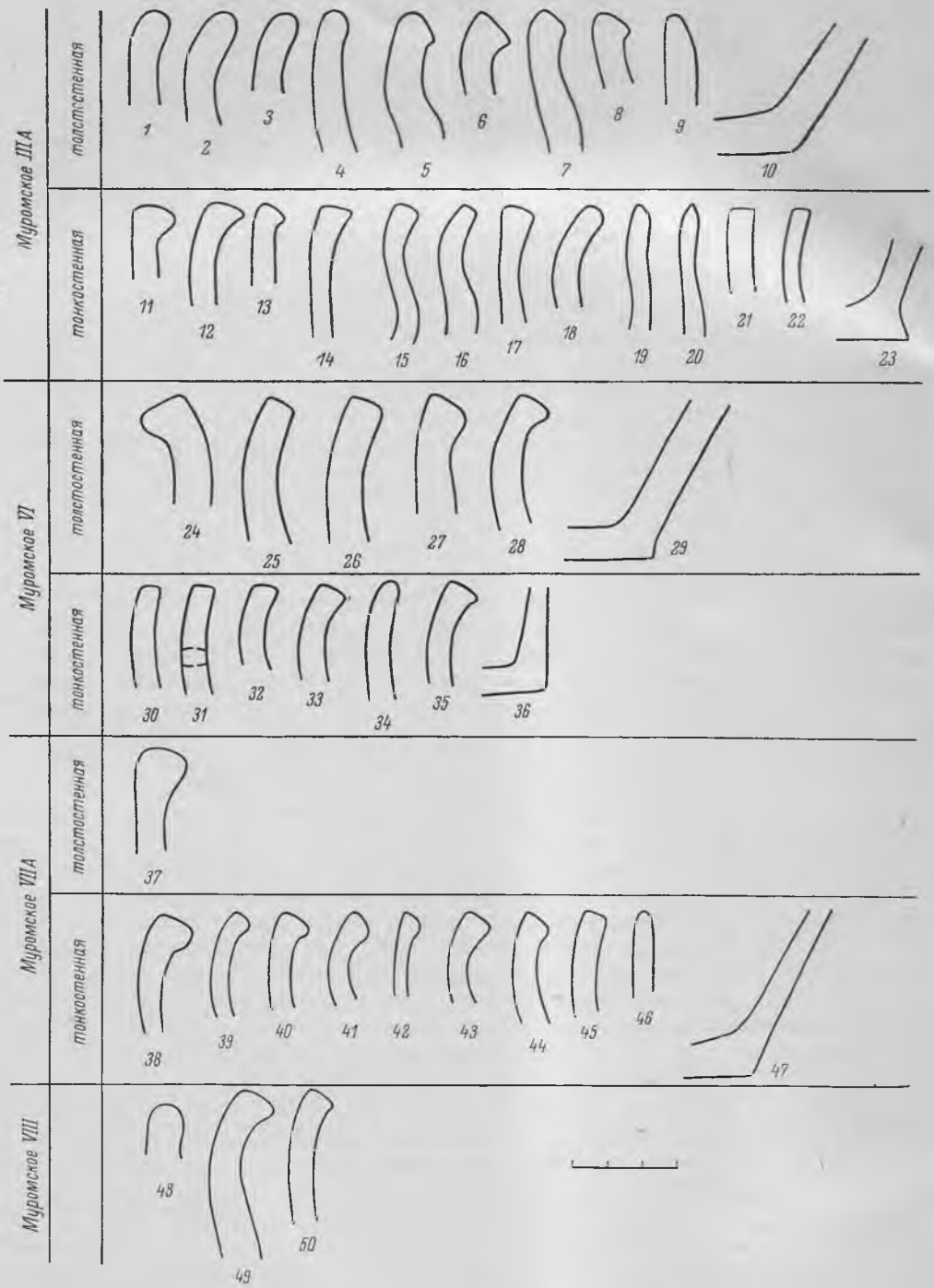

Рис. 1. Формы венчиков и днищ сосудов муромских поселений.

1—9, 11—22, 24—28, 30—35, 37—46, 48—50 — формы венчиков; *10, 23, 29, 36, 47* — формы днищ.

Рис. 2. Оригинальные формы сосудов и изделия муромских селищ.

1 — лодочные заклепки; *2* — лировидная пряжка; *3* — заклепки; *4* — оселок; *5* — наконечник стрелы; *6* — горлышко кувшина; *7* — носик для слива от тигелька; *8* — фрагмент тигелька; *9* — фрагмент лепной керамики.

Предметом настоящего изучения является селищная керамика. В нашем распоряжении нет целых сосудов, поэтому ограничимся классификацией венчиков, основываясь на таких характерных признаках, как степень отгиба, срез края, наличие утолщений на венчике и т. п.

Селище **Муромское IIIа** занимает низкую площадку близ воды у истока р. Муромки, вытекающей из Муромского озера. Площадь его не менее 4000 м^2 и полностью перекрывает неолитическую стоянку Муромская III и частично энеолитическую Муромская IV.[6] Раскопкам подверглась незначительная его часть (196 м^2). Поверхность поселения сильно задернована и свободна от деревьев. Стратиграфически селище выглядело следующим образом:

1. Дерн	8—10 см
2. Темный гумусированный песок	20—30 см
3. Грязно-желтый гумусированный песок	25—30 см
4. Подстилающий желтый песок	

Средневековый слой (темный гумусированный песок с большой примесью угольков) залегал непосредственно под дерном по всей площади раскопа. Кое-где имелись выходы желтого гумусированного песка, относящегося к более ранним этапам жизни поселения. По-видимому, имели место нарушения культурного слоя позднейшими перекопами, в результате которых нижние слои оказались наверху. Поэтому в верхнем слое наряду со средневековыми вещами найден материал и ранних комплексов, представленный керамикой и каменным инвентарем. Причем вещей средневековья и ранних эпох одинаковое количество. Из 1585 предметов селищного слоя только 800 (50.5%), в основном фрагменты керамики и незначительное число железных изделий (5.6%), можно отнести к средневековью. На глубине ниже 25—30 см лепной керамики встречено незначительное количество.

Керамика селища представлена лишь фрагментами сосудов. По технике изготовления керамику можно разделить на лепную — 817 фрагментов (94%) и гончарную — 53 фрагмента (6%).

Лепная керамика представлена двумя типами: лепной толстостенной — 454 фрагмента (56.1%) — и лепной тонкостенной — 363 фрагмента (43.9%). Между этими двумя типами в составе глиняного теста значительных различий не наблюдается. Цвет сосудов одинаковый — от различных оттенков коричневого до темно-бурого. Сосуды, как те, так и другие, плоскодонны, не орнаментированы. Отличает их толщина стенок, которая варьирует от 8—10 мм у толстостенных до 5—7 мм у тонкостенных. Тонкостенная керамика, как правило, хорошего равномерного обжига; примесь дресвы умеренная.

Поверхность толстостенных сосудов грубая, шероховатая от обильной примеси дресвы к тесту; обжиг довольно плохой. На многих черепках заметны штрихи, оставшиеся от заглаживания стенок.

В результате изучения керамического материала селища выделено несколько групп основных форм венчиков в обоих типах керамики.

Формы венчиков первого типа довольно разнообразны. Наиболее распространенными являются венчики с прямым закругленным краем, со слегка изогнутой шейкой и слабо профилированными плечиками (рис. 1, *1—3*). Вероятно, стенки этих сосудов были почти прямыми.

Вторая группа имеет утолщение на наружном крае, слегка выступающие плечики, иногда расширенные в разрезе. Край венчиков косо срезан

---

[6] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 50.

наружу (рис. 1, *5—8*).[7] Переход от стенок к днищу у большинства сосудов выражен четко. Сосуды скорее всего имели баночную или почти баночную форму. Надо отметить, что баночная форма характерна для очень многих памятников. Близкие аналогии известны в чёлмужских курганах,[8] где лепная керамика баночной формы датируется X—XI вв., в горизонте Е Старой Ладоги,[9] из раскопок Л. А. Голубевой на Белом озере,[10] керамику которых она датирует X—серединой XI в. Сравнивая керамику селища с керамикой перечисленных памятников, надо иметь в виду, что сосуды названных памятников часто орнаментированы, муромская же орнамента не имеет.

Тонкостенная керамика помимо общих с толстостенной форм венчиков имеет и свои, характерные для данного типа. Необходимо отметить группу своеобразных — это венчики с очень утолщенным наружу краем. Иногда такой венчик был вдвое толще стенки сосуда (рис. 1, *11*, *12*); шейка прямая или слегка изогнутая. Сосуды этой группы, видимо, небольшие, с четким переходом от стенок к днищу.

Затем следует группа венчиков с довольно значительной профилировкой. Шейка плавно переходит в плечики, а тулово сужается к днищу; край венчика косо срезан наружу (рис. 1, *15*, *16*). Похожие формы имеются на Белом озере,[11] с той лишь разницей, что керамика селища не орнаментирована.

Необходимо заметить, что по всем качественным признакам тонкостенная керамика более совершенна, нежели керамика первого типа, хотя, вероятнее всего, оба типа сосуществовали, поскольку ни хронологически, ни стратиграфически они не разделяются.

Оригинальной находкой является горлышко лепного кувшина (рис. 2, *6*). Стенки его толсты, примесью в отличие от прочей керамики служит крупнозернистый песок, поверхность гладкая, цвет коричневый. Горлышко несколько асимметрично; на внутренней стороне плотный и твердый слой нагара. Вообще создается впечатление, что кувшин часто держали на огне. Подобное изделие впервые найдено в Карелии. Аналогии этому кувшину нам неизвестны.

Гончарная керамика, как правило, серого цвета, с сильно профилированными венчиками. Сосуды, насколько точно можно судить по черепкам, имели форму горшков. Какова была их величина — определить трудно. Вся гончарная керамика, встреченная на селище, относится к развитым формам и датируется значительно более поздним временем. В этом нас убеждает тот факт, что в керамике селища отсутствуют сосуды переходного от лепной к гончарной типа, иными словами, нет сосудов с дополнительной правкой на круге.

Кроме керамики, основного вещевого материала, найдены железный наконечник стрелы и оселок. Это пока единственные датируемые вещи селища. Наконечник стрелы ромбический, без упора, с плоским пером и черешком. Длина наконечника 110 мм, ширина пера 22 мм (рис. 2, *5*). Аналогичные стрелы выделены А. Ф. Медведевым как характерные для Новгорода X—XI вв.[12] Такой же наконечник стрелы найден в Киснем-

---

[7] Мы указали основные формы венчиков. Известны и другие, представленные единичными экземплярами, поэтому в данную классификацию они не вошли.

[8] Г. П. Гроздилов. Курганы у деревни Чёлмужи. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 114.

[9] Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, стр. 221.

[10] Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, стр. 67, рис. 8, *1—3*.

[11] Там же, рис. 9.

[12] А. Ф. Медведев. Оружие Великого Новгорода. Тр. Новгородск. археол. эксп., т. 2. МИА, № 65, 1959, стр. 13, рис. 5, *1*.

ском могильнике на Белом озере. Могильник датируется X—XI вв.[13] Обломок оселка из сланца с отверстием для подвешивания к поясу датируется X—началом XI в.; подобные оселки известны повсеместно, как и прочие многочисленные находки на древнерусских памятниках.

Из числа других находок следует отметить четырехгранные железные гвозди (8 целых и 10 фрагментов) длиной 9.5 см, имеющие квадратные большие шляпки, гвозди, подобные предыдущим, но более крупные, маленькие заклепки (4 экз.) или гвоздики какого-то специального назначения (рис. 2, *3*) длиной 15 мм; последние имели тонкий стержень, широкую округлую шляпку. Кроме того, найдены два фрагмента тонкого железного обруча, два фрагмента листового железа, несколько обломков железных изделий, трудно определимых, и железные шлаки.

Несомненно, что местное население было знакомо с обработкой металлов: в раскопе помимо шлаков обнаружены фрагменты тигелька (рис. 2, *8*), на внутренней стороне которых сохранились прилипшие крупинки расплавленного железа. Вторая находка — носик тигелька для слива, где на внутренней стенке сохранились застывшие крупинки бронзы, а внешняя от разливки горячего металла прогорела до стеклянного блеска — свидетельствует о наличии у местного населения бронзолитейного дела, хотя бронзовых вещей и не найдено.

Таким образом, судя по вещественным остаткам в сочетании с датируемыми вещами, можно предположить, что территория селища была заселена в X—XI вв. Указанная дата, конечно, не охватывает всего периода существования средневекового поселения, ибо мы ничего не можем сказать о длительности бытования найденной здесь лепной керамики. Плохая изученность ее не позволяет датировать нижнюю границу селища. Верхнюю границу можно ограничить X—XI вв. Трудно также установить, протекала ли жизнь на этом селище непрерывно. Как будто бы территория поселения некоторое время пустовала, так как разрыв между временем употребления лепной керамики и гончарной был значительным. Кроме того, гончарная керамика не увязывается с остальным материалом селища. Исходя из этого, верхнюю дату селища можно ограничить X—XI вв.

Селище **Муромское VI** имеет площадь около 3500 м^2; раскопана незначительная часть его (144 м^2). На территории селища в 1968 г. найдена одиночная могила, относящаяся к средневековью.[14] Стратиграфия селища:

1. Дерн	До 5 см
2. Темный гумусированный песок	До 20 см
3. Грязно-желтый гумусированный песок	20—50 см
4. Подстилающий желтый песок	

Культурный слой селища — темный гумусированный песок, который был смешан с нижерасположенным желтым песком, особенно на окраинах раскопа. Наиболее интенсивная темная окраска наблюдалась в средней части раскопа, где находилась жилищная впадина раннего комплекса. Здесь этот слой достигал максимальной толщины — 20—25 см.

Средневековый материал, представленный лепной керамикой и тремя фрагментами гончарной, был зафиксирован от верхних и почти до нижних слоев поселения. В верхнем слое лепной керамики было лишь 67% от всего числа фрагментов (222). Здесь больше, чем на предыдущем се-

---

[13] Л. А. Голубева. Могильник X—середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1, стр. 207, рис. 2, *4*.

[14] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 54—56.

лище, наблюдается перемешанность хронологически разновременных слоев.

Лепная керамика двух типов: толстостенная и тонкостенная. Последней незначительное количество — около 8% от общего числа фрагментов.

Толстостенная керамика рассматриваемого селища похожа на керамику Муромского IIIа. Та же обильная примесь дресвы, что делает горшок очень шероховатым, такой же цвет с незначительным отличием в оттенках. Но обжиг у сосудов данного селища несколько хуже. Керамика довольно рыхлая, легко ломающаяся и еще более толстостенная. Тонкостенная же аналогична керамике предыдущего селища.

Венчики сосудов однообразнее, нежели на селище Муромское IIIа. Здесь найден венчик, который не имеет аналогий на муромских селищах (рис. 1, *24*). Он массивный, с валикообразным утолщением внутри сосуда, край его скошен в ту же сторону. Многие из сосудов лепной работы имеются в единичных экземплярах; очевидно, при лепке вручную сказывалась значительная индивидуализация в работе.

Толстостенную керамику можно разделить по форме венчиков на две группы.

Первая группа (рис. 1, *25—27*) характеризуется прямым венчиком с косо срезанным или почти горизонтальным краем; шейка слегка профилирована. Эти сосуды очень толстостенны и рыхлы.

Вторая группа (рис. 1, *28*) отличается значительной профилировкой. Наружный край венчика имеет утолщение, изогнутая шейка плавно переходит в плечико. Тулово довольно резко сужается к днищу.

У тонкостенной керамики профили в основном такие же, как и у толстостенной (рис. 1, *33—35*). Необходимо отметить лишь группу венчиков (рис. 1, *30*, *31*), которая несколько отличается. Шейка и венчик этих сосудов почти прямые, тулово отвесно спускается к днищу.

Многие из сосудов селища имеют баночную форму, которая характерна для керамики всех муромских поселений. По качеству эти сосуды несколько хуже, а формы их примитивнее, нежели на предыдущем селище. Возможно, что данное селище более раннее, но пока нет никаких данных для его датировки. Косвенным доказательством его древности может служить одиночная могила, найденная на территории поселения.

Погребение залегало в восточной части раскопа на глубине 30 см. Могильная яма была заполнена темным гумусированным песком. Костяк сохранился плохо — череп продавлен, повреждены кости рук и таза. В области таза на костяке найдена лировидная бронзовая пряжка (рис. 2, *2*), которая датируется XI—XII вв. У бедра лежало железное кресало плохой сохранности, датируемое XI в. Рядом с костяком найдены три осколка кремня и два фрагмента лепной керамики, аналогичной керамике селища Муромское IIIа. Погребенный ориентирован головой на юго-восток. В ногах — небольшое кострище, окруженное со всех сторон камнями.[15] Судя по вещам и керамике, погребение одновременно селищу Муромское IIIа. Захоронение, вероятнее всего, было сделано тогда, когда данное поселение уже долгое время пустовало. В противном случае хоронить, видимо, не стали бы на его территории.

Таким образом, мы пока не располагаем данными, которые бы позволили определить хронологические рамки бытования селища Муромское VI.

Селище **Муромское VIIа** расположено примерно в 50 м северо-западнее поселения Муромское VI. Площадь его около 2500 м^2. Оно частично

---

[15] Там же, стр. 56.

перекрывает стоянку Муромское VII.[16] В 1969 г. здесь заложен небольшой раскоп (40 м^2).

Средневековый слой залегал на слое древней стоянки, к которой относится жилищная впадина. На глубине 20 см стали проявляться контуры этого жилища. Раскоп захватил лишь небольшую, северную часть его. Здесь, на поверхности жилищной впадины, окраска верхнего культурного слоя была наиболее интенсивной и насыщенной мелкими угольками.

Верхний культурный слой — темный гумусированный песок — относится к селищу. В нем на глубине до 30 см находился средневековый материал — в основном это керамика и несколько изделий из железа. На глубине свыше 30 см, в западаниях селищного культурного слоя, встречались единичные фрагменты лепной и один фрагмент гончарной керамики. На этом селище не наблюдалось такой перемешанности слоев, как на предыдущем, и они более четко разделяются на хронологически разновременные комплексы.

Среди названных селищ Муромское VIIа может оказаться наиболее интересным. Особенно хорошо прослеживается размещение лепной керамики в верхнем культурном слое.

Керамика представлена двумя типами: тонкостенная — 119 фрагментов (68%), толстостенная — 56 фрагментов. Существенных отличий от лепной керамики рассмотренных селищ не наблюдается. Толщина стенок колеблется от 3—6 мм у тонкостенных до 8—10 мм у толстостенных. Обжиг сосудов хороший, равномерный. Примесь дресвы умеренная у тонкостенных и большая у толстостенных, цвет коричневый до красноватого.

Венчики сосудов можно разделить на несколько групп, которые аналогичны венчикам предыдущих селищ. Исключение составляет фрагмент керамики, орнаментированный по плечикам и шейке прорезными кругами (рис. 2, *9*). Этот фрагмент аналогичен лепному горшку баночной формы, найденному А. М. Линевским в оятском кургане, датируемом X—началом XI в.[17] Подобный орнамент, по-видимому, не имел широкого распространения. Этим, вероятно, объясняется редкая встречаемость сосудов с таким украшением. На всю муромскую керамику приходится один фрагмент с этим орнаментом. В оятских курганах имелся горшок, орнаментированный кругами.

От толстостенных сосудов сохранился всего один фрагмент прямого утолщенного венчика (рис. 1, *37*), имеющего аналогии на прочих селищах Муромского озера.

Преобладающими формами сосудов данного селища являются формы, которые характерны для всех муромских селищ, — горшки баночной формы с четко выраженным переходом от стенок к днищу. Иногда тулова сосудов резко сужаются книзу (рис. 1, *47*).

Помимо керамики на поселении найдены изделия из железа: фрагмент пластины, подковочный гвоздь и две лодочные заклепки (рис. 2, *1*) с ромбовидными шляпками.

Рассмотренное селище по своему культурному облику не отличается от других памятников побережья Муромского озера. Можно предположить, что оно одновременно или почти одновременно другим, т. е. датируется X—XI вв. Эта дата, вероятнее всего, определяет верхнюю границу существования поселения, последний этап существования лепной керамики. Нижняя граница селища не определена.

[16] Там же, стр. 60.

[17] А. М. Линевский. Курган у дер. Нюбиничи 10 (170). Погребение с мечом X в. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти Ленинградской обл. в 1949 г. Архив Карельск. филиала АН СССР, 1948, ф. 1, оп. 41, № 187, стр. 94.

Бронзолитейная мастерская **Муромская VIII** расположена в границах стоянки Муромская VII; площадь ее около 200 м². За два полевых сезона раскопано 120 м².

Культурный слой мастерской маломощен и перекрывает древнюю стоянку. К комплексу раннего поселения относится каменный инвентарь, найденный в верхнем слое.

В темном гумусированном песке в основном залегал средневековый материал, представленный лепной керамикой и тысячами обломков от массивных глиняных литейных форм, в которых, видимо, отливались бронзовые слитки. Формы — это плиты с тремя-четырьмя овальными углублениями, ограниченными бортиками. Длина углубления около 20 см, ширина 10—12 см, глубина 3—4 см.[18] Бронзовых изделий и слитков не найдено.

Керамика мастерской исключительно лепная, толстостенная, неорнаментированная (рис. 1, *49*), несколько отличающаяся от керамики других селищ. Во-первых, она хорошего обжига, желтая с внешней стороны, черная с внутренней. Во-вторых, все найденные сосуды крупные. Тулово округлое, с ясно выраженными плечиками, с отогнутым наружу венчиком и с утолщением его наружного края. По всей вероятности, большие сосуды использовались для нужд мастерской.

Тонкостенной керамики всего 9 фрагментов; она чрезвычайно похожа на подобную керамику муромских селищ.

Других вещей на территории мастерской не найдено.

При датировке мастерской можно исходить лишь из аналогии с селищами данной территории и датировать ее X—XI вв. Указанная дата, возможно, не охватывает всего периода бытования мастерской, но вряд ли она существовала более длительное время.

Небольшие площади раскопок и лишь предварительное изучение материала не дают возможности сделать какие-либо существенные выводы.

Материалы, полученные при раскопках, позволяют определить приблизительно лишь верхнюю границу селищ, которая датируется X—XI вв. Но о нижней границе пока мы ничего сказать не можем, поскольку неизвестны хронологические рамки существования лепной керамики на данной территории.

Однако суммировать некоторые наблюдения все же представляется возможным.

Лепная керамика, составляющая подавляющее большинство находок, а на некоторых селищах единственный материал, — явление своеобразное, самобытное, выросшее на местной основе, отражающее, возможно, этнические особенности создавшей ее среды. Если все же ее формы и близки формам сосудов Белозерья или Старой Ладоги, то существенное различие кроется в орнаментации — муромская керамика, за редким исключением, не орнаментирована.

Население, оставившее своеобразную керамику, очевидно, принадлежало финно-угорским племенам, а именно «лопи», которая, как известно, еще в XIV в. обитала в районе Муромского озера.[19]

Несомненно, что со временем удастся определить материальную культуру народа, жившего в этом районе, степень сходства и различия между местными племенами и окружающими их соседями.

Проблема эта требует для своего разрешения новых археологических изысканий в окрестностях Муромского озера и на прилегающих к нему территориях.

---

[18] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 63.

[19] М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, стр. 69—70.

С. И. Кочкуркина

КУРГАНЫ СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

В 1924 г. Б. Ф. Земляков обнаружил у с. Чёлмужи 11 курганных насыпей хорошей сохранности и одну разрушенную. В ней найден бронзовый литой браслет X—XI вв., украшенный змеевидными и параллельными линиями (рис. 1). Этот тип браслетов хорошо известен по курганам Юго-Восточного Приладожья. При вторичном посещении Б. Ф. Земляков отметил, что западная часть могильника повреждена: 6 насыпей наибольшего размера разрушены силосными ямами. Из всего погребального инвентаря сохранился лишь втульчатый наконечник копья с узким листовидным лезвием (рис. 2).

В 1934 г. в связи со строительством Беломорско-Балтийского канала проводились археологические исследования, организованные ГАИМК. Г. П. Гроздилов и Н. Н. Чернягин раскопали в Чёлмужах 5 курганов, 4 из которых находились в восточной части могильника и один — в западной (рис. 3). Эти курганы являются пока единственным источником для изучения погребальных обрядов периода средневековья на территории Карелии. Важность изучения чёлмужских курганов заключается еще и в том, что такие курганы как тип погребальных памятников (за исключением Олонецкого перешейка) в Карелии нигде не известны.[1]

Результатам раскопок курганов посвящена информационная заметка и статья отчетного характера. В Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР хранится отчет Г. П. Гроздилова о раскопках чёлмужских курганов; материалы раскопок находятся в Эрмитаже.[2] Опубликованные работы, дневник и коллекции из курганов использованы для написания статьи, имеющей целью выяснить этническую принадлежность погребенных в чёлмужских курганах.

Уже в самом расположении насыпей видно деление могильника на две группы. В восточной части курганы расположены цепочкой, в одну линию, на краю низкой террасы р. Немены, впадающей в Онежское озеро. Насыпи в западной части расположены скученно. В Юго-Восточном Приладожье такое расположение курганов служит свидетельством хронологического разрыва: в одну линию располагались ранние курганы,

[1] В сентябре 1969 г. сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР С. И. Кочкуркина и П. Э. Песонен обследовали район с. Чёлмужи. Установлено, что курганная группа окончательно разрушена. Г. П. Гроздиловым были зарегистрированы отдельные курганы по дороге между г. Повенцом и с. Чёлмужи. У него же были сведения, полученные от местных учителей, о курганах близ Данилова. Предпринятая разведка этих сведений не подтвердила. В 4 км от с. Чёлмужи, вверх по р. Немене, на правом берегу обнаружена насыпь, испорченная сооружением времен Отечественной войны. Насыпь не раскапывалась.

[2] Г. П. Гроздилов. 1) С. Чёлмужи. Археологические исследования в СССР (1934—1936 гг.). М.—Л., 1941, стр. 13—14; 2) Отчет о раскопках курганов близ с. Чёлмужи. Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, д. 342; 3) Курганы у деревни Чёлмужи. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 111—114.

большей частью содержащие трупосожжения, а скученно — курганы XI—XII вв. с трупоположением. Эта закономерность справедлива и для чёлмужских курганов. Теперь перейдем к анализу погребальных комплексов.

Курган № 1.[3] Высота его 0.8 м; диаметр по линии ЗВ 7.1 м. Содержит трупосожжение. Все находки сосредоточены на С и СВ от Ц.[4] На глубине 0.6—0.65 м от О обнаружено кострище (1.5 × 1.5 м) в виде скопления углей и обожженных плах. На глубине 0.44 м на расстоянии 0.75 м от Ц зафиксирован обломок неопределенного железного предмета; на глубине 0.59 м на расстоянии 1.35 м от Ц — поделка в виде кружка из черного камня с просверленным отверстием и с концентрическими кругами вокруг него. На глубине 0.43 м на расстоянии 1.8 м к В от Ц находился раздавленный лепной горшок баночной формы, красноватого цвета и слабого обжига; на глубине 0.58 м на расстоянии 2.8 м к СВ от Ц — фрагменты другого горшка.

На глубине 0.07 м, под дерном, на расстоянии 1.1 м к ЮВ от Ц обнаружено скопление мелких камешков и небольшое количество кальцинированных костей. Среди них находились оплавленные бусы, бронзовая литая массивная застежка с граненными концами и железной иглой и фрагмент бронзовой орнаментированной бляшки. На глубине 0.3 м на расстоянии 0.95 м от Ц лежала слегка оплавленная бронзовая подвеска в виде литой объемной уточки.

На глубине 0.75 м от О на расстоянии 0.5 м к В от Ц рядом с кострищем находился обожженный камень, на котором лежал фрагмент керамики, а в 0.15 м на этом же уровне — второй фрагмент. Выше кострища среди находок встречались отдельные кальцинированные косточки, но характерного для трупосожжения скопления их не обнаружено. Вероятно, этот курган был давно разрушен.

Рис. 1. Браслет.

Рис. 2. Наконечник копья.

Из описания кургана следует, что в насыпи находилось не одно трупосожжение, а два, следовательно, курган многоярусный. Первое, жен-

[3] Описание курганов приводим полностью по отчету Г. П. Гроздилова, так как в опубликованных статьях есть расхождения с отчетом.

[4] Здесь и далее З, В, С, Ю — обозначение стран света; Ц — точка пересечения диаметров; О — центр вершины насыпи.

ское, трупосожжение расположено в основании кургана, близ кострища. Сопровождающие вещи встречены вокруг него на расстоянии 2.05 м.[5] Можно предположить, что сожжение было произведено на месте. В противном случае вряд ли имело смысл раскладывать вещи в определенном порядке. По расположению находок (бусина, обломок железного предмета, пряслице, два горшка) можно судить о том, что умершая была ориентирована головой на Ю.

Второе трупосожжение (в вершине насыпи), возможно, совершено на стороне, так как количество сметенных в кучу костей было незначительно.

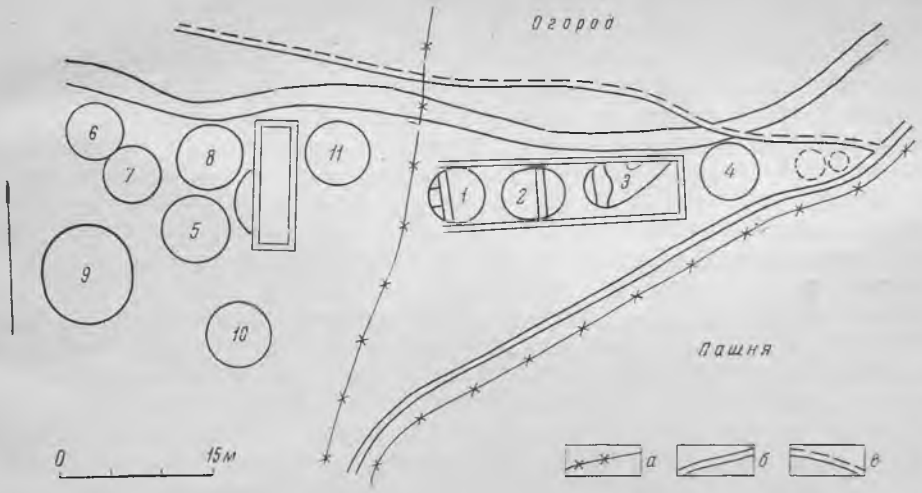

Рис. 3. Схематический план чёлмужских курганов (по Г. П. Гроздилову).

1—11 — номера курганов; *а* — забор; *б* — дорога; *в* — тропинка.

Оба трупосожжения произведены в одно и то же время и датируются X—началом XI в. Многоярусность курганной насыпи и шумящие украшения бесспорно указывают на финскую принадлежность погребенных.

Курган № 2. Этот курган примечателен своеобразным погребальным сооружением. Под насыпью, в грунте, обнаружена яма, края которой наиболее отчетливо прослеживаются по западной и восточной сторонам. Размеры ямы с С на Ю 3.75 м, а с З на В 3.6 м. Края слегка округлы. Глубина от основания насыпи 0.8 м. Дно ямы выстлано тонким слоем бересты. Вдоль восточной, западной и южной стен ямы на подстилку из бересты были сложены стены сруба, из шести березовых плах каждая. Углы рублены «в чашку». Северные углы сруба отсутствовали (западный истлел, а восточный частично поврежден вертикально врытым столбом современной постройки). Конструкция трех стен такова: в основание положена толстая плаха, так, что ее поская поверхность поката с внутренней стороны сруба. На эту поверхность положены округлой стороной плахи меньшей ширины. Вследствие такого устройства стена была отвесной снаружи и покатой внутри, причем внутренняя сторона подтесана в одну плоскость. Северная сторона отсутствовала, а вместо нее положена слегка вытесанная по одной стороне плаха-брус шириной 0.3 м и толщиной 0.15 м; параллельно этой плахе, рядом с ней, находилась другая, шириной до 0.3 м. Опираясь одним концом на нее, а вторым на край южной стенки сруба, лежали три плахи (направление их ЮС, ширина от 0.35 до 0.45 м). Плахи под давлением земли прогнулись

[5] Расстояние подсчитано нами на основе дневниковых записей.

и разделили находившиеся в срубе три погребения: первое погребение у западной стенки (женское), второе рядом с первым и третье у восточной стенки (оба мужские). Все костяки ориентированы головами на Ю.

На расстоянии 0.15—0.3 м от южной стенки сруба, в тех отделениях, где лежали погребенные (за исключением первого), были положены небольшие поперечные плахи поверх упомянутых продольных. Короткие плахи находились также в средних частях этих отделений (по одной в каждом), т. е. непосредственно под погребениями. В северо-восточном углу сруба сложен очаг из небольших красновато-черного цвета булыжников. Налицо коллективное трупоположение в срубе, опущенное в грунтовую яму.

Г. П. Гроздилов высказал два предположения о характере погребального сооружения. Согласно первому, сруб должен был воспроизводить жилище-землянку (так называемую трехстенку); согласно второму, две боковые стенки придавали сооружению ладьевидную форму. Впрочем, исследователь больше придерживался первого мнения и, на наш взгляд, вполне обоснованно. Конструктивные особенности погребального сооружения, использование бересты для подстилки и покрытие сруба берестой, поверх которой насыпана земля, действительно напоминают жилое помещение.

Такая трактовка трехстенного сруба находит подтверждение в этнографическом материале Карелии, относящемся к XIX в. Олончанин клал покойника в гроб, называемый домовищем. В причитаниях встречаются просьбы к плотникам, делающим гроб, чтобы «они сделали хоромину по разуму, прорубили косевчаты окошечка, врезали стекольчаты околенки, склали печеньку муравлену, положили там утехи все с забавушками».[6]

Планировка незамкнутых (трехстенных) срубов-домовин повторяется в примитивных промысловых и хозяйственных постройках вепсов и южных карел. Особенное сходство наблюдается в плане вепсского стана и ливвиковского сарая-дровяника.[7] Похожие срубы встречены в оятских погребальных комплексах, где они появляются приблизительно в одно и то же время, что и чёлмужские. На остальной территории Юго-Восточного Приладожья такого рода сооружения в это время неизвестны.

Женское погребение сопровождалось обильным инвентарем. Справа и слева от черепа найдено по височному серебряному кольцу с заходящими концами. Они лежали на кусочке шерстяной ткани бурого цвета (плетение ткани «елочкой»). Возможно, это остатки головного убора, к которому прикреплялись височные украшения. В области шеи и груди найдено ожерелье из 440 бусин: четырнадцатигранные и восьмигранные сердоликовые; одна рубчатая, дающая в разрезе розетку; стеклянная черная с белой волнистой инкрустацией; стеклянные желтые; бисер (желтый, бирюзовый, синий, зеленый, черный), и др. В состав ожерелья входили 3 дирхема и 4 западноевропейские монеты.[8]

На плечах обнаружено по бронзовой застежке с остатками ткани; на кости левого предплечья — широкий бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися концами, украшенными параллельными и вдав-

---

[6] Г. Куликовский. Похоронные обряды Обонежского края. Олонецкий сборник, в. III, Петрозаводск, 1894, стр. 415.

[7] В. В. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965, стр. 83, рис. 3.

[8] Дирхемы: саманидский, Нух II ибн Мансур (378 г.) (с отверстием); саманидский, Нух II ибн Наф Самарканд (остатки бронзового ушка), варварское подражание саманидскому дирхему (с отверстием). Западноевропейские монеты: Германия, Регенсбург, герцог Генрих III (982—985 гг.) (с отверстием); герцог Генрих II (985—995 гг.) (с отверстием); Чехия, Болеслав I (935—969 гг.) (одна целая с отверстием, другая в обломках).

ленными точками. На браслете сохранились остатки меха и ткани. Такое явление неоднократно отмечалось в оятских могильниках. Вероятно, браслет носился поверх рукава одежды, а поскольку изделие было массивным, то во избежание неудобства под браслет подкладывались кусочки меха.

На тазовых костях находилось сложное украшение из двух низок дутых бус-«флакончиков», четырех бронзовых подвесок, изображающих всадницу на коне, обойм для кисти, бронзовых спиралек, бронзовой полой трубочки, неопределенного куска железа.[9] В стороне от погребения лежал железный нож. Такое на редкость точное описание расположения вещей на костяке позволило реконструировать наряд женщины X—начала XI в.[10]

Существование этого типа женской одежды подтверждается другими реконструкциями по археологическим данным. Для него характерна юбка, составленная из двух полотнищ, с двумя парами петель, пришитых к верхнему краю полотнища. Одна пара петель короткая, другая подлиннее. Обе пары скреплялись фибулами. Юбку такого покроя носили женщины Скандинавии, Финляндии и Прибалтики.[11] Правда, набор украшений для каждой из этих стран был особым. Скандинавские женщины скрепляли лямки скорлупообразными фибулами, финские — круглыми и т. д. Для костюма оятских женщин характерны кольцеобразные пряжки, от которых идут низки бус.

Данной реконструкции не противоречат и этнографические сведения. В XIX в. у южных карел была в употреблении несшитая юбка (hurstut), похожая на ижорскую одежду. Такие юбки завязывались не на талии, а на плечах; хотя такой тип одежды был утрачен задолго до XIX в., его название сохранилось в языке.[12]

Состав украшений, тип одежды, южная ориентировка убедительным образом доказывают финскую принадлежность умершей.

Второе погребение, мужское, было отделено от женского продольным бревном. В области груди находилась бронзовая шаровидная пуговица с ушком. У левого бедра в кожаном мешочке, украшенном каемкой из бронзовых заклепок, лежали кресло с кремнем, костяной складной гребень, орнаментированнный параллельными и крестообразными линиями, точильный прямоугольный брусок с отверстием, нож в кожаных ножнах с бронзовой каемкой по краю. У правого колена находились массивный топор, обращенный лезвием к костяку, и втульчатый наконечник копья. У верхней части бедренной кости (вероятно, на поясе) найден обломок бронзовой пряжки с железным язычком. В ногах ске-

---

[9] В статье «Курганы у деревни Чёлмужи» Г. П. Гроздилов упоминает в составе поясного украшения полую подвеску-уточку; таковой нет в коллекции, не упоминается она и в отчете.

[10] Из датирующих вещей следует отметить 3 дирхема и 4 западноевропейские монеты конца X в., бусы-«флакончики», подвески-всадницы. На основании этих вещей комплекс датируется X—началом XI в. Нам представляется, что низки бус шли не от пояса, а от плечевых пряжек. Это вызвано следующими соображениями. Во-первых, такой способ ношения вообще характерен для женского костюма X—начала XI в., во-вторых, он объясняется элементарным представлением об удобстве. Хотя железный нож был найден в стороне от погребенной, носился он все-таки на поясе, как это подтверждается неоднократными находками в курганах Юго-Восточного Приладожья. Когда обрушились верхние бревна сруба, они могли произвести некоторый беспорядок в расположении вещей погребенных.

[11] М. В. Фехнер. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 75—76; T. Schwindt. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Kälisalmen kihakunan alaita. SMYA, XIII, Helsingissä, 1893; E. Kivikoski. Suomen Historia. I. Helsinki, 1961, s. 240, fig. 212.

[12] Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 159.

лета, на покатой стенке сруба, обнаружены фрагменты трех лепных горшков. Первый сосуд с выпуклым туловом, второй — баночной формы. Оба горшка красноватого цвета; в тесте обильная примесь дресвы; на стенках одного из них заметны следы нагара. Третий, тонкостенный сосуд имеет слегка выпуклое тулово, прямой венчик. По венчику и шейке нанесен орнамент гребенчатым штампом (рис. 4).[13] Среди фрагментов находилась трубчатая кость с эпифизом, принадлежавшая теленку или молодому оленю.

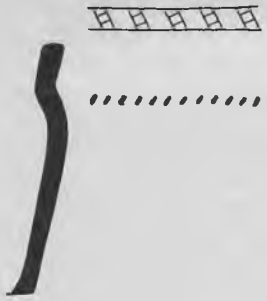

Рис. 5. Лепной сосуд из кургана № 2.

Весь погребальный инвентарь убедительно датирует комплекс X—началом XI в. Например, кресало с бронзовой рукоятью в виде фигур медведей, вставших на дыбы и обхвативших лапами друг друга, помимо чёлмужского кургана известно в оятских могильниках, где сопровождалось гривнами глазовского типа, подковообразными фибулами с многогранными головками, поясными бляшками, подвеской-собачкой — типичным инвентарем рубежа X—XI вв. Гребень, оселок, лепная керамика не противоречат этой датировке. Характерный инвентарь и южная ориентировка умершего не вызывают сомнений в финской атрибуции.

В третьем погребении справа от черепа найдена маленькая серебряная бусина; у левой ноги — прямоугольный точильный брусок с отверстием, кремень и кресало, обломок ножа, рукоять которого плотно обмотана серебряной проволокой, кресало с бронзовой рукоятью в виде двух фигур борющихся медведей; у правой ноги — топор, в отличие от первого мужского погребения обращенный обухом к костяку (топор был в шерстяном чехле); на поясе — бронзовая пряжка с овальной дужкой. В ногах скелета поставлены два горшка серого цвета. Один баночной формы с примесью песка и дресвы к глиняному тесту (рис. 5), второй с округлым ту-

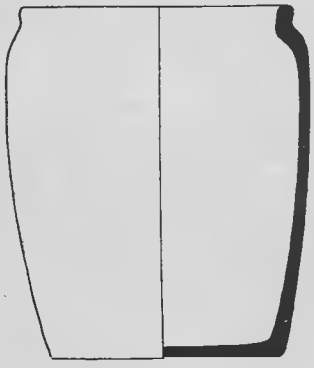

Рис. 5. Лепной сосуд из кургана № 2.

Рис. 6. Лепной сосуд из кургана № 2.

ловом и прямым венчиком (рис. 6). На обоих сосудах на внутренней и на внешней сторонах следы нагара. Данное погребение во многом аналогично второму — тот же состав погребального инвентаря (за исключением на-

[13] В коллекции из чёлмужских курганов есть еще один горшок, отнесенный ко второму погребению. Это сосуд из хорошо отмученной глины, светло-желтого цвета, с резко выраженными плечиками, по которым проходит бороздка. На одном фрагменте нанесен орнамент гребенчатым штампом. По своим качествам он близок орнаментированному горшку из этого же погребения, и, на наш взгляд, нет причин ставить под сомнение его принадлежность к данному погребению.

конечника копья), такое же размещение относительно костяка, та же ориентировка погребенного.

Итак, все три погребения — финские, датирующиеся X—началом XI в. Погребальный обряд во всех трех случаях соблюден до деталей. Помещение умерших в одном срубе, своей конструкцией напоминающем жилище, нам представляется не случайным: вероятно, погребены близкие родственники.

Курган № 3. Высота насыпи 0.65 м, диаметр по линии ЗВ 6.5 м, по линии СЮ 5 м. Под насыпью отчетливо прослеживалась лента подзола. В северо-восточном секторе кургана зафиксированы два погребения. Сохранность костяков плохая. Автор раскопок предполагает, что они были сдвинуты с первоначального положения.

Первый костяк ориентирован головой на Ю. Слева у черепа лежал фрагмент окислившегося наконечника копья. На груди обнаружены две бронзовые пуговицы; слева у таза — фрагмент костяного гребня; у головы — обломки толстостенной лепной керамики.

Второе погребение ориентировано головой на С. Сопровождающий инвентарь представлен одним фрагментом лепного горшка. У черепа прослежены следы древесины (сруба?). Принципиального отличия от других мужских погребений чёлмужских курганов, которые определены как финские, мы не видим.[14] В нашем распоряжении очень мало данных для датировки погребения. На основании орнаментированного костяного гребня и фрагментов лепной керамики это погребение, вероятно, можно отнести к первой половине XI в.[15]

Курган № 4. Высота 0.55 м, диаметр по линии СЮ 7 м, по линии ЗВ 7.2 м. С северо-востока и юга насыпь окружена ровиком. В кургане обнаружена конструкция из дерева в виде неправильного прямоугольника (3.8 × 3.3 м). Следы бревен более или менее полно прослеживаются по всем четырем сторонам. Параллельно западной стенке отмечена вторая полоса — след дерева. Не выяснено, включал ли внутренний контур все погребения или только то, которое находилось у западной стенки?

Оба погребения ориентированы головой на Ю. Первое находилось у западной стенки. Левая рука вытянута вдоль туловища, а правая несколько согнута в локте. Слева у черепа лежал наконечник стрелы листовидной формы; по другую сторону черепа — фрагменты лепного горшка слабого обжига. Венчик слегка отогнут. По плечикам нанесен орнамент в виде вдавленных треугольников (рис. 7). С правой стороны таза находились кремень и топор, обращенный лезвием к костяку. Кресало, нож и железные обломки превратились в спекшуюся массу. Фрагмент гончарной керамики с линейным орнаментом Г. П. Гроздилов считает случайно попавшим в погребение.[16]

На расстоянии 1.5 м к В от этого костяка расположен второй, сильно поврежденный. Кости лежали на различной глубине. Слева от черепа находились обломки лепного сосуда с примесью песка и дресвы; справа — фрагменты горшка, орнаментированного линейно-волнистым орнаментом. При костяке были топор с широким лезвием, прямым верхним краем и полукруглой выемкой на нижней части, пятиугольной формы бляшки

---

[14] Северная ориентировка погребенного не препятствует такому заключению, так как для финских погребений характерно меридиональное направление (СЮ).

[15] По материалам курганов Юго-Восточного Приладожья установлено, что лепная керамика в середине XI в. прекратила свое существование.

[16] Г. П. Гроздилов пишет, что в первом погребении были обломки меча (Курганы у деревни Чёлмужи, стр. 113), но ни в его «Археологических исследованиях», ни в «Отчете...», ни в коллекциях ничего подобного нет.

с рельефным орнаментом. На бляшках сохранились остатки ткани. Они, по всей видимости, украшали пояс мужчины.

В северном секторе кургана сразу же под дерном обнаружены остатки железного предмета (котла? сковороды?). В северо-восточной части кургана под дерном расчищено скопление углей, напоминающее кострище (диам. 0.6 м).

В сопровождающем инвентаре нет датирующих вещей. Принимая во внимание присутствие лепной керамики, типы топоров, погребение предположительно можно отнести к XI в.

Курган № 5. Высота 0.9 м, диаметр по линии ЗВ 6.9 м, по линии СЮ 5.2 м. Северная часть кургана срыта. В насыпи встречались скопления угольков. Под дерном на глубине 0.1 м на расстоянии 0.4 м от Ц к СВ обнаружены две бедренные кости в вертикальном положении. В западной части кургана на глубине 0.66 м находился длинный узкий сруб, ориентированный с СВ на ЮЗ (2.92 × 0.65 м). Сруб, покрытый корой, сложен из одного ряда рубленых «в чашку» бревен и трех поперечных плах под ним. Ширина бревен 0.65. В нем два погребения: женское и детское. Вне сруба, но рядом с ним находилось мужское погребение.[17]

Рис. 7. Сосуд из кургана № 4.

В мужском погребении (первое) от костяка сохранилось только несколько позвонков, так как оно было разрушено ямой. Г. П. Гроздилов предполагает, что бедренные кости, найденные в верхней части насыпи, принадлежали этому костяку. Сопровождающий инвентарь скуден: фрагменты тонкостенной керамики с волнистым орнаментом и железные ножницы. Вероятно, погребение было ориентировано на ЮЗ.[18]

В женском погребении (второе) по обеим сторонам черепа находилось по височному кольцу (одно в обломках) с маленькими овально-ромбическими щитками, орнаментированными кружочками. На шейных позвонках лежало ожерелье из разноцветных бусин (157 экз.)[19] и серебряных монет X и XI вв. (6 экз.),[20] на груди — сложное украшение — I, состоящее из полукруглой в сечении фибулы с шишкообразными головками и рельефным растительным орнаментом на лицевой стороне и трех цепочек из тройных кольцеобразных звеньев. На концах двух цепочек висело по кресту: один с утолщенными профилированными концами и изображением косого крестика посередине; второй — равноконечный, с расширенными концами, украшенными тремя выпуклостями. Третья

---

[17] Нам неизвестно местоположение мужского костяка относительно сруба: ни в опубликованных статьях, ни в «Отчете...» сведений нет.

[18] В «Отчете...» об ориентировке мужского костяка ничего не сказано. Наверно, он был ориентирован так же, как и погребения в срубе, иначе автор непременно бы отметил это.

[19] В «Отчете...» Г. П. Гроздилов называет цифру 145. Судя по составу коллекции, в ожерелье были следующие бусины: 13 бипирамидальных сердоликовых; сердоликовая четырнадцатигранная; сердоликовая круглая; 5 биконических серых пастовых; круглая горного хрусталя; 6 круглых серых пастовых; круглая стеклянная прозрачная; 3 синие стеклянные с желтой инкрустацией; 2 желобчатые синие стеклянные; 29 посеребренных; зеленая стеклянная; 2 зеленые стеклянные пронизки; фиолетовая пронизка; голубая; стеклянная золоченая; 2 круглые посеребренные и обломок цилиндрической посеребренной; белая стеклянная; бронзовое колечко; 62 пастовые; 22 обломка стеклянных и пастовых бусин, и т. д. Всего 157 бусин.

[20] Три западноевропейские монеты: Англия, Эдуард Исповедник (1042—1066 гг.); Англия, Этельред II (979—1016 гг.) (подражание); Чехия, Вратислав II (1056—1092 гг.). Византийские: императоров Константина VII и Романа II (945—957 гг.); императоров Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.); Иоанна Цимисхия (969—976 гг.).

цепочка заканчивалась бронзовой подвеской в виде всадника на коне. В правой руке всадника — боевой топор, а в левой, может быть, щит.[21]

На костях таза найдено другое сложное украшение — II. От проволочного кольца с закрученными концами спускались цепочка из тройных звеньев и бронзовые спиральки, заканчивающиеся плоской прорезной подвеской, тремя бронзовыми ключами, колоколообразной подвеской, двумя ложечками-амулетами и костяным орнаментированным гребнем. Вдоль правой ноги лежало несколько украшений: бронзовая застежка со спирально свернутыми концами и три бубенчика на цепочках — III, а еще ниже — четыре цепочки с подвесками — конек смоленского типа, крестик равноконечный, ложечка-амулет и обломок прорезной плоской пластины — IV. Расположение последнего сложного украшения на голени не находит аналогий ни в одном из приладожских курганов. Украшения рук представлены узкими браслетами со стилизованными головками животных на концах и двумя серебряными перстнями с расширенной средней частью.

Детское погребение (третье) расположено правее женского, причем череп ребенка лежал ниже таза женщины. На шее низка бус (114 экз., по Г. П. Гроздилову).[22] С правой стороны черепа — проволочная серьга с тремя полыми шарообразными бусинами.

Нам представляется, что украшение IV второго погребения относилось к детскому костяку, так как оно располагалось как раз на уровне груди ребенка. Кроме того, аналогичные подвески этого украшения уже представлены в женском костюме. Повторение их как украшений для ног не согласуется ни с археологическими, ни с этнографическими данными. У южного конца сруба, т. е. у головы второго погребения, стоял большой горшок, тонкостенный, сделанный на круге, орнаментированный волнистыми линиями.

Датировка погребений, заключенных в срубе, не представляется сложной. Находки западноевропейских и византийских монет, фибул с рельефным узором на лицевой стороне, гребня с орнаментированными накладками, не встречающихся позже XI в., позволяют датировать курган XI в.

Куда сложнее выяснить этническую принадлежность погребенных. В погребальном инвентаре есть вещи, которые характерны для славян: ромбощитковые височные кольца, серьги с шарообразными бусинами, пластинчатый конек смоленского типа, сердоликовые бипирамидальные бусы. Перечень славянских признаков дополняется юго-западной ориентировкой погребенных и одноярусностью кургана. С другой стороны, в инвентаре представлены вещи бесспорно финские: ключи-амулеты (характерны для оятских погребений) и спиральки. Юго-западная ориентировка присуща не только славянским погребениям, но довольно часто встречается у финнов. На примерах курганов Юго-Восточного Приладожья установлено, что присутствие славянских вещей в погребениях еще не доказывает славянской атрибуции погребенного. Решающее слово остается за погребальным обрядом. Сруб из рубленных «в чашку» бревен и трех поперечных плах, покрытых сверху корой, напоминает сруб из чёлмужского кургана № 2, в финской принадлежности которого никто не сомневается. Правда, в славянских курганах, например в мозолевской группе, известны срубы, но они решительным образом отличаются от

[21] Аналогии этой подвеске нам неизвестны. Нечто похожее было найдено в Бьёрко — подвеска, изображающая всадника на коне, на которой отчетливо видна уздечка, но нет ни топора, ни щита [см.: Sune Lindqvist. Björkö (Svenska Fornminnesplatser), № 2. Stockholm, 1959, s. 25].

[22] Состав ожерелья: 6 сердоликовых бипирамидальных бусин; 5 синих граненых; пастовая глазчатая; 14 пастовых овальных; 86 бисерных стеклянных и пастовых; 14 фрагментов пастовых.

чёлмужских. Кроме того, мозолевские срубы датируются XI—XII вв., в то время как чёлмужские появляются в X—начале XI в.

Убеждение в финской принадлежности погребенных исходит еще из того факта, что характер украшений и расположение их на женском костюме перекликаются со способом их ношения у финнов. Если и есть какие-либо отклонения, то это вполне понятно — курган № 5 датируется концом XI в., а курган № 2 — началом его. И последнее. Нахождение кургана в группе финских, нам кажется, свидетельствует об единой этнической принадлежности курганной группы.

По характеру погребального обряда и инвентаря чёлмужская группа курганов не отличается от финских курганов Юго-Восточного Приладожья. Она скорее всего оставлена какой-то частью населения, переселившейся с этой территории и испытавшей уже активное влияние славянской культуры, как об этом можно судить по женским погребениям кургана № 5.

Список средневековых памятников в Карелии дополняется еще некоторыми случайными находками. В г. Повенце при строительстве электростанции была найдена подковообразная фибула с многогранными головками и шипами на них. Дуга фибулы орнаментирована концентрическими кругами с точкой посередине. Находка датируется X в.[23]

В с. Кокорино, в Уницкой губе, при грабительских раскопках выявлены вещи X—XI вв.: две фибулы (тип 51, по Петерсену); три подвески-всадницы; гривна с концевой головкой и выступами на ней; обломок гривны из плетеных проволочек; два бронзовых браслета из крученой проволоки; пять застежек со спирально закрученными концами; железная гривна; два бубенчика; пять бутылкообразных пронизок.[24]

При раскопках поселения Муромское VI было выявлено погребение XI—XII вв. с юго-восточной ориентировкой погребенного.[25] На поселении Шеттима I в Пудожском районе раскопано погребение с юго-западной ориентировкой.[26]

Незначительное число могильных насыпей на территории Карелии, свидетельствует, вероятно, о том, что курганный обряд погребения здесь не был распространенным. Местное финское население хоронило своих умерших в грунтовых могилах, как это можно судить по приведенным, хотя и немногочисленным примерам.

---

[23] Я. В. Станкевич. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 96, рис. 3.

[24] В. И. Равдоникас. Скандинавские находки в курганах Приладожья X—XI вв. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. [Б. м.], 1934, № 9—10, стр. 169—171.

[25] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции за 1968 г. Архив Карельск. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 29, № 196, стр. 54.

[26] Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Восточно-Карельской археологической экспедиции в 1967 г. Там же, стр. 33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук Украинской ССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. В. Анпилогов. Мезолитические стоянки на р. Кеми 3

В. Ф. Филатова. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс и позднемезолитических 10

Ю. В. Титов. О культуре Сперрингс 34

Ю. А. Савватеев. Неолитические поселения в низовье р. Выг 52

А. П. Журавлев. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I 91

П. Э. Песонен. Памятники раннего средневековья на Муромском озере . . . 95

С. И. Кочкуркина. Курганы северного побережья Онежского озера . . . 103

Список сокращений 113